

Научно-издательский центр «Социосфера»
Витебский государственный ордена Дружбы народов
медицинский университет
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Пензенский государственный технологический университет

**ПРАКТИКА
КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Материалы IV международной научно-практической
конференции 1–2 декабря 2013 года

Прага
2013

Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях : материалы IV международной научно-практической конференции 1–2 декабря 2013 года. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013 – 160 с.

Редакционная коллегия:

Девярых Сергей Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Витебского государственного медицинского университета;

Кулик Святослав Павлович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Витебского государственного ордена Дружбы народов медицинского университета;

Баляев Сергей Иванович, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева;

Антипов Михаил Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Пензенского государственного технологического университета.

Данный сборник объединяет в себе материалы конференции – научные статьи и тезисные сообщения научных работников и преподавателей. Рассматриваются философские и лингвистические аспекты коммуникативного поведения. В некоторых статьях освещаются психологические и социокультурные проблемы коммуникативного поведения. Ряд публикаций посвящен вопросам языка и культуры как средствам проявления коммуникации.

УДК 316.77+159.9

ISBN 978-80-87786-83-3

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2013.

© Коллектив авторов, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

I. КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОМ ЗНАНИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Санников С. В.

Семиозис власти как процесс социальной коммуникации:
методологические аспекты (на примере анализа
исторических образов власти)..... 6

Свириденко И. Н.

Идеи М. Вебера как источник теории Т. Парсонса..... 9

Кукарников Д. Г.

Коммуникативный информационный процесс:
проблема философского осмысления13

Левчук Д. В.

Категориальный аппарат теории коммуникации..... 17

Антипов М. А.

Виртуальные коммуникации как атрибут
постсовременности..... 30

Руденко О. Ю.

Киберэкстремизм в молодёжной среде..... 33

Байсадахова И. У., Алимбаева А. Р., Сагингалиева А. Д.,

Юрковская О. А., Калиева А. А.

Соотношение права и морали.....35

Усманова Е. Ф., Брыжинская Г. В.

Специфика коммуникативного взаимодействия
в профессиональной юридической деятельности37

Карпова Г. С.

К вопросу об особенностях коммуникативной подструктуры
профессиональной деятельности сотрудников
уголовно-исполнительной системы..... 42

Бегиев В. Г., Бегиев О. В., Токуева Г. Н., Яковлева Н. Г.,

Корвякова О. П., Федоровская Т. В., Лесничих Е. И.

История и современность санатория «Белокуриха» 44

II. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Полякова О. О.

Исследование взаимосвязи эмпатии и просоциального
поведения личности..... 50

Шукшина Л. В., Кафтайкина М. И.

Социальные иллюзии в контексте межличностных
коммуникаций52

Девярых С. Ю. «Пластичная сексуальность» и межличностные отношения в эпоху рациональности	54
Бояршинова Д. А., Васюра С. А. Гендерная идентичность и коммуникативная активность в отрочестве	57
Иванова Л. А. Особенности коммуникативных свойств личности подростков с нарушением слуха.....	60
Зенович Д. В. Ценностная ориентация подростков на «терпимость» – важнейшая установка на формирование толерантности	66
Слугин В. В. Коммуникативное поведение студентов как аспект проблемы адаптации к вузу	69
Бондарева С. В., Бондарева Н. А. Психология коммуникативных отношений в студенческой среде.....	72
Баляев С. И. Коммуникативное поведение и этнические установки у эрзян и мокшан	77
Андропова Н. В., Гаранина Ж. Г. Особенности коммуникативной компетентности специалистов социэкономической сферы	79
Гаранина Ж. Г. Коммуникативные способы профессионального саморазвития специалистов социэкономической сферы	83
Андропова Н. В. К проблеме развития коммуникативной компетентности специалистов сферы «человек – человек»	86
Слугина Л. Б. Психологические особенности коммуникативного поведения психолога в процессе взаимодействия с клиентом	90
Данилова М. Р. Коммуникативный аспект педагогического общения	93
Стефаненко С. Б. Современные технические средства обучения в музыкально-теоретической подготовке и самостоятельной работе будущего учителя музыки	95
Маркова Е. И., Маркова И. Д. Дизайн слайдов как условие успешной презентации	99
Епифанова А. Г. Дизайн как инструмент невербальной коммуникации	102

Ибрагимова Р. Ф.

Психологические особенности банковской рекламы
как формы коммуникационного поведения.....103

**III. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА КАК СРЕДСТВА
И ПРОЯВЛЕНИЯ КОММУНИКАЦИИ**

Топка Л. В.

Категоричное речевое поведение: универсальные
и этноспецифические средства репрезентации106

Середухина Т. А.

Диалог Пилата и Иешуа: анализ импликаций в условиях
фрейма (на материале романа М. А. Булгакова
«Мастер и Маргарита»)..... 112

Саввинова Г. Е.

Числовые эпитеты как изобразительно-выразительные
средства в якутской литературе..... 118

Романченко А. П.

Научный дискурс в концепциях украинских
исследователей 121

Bogatyrova Ie. V.

Manipulative discourse tactics based on verbal perception
mechanisms misuse: peculiarities of the realization
within the English political debate 125

Валисова Т. В.

Интеллектуальные характеристики людей
в английских и русских пословицах и поговорках128

Корчмит Т. А.

К вопросу коммуникативного поведения при обучении
иностранному языку в средней школе 131

Гараева Л. Р.

Влияние знания татарского языка на изучение русского.....138

Гайнуллина Ф. Б.

О проблемах подготовки педагогических кадров
филологического (педагогического) образования139

Лашук Г. Г., Рутковский И. В.

Время как критерий классификации культур144

План международных конференций, проводимых вузами
России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии,
Ирана, Казахстана, Польши, Украины и Чехии
на базе НИЦ «Социосфера» в 2014 году 146

Информация о журнале «Социосфера» 154

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 159

I. КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОМ ЗНАНИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

СЕМИОЗИС ВЛАСТИ КАК ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ ВЛАСТИ)

С. В. Санников

**Сибирский институт международных отношений
и регионоведения, г. Новосибирск, Россия**

Summary. The article is devoted to semiotical analysis of historical images of authority. Application of semiotic approach allowed to consider the formation of signs of power in the Roman-Germanic societies of the VI century in terms of cross-cultural communication, as well as to reveal and characterize three levels of the semiosis of power.

Key words: semiotics; semiosis of power; barbarian kingdoms; image of authority.

Формирование образа власти является коммуникативным процессом, в котором участвуют носитель (создатель) образа, реципиент, а также исследователь образа [9]. Данная коммуникация отражает семиозис власти – социальный процесс, в ходе которого происходит создание и интерпретация знаков, объектом (десигнатом) которых является публичная власть. Современные методологические подходы позволяют рассматривать область функционирования знаков власти комплексно, включая в данную сферу совокупность актов публичного транслирования императива, различные аспекты дискурсивных практик, включая формы коммуникации и организации пространства [8], социальные действия [2], а также комплекс материальных символов, церемоний и вербальных формул, присущих институтам публичной власти [3].

Значительные перспективы применения в области анализа рассматриваемых коммуникативных практик власти имеет семиотический подход, который позволяет рассматривать генезис и эволюцию знаков власти в разрезе всей семиосферы, совпадающей в своих границах с рамками культуры социума. Исследователи уже неоднократно предпринимали попытки применения

семиотических методов в данной области [1; 4; 5; 10; 11], однако, в связи со значительным методологическим разнообразием семиотических подходов, единой методологии исследования знаков власти выработано не было.

В качестве методологической основы исследования в настоящей статье принимается концепция семиосферы Ю. М. Лотмана, понимаемой как семиотическое пространство, в котором взаимодействуют соответствующие знаковые системы [7]. С данной концепцией может быть сопоставлена трактовка культуры К. Гирца – как исторически передаваемой системы значений, воплощённых в символах, системы унаследованных представлений, выраженных в символических формах, посредством которых люди передают, сохраняют, развивают своё знание о жизни и отношение к ней [2, с. 106].

В качестве объекта анализа рассматриваются культурные коды романо-германских обществ середины VI века (т. н. «варварских королевств»). Исследуемый материал представляет большой интерес в связи с происходившим в рассматриваемый период процессом межкультурной коммуникации и перекодировки культур, в ходе которой формировалась новая иерархия знаковых систем, в том числе, – отражающих феномен публичной власти.

Семиозис власти происходил в романо-германских обществах VI века на нескольких уровнях:

Первичный семиозис происходил в рамках перехода от дописменного культурного кода к письменному коду и включал изменение понятий, отражающих статус носителей публичной власти. Например, если король племени остготов именовался в IV веке германским титулом *Thiudans*, то в текстах VI века он выступал уже как *Rex*, воспринимая, таким образом, римскую номенклатуру. Данный процесс тесно сопряжён с восприятием латинского языка в качестве языка официальных коммуникаций (осуществлявшихся в форме указов, официальных писем, инкорпорации права), а также созданием новых языковых форм. В частности, реформа короля франков Хильперика включала попытку модернизации системы письма путём введения новых литер для записи германских фонем, формируя, таким образом, семиотическую основу новой романо-германской культуры.

Семиозис второго уровня происходил в виде трансформации кодов легитимности правления. В V–VI веке наблюдается постепенный отход от архаического культурного кода, основанного на представлениях об «обычаях предков» как основе легитимности,

в сторону римской политико-правовой модели подтверждения статуса королевской власти со стороны правящего императора. Данный процесс сопровождается принятием римских государственно-правовых символов, таких как пурпурная мантия, титул Augustus или Flavius, в качестве знаков политической власти.

Семиозис третьего уровня прослеживается в форме создания национальных историографических мифов, возводивших историю правящего дома, как правило, к легендарным событиям древности, таким как троянская война, или событиям библейской истории. Данные мифы получали отражение в произведениях жанра *origogentis* (происхождение народа), ставших основой формирующейся раннесредневековой историографии. Исторический аспект семиозиса власти является весьма показательным, поскольку «символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения» [6].

Таким образом, применение семиотического подхода даёт возможность рассмотреть процесс формирования знаков власти в транзитивных обществах с точки зрения межкультурной коммуникации, а также выделить и охарактеризовать три уровня семиозиса власти. Применение представленного подхода позволяет получить добавочное эмпирическое содержание в исследовании коммуникативных практик, что свидетельствует о целесообразности его использования в дальнейших научных исследованиях, посвящённых реконструкции исторических образов власти и изучению различных аспектов межкультурной коммуникации.

Библиографический список

1. Астафурова Т. Н., Олянич А. В. Лингвосемиотика власти: знак, слово, текст / Волгогр. гос. ун-т. Волгогр. гос. с.-х. акад. – Волгоград, 2008.
2. Гирц К. Г. Интерпретация культур / пер. с англ. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
3. Глушаков А. Ю. Государственно-правовые символы в системе легитимации публичной власти древней и средневековой Руси IX–I половины XV вв. : дис. ... канд. юр. наук. – СПб., 2003. На правах рукописи.
4. Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. – М., 1987. – С. 47–153.
5. Прозоров В. О семантических горизонтах понятия «власть» // Логос. – Вып. 4/5. – М., 2003. – С. 58–64.

6. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Избранные статьи : в 3-х т. – Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллинн : Александра, 1992. – С. 191–199.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб. : Искусство. – СПб, 2004.
8. Согомонян В. Что такое дискурс власти? // 21-й век. – 2012. – № 1 (21). – С. 34–51.
9. Санников С. В. Образ власти как продукт социальной коммуникации: семиологический анализ // Информационно-коммуникационное пространство и человек: материалы международной научно-практической конференции. – Пенза, 2011. – С.72–74.
10. Янушкевич И. Ф. Лингвосемиотическое пространство англосаксонской легитимной власти // Вестн. Волгоград. гос. ун-та: научно-теоретический журнал. – Волгоград, 2009. – Вып. 2. – С. 119–125. – (Сер. 2. Языкознание).
11. Siefkes M. Power in society, economy, and mentality: towards semiotic theory of power // Semiotica. – Berlin; N.Y., 2010. – Vol. 181. – № 1/4. – P. 225–261.

ИДЕИ М. ВЕБЕРА КАК ИСТОЧНИК ТЕОРИИ Т. ПАРСОНСА

И. Н. Свириденко

**Институт управления Оренбургского государственного
аграрного университета, г. Оренбург, Россия**

Summary. The article discusses the ideas of Max Weber, underlying attitudes to social action Parsons, identifies the similarities and differences between the two theories.

Key words: social action; interpretive sociology; legitimacy; actor.

Сегодня актуальной для современной социологии остается тема, связанная с исследованием творческого наследия одного из крупнейших социологов XX века, создателя теории социального действия Толкотта Парсонса.

В своей научной деятельности Парсонс создал фундаментальное теоретическое построение, объясняющее наиболее общие социальные процессы. Он говорил, что общество связывают не только экономические отношения, но и то, что делает возможным эти отношения, а именно, общность ценностей людей и взаимное соблюдение правил социального поведения.

Парсонс исследовал общество на макросоциологическом уровне. Он представлял общество как систему, и изменение элемента этой системы рассматривается как изменение системы в целом.

Для построения собственной концепции Парсонс широко использует работы своих знаменитых предшественников: Э. Дюркгейма, в частности, его идею «органической солидарности»

и метод анализа стабильности социальной системы, состоящей из функционально-дифференцированных ролей; М. Вебера, – обоснование необходимости изучения социальных организаций и институтов через обобщённую схему – «рациональность социальной системы»; а также труды В. Парето (в интерпретации Л. Дж. Хендерсона). Кроме того Парсонс придает большое значение положениям, разработанным в рамках антропологического и психологического направлений социальной мысли (Г. Спенсер, З. Фрейд).

Основными источниками теории Т. Парсонса стали идеи А. Маршалла, В. Парето, Э. Дюркгейма, М. Вебера.

Учитывая, что понятие «социального действия» из этих учёных использовал только Макс Вебер, можно говорить, что наиболее важным источником была именно его теория.

Несмотря на различие методологических установок двух учёных, на содержательном уровне между «социальным действием» у Вебера и Парсонса очевидна преемственность. Такие элементы, как цель, ситуация и актор присутствуют и в первом, и во втором случаях. У Вебера понятие цели эксплицитно, присутствие действующего лица и ситуации, в которой разворачивается действие, очевидны, даже если Вебер этого специально не оговаривает. В любом случае, без этих элементов понятие действия мыслиться не может. В этом аспекте Парсонс ничего нового к теории действия не добавляет.

Неотъемлемым элементом веберовской понимающей социологии является учёт субъективного смысла действия [1, с. 52]. Наличие у человека способности к мышлению, которая отличает его от остальной природы, способность вкладывать в свои действия субъективный смысл являются обязательным компонентом действия, который не может не приниматься в расчёт. Парсонс полностью разделяет эту позицию Вебера. Субъективность действия он вводит в свою теорию через постулирование «субъективности системы координат», под которой понимается анализ того, как ситуация, цель и средства представляются самому индивиду. Введя этот тезис, Парсонс, однако не вводит веберовской классификации действий по их доступности для понимания. Полностью доступным для понимания у Вебера мыслится только один тип действия: целерациональный, в котором очевидна связь между целью и средствами. Для Вебера существуют следующие типы действия:

- 1) более или менее приближенно достигнутый правильный тип;
- 2) (субъективно) целерационально ориентированный тип;
- 3) действие, более или менее сознательно и более или менее однозначно целерационально ориентированное;

4) действие, ориентированное нецелерационально, но понятное по своему смыслу;

5) действие, по своему смыслу более или менее понятно мотивированное, однако нарушаемое – более или менее сильно – вторжением непонятных элементов;

6) действие, в котором совершенно непонятные психические или физические факты связаны «с» человеком или «в» человеке незаметными переходами».

Отсутствие у Парсонса подобной классификации может быть объяснено двояко: вероятно, что Парсонс считал, что всякое действие независимо от его рациональности имеет субъективный смысл, который доступен для понимания квалифицированного исследователя. Вероятно также, что Парсонс не вводит этого различения по причине иной методологической позиции. Для Вебера «целерациональное действие» было идеальным типом, который является отправной точкой анализа и классификации действия. Для Парсонса «субъективный смысл» – элемент системы координат, а не свойство самого действия. Или «субъективный смысл» – это свойство действия в данной системе координат. Тогда веберовское различие оказывается встроенным в систему координат действия, поскольку любой тип действия доступен анализу в терминах данной системы координат.

Временное измерение, которое Парсонс постулирует как свойство системы координат, не вводится у Вебера, но, как и в случае с целью, нет нужды его специально вводить, поскольку действие – процесс, а процесс подразумевает наличие некоторого временного интервала протекания. Наконец, встанёт вопрос о нормативном элементе действия. С одной стороны в веберовской теории социального действия нет явно введённой предпосылки нормативного характера действия. С другой стороны, веберовский анализ влияния протестантской этики на возникновение предпринимательства капиталистического типа, равно как понятие «традиции» в социологии религии даёт основания предполагать, что Парсонс мог почерпнуть понятие «нормативной ориентации» у Вебера.

Таким образом, можно говорить о том, что теория действия Парсонса в основных пунктах совпадает с теорией социального действия Вебера. Однако «совпадает» не означает в данном случае «полностью повторяет».

Многие парсоновские категории присутствовали у Вебера в неформулированном виде. Прежде всего, это касается

«нормативного аспекта действия». То, что Парсонс мог почерпнуть у Вебера этот аспект, не означает ещё, что он действительно его почерпнул непосредственно из указанного источника. Можно с уверенностью высказать предположение о том, что понятие «нормативности» было почерпнуто у Дюркгейма, прежде всего из «Разделения общественного труда» [2, с. 209–210]. Элемент, который можно рассматривать как «нормативный» в парсоновском смысле, вводится у Вебера как «ориентация на другого». По мнению Гайдено и Давыдова, «ориентация на другого» содержит в себе элемент такого правоведческого понятия как «признание... лишь в той мере и настолько, в какой и насколько «всеобщее» признаётся отдельными индивидами и ориентирует их *реальное* поведение, лишь постольку оно существует». Исследователи напрямую связывают эту концепцию с учением Вебера о формах господства и таким понятием как «легитимность» [1, с. 69]. Между легитимностью и «нормативным аспектом действия» имеется явная параллель. «Норма» – это одобряемый способ достижения цели, «социально приемлемый», следовательно, легитимный, если применить термин Вебера в расширительной трактовке. Однако Парсонс постулирует реальное существование норм, хотя отчётливо понимает, что в действии они проявляются постольку, поскольку индивиды на них ориентируются. Это видно из его определения нормы: «Норма – это вербальное описание конкретного хода действия, который ... рассматривается как желательный, в сочетании с предписанием согласовывать будущие действия с этим образцом» [3, с. 317]. Уже в этом определении можно усмотреть серьёзное отличие от «признания»: во-первых, норма мыслится как существующая вне и до некоторой степени независимо от индивидуального актора; во-вторых, норма обладает принудительной силой по отношению к индивиду – предписание согласовывать будущие действия с этим образцом. В этом пункте можно увидеть основное отличие парсоновской теории от веберовской. Такое понимание явно восходит к позднему Дюркгейму, его понятиям «чувства долга», «морального авторитета».

Многие философы были прочитаны Парсонсом через призму идей Макса Вебера. Влияние этого учёного является во многом определяющим. Теория Парсонса есть та же теория «социального действия» Макса Вебера, из которой удалены те наиболее крайние положения, которые были для Парсонса мето-

дологически неприемлемы: в частности вопрос существования норм, которые независимы от каждого конкретного индивида, но влияют на его поведение. Эту мысль подтверждает и совпадение большинства понятий, но уже на этом этапе намечилось дальнейшее направление развития идей Парсонса, которое со временем уведёт его от веберовской трактовки.

Библиографический список

1. Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность. – М., 1991.
2. Парсонс Т. О построении теории социальных систем: интеллектуальная биография // Система современных обществ. – М., 1998.
3. Дюркгейм Э. Метод социологии / А. Б. Гофман // Социология Дюркгейма. – М., 1995.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС: ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Д. Г. Кукарников
Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Россия

Summary. The article deals with the different points of view on the nature, objectives and methods of communication and communication subjects. The author takes the position of polysemy of the concept of «communication». Key provisions of the general theory of communication (M. McLuhan) are also analyzed.

Key words: communication; universal form of information transfer; information exchange; verbal mode of communication; semiotic systems; audiovisual means of communication.

До настоящего времени существуют различные точки зрения на природу, задачи и способы коммуникации, на субъекты коммуникации. В самом общем виде коммуникация может быть определена как один из видов взаимодействия людей, в процессе которого они обмениваются какой-либо информацией. Коммуникация – это передача информации от человека к человеку; форма взаимодействия между людьми и социальными группами, предполагающий информационный обмен. В экзистенциализме существуют и иные определения коммуникации: к примеру, Карл Ясперс отстаивает необходимость обретения людьми «подлинной коммуникации», которая не усредняет людей, не уравнивает свойства индивидов, а, наоборот, способствует их индивидуализации и духовному развитию. Суть такой

коммуникации в том, что она требует от каждого человека глубокого понимания истоков человеческого бытия и обретения себя как личности [1, с. 453].

Большинство авторов в содержание данного термина включает как средство, так и процесс передачи информации или обмена информацией между субъектами, а также саму языковую или знаковую форму когнитивной деятельности человека. Но, пожалуй, вплоть до настоящего времени в научной литературе наиболее распространённым является понимание коммуникации, предложенное ещё Норбертом Винером, который ассоциировал её в первую очередь со связью [2, с. 122].

Некоторые авторы настаивают на содержательном различении средств коммуникации и средств информации. На наш взгляд, такое разведение этих понятий не имеет под собой оснований, поскольку оба они тесно связаны и работают друг без друга. Как верно замечает И. П. Фарман, при всей своей многозначности понятие коммуникации «связывается не столько с так называемой информационной коммуникацией, предполагающей передачу сообщения в одностороннем монологическом порядке и делающей акцент на распространении, сколько с процессуальной формой коммуникации, т. е. осмыслением коммуникации как процесса общения, под которым понимается соучастие субъектов, их совместная деятельность и даже определённая организация. Такая коммуникация имеет диалогическую форму и рассчитана на взаимное понимание» [5, с. 64].

Коммуникация – это особая культурно-духовная форма общения, свойственная человеку разумному, разновидность универсальной формы передачи информации. От способа и скорости передачи информации во многом зависят когнитивные возможности человека. Очевидно, что коммуникация определяет не только сам факт появления знания, но и многие его особенности, о чём неоднократно писал выдающийся канадский социолог Маршалл Маклуэн – основатель общей теории коммуникации.

Он подчёркивал, что характер культуры и сама преемственность исторических эпох определяются постепенным развитием средств коммуникации. Последние изменяются в ходе развития научных, экономических и социально-политических процессов в жизни общества и в свою очередь влияют на эти процессы. Техническим средствам связи Г. Маклуэн придаёт особую

значимость, считая их определяющими в развитии коммуникативных процессов. Поскольку в разные периоды истории преобладали соответствующие каждому из них технические средства информационного обмена, можно выделить и несколько этапов в развитии способов коммуникации [3, с. 78].

Согласно М. Маклуэну, первым способом коммуникации выступает довербальный (доязыковой). Он включает в себя мимику, жесты, разного рода сигналы пралюдей друг другу. Такие архаичные виды коммуникации, как уже отмечалось выше, не являются сугубой принадлежностью человека, они характерны и для высокоорганизованных представителей животного мира, в первую очередь – приматов. Более того, самые первые и примитивные формы коммуникации (оскал, рык, крик и т. п.) заложены в поведение большинства живых организмов. Но только у людей они переросли уровень поведенческих инстинктов, стали осознанными и, наконец, обрели полную самостоятельность. Когда отношения внутри стаи и с окружающим миром стали слишком сложными, не укладывающимися в ограниченную схему языка мимики жестов, появилась потребность в другом, собственно звуковом и разнообразном средстве передачи информации – слове [3, с. 112–113].

Второй способ коммуникации – вербальный. С этого момента можно говорить о появлении вида *homo sapiens* как уже вполне сформировавшегося вида. В эпоху племенных культур общение людей было ограничено рамками устной речи и мифологическим (синкретичным) мышлением, придававшим миру целостность, но, вместе с тем, делавшим его локальным и замкнутым. Тем не менее, это был поистине революционный скачок в развитии человечества, вполне сопоставимый по значимости с появлением в XX в. цифровых коммуникационных технологий.

Третий этап развития коммуникации – появление письменности. На этом этапе развития коммуникативных процессов знания фиксируются в знаковых системах, которые можно транслировать независимо от носителя этих знаний, т. е. навыки, ранее передававшиеся в основном путём непосредственных контактов, получают своё воплощение в организованной и целостной системе письменного языка. Введение письменности обеспечило надёжный способ сохранения прошлого опыта и индивидуальных знаний, а также возможность дополнения, корректировки или иной интерпретации прежних.

Четвёртый этап развития коммуникации – тиражирование письменных текстов, появление книгопечатания. На этом этапе усложняются и обогащаются коммуникационные взаимодействия. По мнению М. Маклуэна, именно изобретение И. Гутенбергом в XV в. печатного станка привело не только к оформлению национальных языков и государств, но и к распространению рационализма, а, в конечном счёте, к созданию предпосылок и появлению собственно научного знания [4, с. 135].

Пятый этап развития коммуникаций – аудиовизуальный, электронный. Широкое распространение современных аудиовизуальных средств коммуникации (телевидения и т. п.) радикально преобразуют всю среду обитания человека, обеспечивая возможность его коммуникации со всем миром. Практически любая информация может мгновенно передаваться на любые расстояния, меняя таким образом и сознание человека – весь мир он начинает воспринимать как свой собственный дом, а мировые проблемы – как свои собственные.

Разумеется, вышеуказанные этапы развития коммуникаций не меняются резко; каждый новый включает в себя достижения предшествующих этапов и сосуществует наряду с ними. В первую очередь это, конечно, касается передачи не научной, а культурной, традиционной, обыденной информации. Темпы роста этой последней гораздо медленнее, чем развитие научной мысли и часто не успевают за нею. Таким образом, эволюция коммуникативных процессов – явление поступательное, идущее от более простого (естественных способов коммуникации – жестов, речи) к более сложному (цифровым и электронным средствам) разными темпами в зависимости от сферы их применения.

Библиографический список

1. Jaspers K. Die Grossen Philosophen. Erster Band. – Munchen : R. Piper und Co. Verlag, 1959. – 968 S.
2. Грачёв М. Н. Норберт Винер и его философская концепция // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С. 119–134.
3. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М. : Кучково поле, 2007. – 464 с.
4. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего. – М. : Академический проект, 2005. – 496 с.
5. Фарман И. П. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса. – М. : ИФ РАН, 1999. – 244 с.

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АППАРАТ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Д. В. Левчук

Русская Православная Церковь, Московский патриархат,
Белорусский Экзархат, Гродненская епархия,
г. Гродно, Беларусь

Summary. Communicating with others involves three primary steps: Thought: First, information exists in the mind of the sender. This can be a concept, idea, information, or feelings. Encoding: Next, a message is sent to a receiver in words or other symbols. Decoding: Lastly, the receiver translates the words or symbols into a concept or information that a person can understand.

Key words: communication; information; sender; recipient; communicating parties.

Современная информационная деятельность человека способствует информатизации общества. В результате производимая информация становится основным ресурсом развития общества [8, с. 25–29]. Человек с позиции коммуникации и коммуникативного подхода есть система переработки информации [55, с. 23–27]. Эффективность этой системы зависит главным образом от усовершенствования принимающей стороны в результате получения и усвоения информации.

Коммуникативная компетентность представляет собой определённый уровень сформированности личностного и профессионального опыта взаимодействия с окружающими, который требуется индивиду, чтобы в рамках своих способностей и социального статуса успешно функционировать в профессиональной среде и обществе.

Ознакомление с ключевыми концептами современной коммуникации даёт панорамное проблемное видение возрастающей коммуникативной компетентности во всех сферах жизнедеятельности. В конечном счёте, это означает рационализацию механизмов управления обществом, утверждение диалога в качестве приоритетной формы общения и единственного способа разрешения глобальной проблемы «цивилизационных вызовов», формирование нравственной, духовной личности путём расширения уровня ответственности и свободы, в которых личность ищет свои жизненные смыслы.

Коммуникация как объект социальной науки

Информация (отлат. informatio – разъяснение, изложение, осведомлённость). Употреблялось для обозначения:

- 1) действия, связанного с обработкой, приданием формы;

2) понятия, идеи, представления, а также образования, приобретения знания, обучения чему-либо.

В обыденном употреблении термин «информация» относится к фактам и мнениям, которые передаются и получаются в повседневной жизни: СМИ, посредством искусства, мимика, жесты и т. п. Приобретается информация и посредством систематического изучения, оформленная как знание.

В XXI веке информация рассматривается как экономический ресурс. Владение, управление и использование информации увеличивают (при правильном её освоении) выгоду многих физических и интеллектуальных процессов. Отсюда заключаем второй аспект информации – понимание её как потребительского товара [43].

Коммуникация (отлат. *communis* – делаю общим, связываю, общаюсь) – передача некоторого сообщения от источника к получателю. Представляет собой естественный процесс, внутренне присущий любому индивиду (в том числе коммуникация у животных), обмен смыслами между индивидами посредством общей символической системы, или – согласно И. А. Ричардсу – влияния одного сознания на другое сознание, например: сексуальная привлекательность, игровое поведение. Коммуникация может анализироваться различными способами. «Психологи использовали понятие коммуникации в своих исследованиях поведения и психики. Представители социальных наук установили разнообразные формы коммуникации, посредством которых мифы, стили жизни, нравы, традиции передавались из поколения в поколение или от одной части общества другой. Политологи и экономисты признавали, что многие типы коммуникации находятся в самом центре закономерностей социального устройства. Под воздействием новых технологий – в частности появления мощных компьютеров – математики и инженеры попытались подсчитать и измерить компоненты сообщаемой информации и разработать методы преобразования различных типов сообщения в цифровую форму» [43]. На данный момент коммуникация «просочилась» в различные сферы деятельности человека. Индустрия массовой коммуникации; убеждающая коммуникация и использование технологии для формирования вкусов и предпочтений; процессы межличностной коммуникации; динамика вербальной и невербальной коммуникации между индивидами; восприятие различных типов коммуникации; использование коммуникативных технологий в социальных и эстетических целях; развитие релевантной критики в отношении усилий

художников – везде используются современные коммуникационные технологии [18; 44].

Обратная связь – составной элемент коммуникативного процесса. Представляет собой ответ получателя, который оформляет и изменяет последующие сообщения источника, т. е. обратное движение коммуникативного потока.

Обратная связь может быть положительной (способствует дальнейшему разворачиванию коммуникативного процесса) и отрицательной (старается изменить или даже прервать коммуникацию); непосредственной (реакции получателя прямо воспринимаются источником) или отсроченной (получатель не находится в непосредственной близости от источника – его реакции не воспринимаются источником прямо) [43].

Помехи, или шумы в коммуникации, привносимые при передаче сообщения, способные воспрепятствовать сообщению достичь места его назначения:

- семантические (придание различных значений одним и тем же словам или фразам.),
- механические (проблемы с машиной, которая помогает в осуществлении коммуникации),
- помехи окружающей среды (внешние по отношению к коммуникативному процессу и неподконтрольны коммуникатору, например, если беседа происходит в шумном ресторане) [43].

Сообщение – элемент коммуникативного акта, передаваемый объект, трансформирующийся в сигнал, движущийся в материальном пространстве и времени, но имеющий своей целью не переправить сообщение из пункта А в пункт В, а достичь своего реципиента и включить смысловое содержание сообщения в его (реципиента) психику, индивидуальную память [35].

Интересно выражение Herbert Marshall McLuhan ставшее афоризмом «the medium is the message» явившееся «стимулом для многих художников, фотографов и кинорежиссеров, которые приняли его точку зрения, согласно которой современное общество осуществило переход от печатной культуры к культуре визуальной» [43].

Базовые модели исследования коммуникации

Информация (в кибернетической модели) – основное понятие кибернетики. Идея о том, что информацию можно рассматривать, как нечто самостоятельное, возникла вместе с кибернетикой, доказавшей, что информация имеет непосредственное

отношение к развитию и управлению, с помощью которого и обеспечивается устойчивость и выживаемость. В настоящее время информация уже мыслится как среда, питающая управляющие органы, которая ими же и создаётся для будущего развития в виде всевозможных баз и банков данных. Академик Никита Николаевич Моисеев относит понятие информация к фундаментальным понятиям, наряду с материей и энергией. Определений этого термина много, но при всех трактовках оно предполагает существование двух объектов: источника информации и потребителя информации. Научное кибернетическое понятие информации во многом отвлекается от содержательной стороны сообщений, рассматривая их количественный аспект. Системно-кибернетический подход в управлении означает единство процессов накопления информации, отбора и структурирования её согласно целям системы и переход на новый уровень организации. В основе развития лежит механизм управления [9; 10; 46; 31].

Энтропия (от греч. ἐντροπία – поворот, превращение) – понятие, введённое в термодинамике для определения меры необратимого рассеивания энергии. Энтропия – это функция состояния, т. е. с любым состоянием можно сопоставить вполне определённое (с точностью до константы – эта неопределённость убирается по договорённости, что при абсолютном нуле энтропия тоже равна нулю) значение энтропии.

Для обратимых (равновесных) процессов выполняется следующее математическое равенство (следствие равенства Клаузиуса):

$$S_A - S_B = \int_A^B \frac{\delta Q}{T},$$

где δQ – подведённая теплота; T – температура; A и B – состояния, S_A и S_B – энтропия, соответствующая этим состояниям (здесь рассматривается процесс перехода из состояния A в состояние B).

Для необратимых процессов выполняется неравенство, вытекающее из неравенства Клаузиуса:

$$S_A - S_B < \int_A^B \frac{\delta Q}{T},$$

где δQ – подведённая теплота; T – температура; A и B – состояния, S_A и S_B – энтропия, соответствующая этим состояниям.

Поэтому энтропия адиабатически изолированной (нет подвода или отвода тепла) системы при необратимых процессах может только возрастать.

Как количество информации в системе есть мера организованности системы, точно так же энтропия системы есть мера дезорганизованности системы; одно равно другому, взятому с обратным знаком. Эта точка зрения приводит нас к ряду рассуждений относительно второго закона термодинамики: при реальных (необратимых) адиабатических процессах энтропия возрастает, достигая максимального значения в состоянии равновесия (2-е начало термодинамики не является абсолютным, оно нарушается при флуктуациях). Отсюда вытекает понятие информационной энтропии как меры неопределённости источника сообщений, определяемой вероятностями появления тех или иных символов при их передаче [20; 34; 11].

Функции коммуникации в обществе (по Н. D. Lasswell) [51]:

⇒ Наблюдение или надзор за окружающей обстановкой – процесс поиска решений, приводящих части целого к гармоническому состоянию.

⇒ Обеспечение взаимосвязи частей общества в соответствии с изменениями среды.

⇒ Передача социального наследия или опыта от одного поколения к другому.

⇒ Функции трансляции: в зависимости от типа связи между коммуникатором и аудиторией цепи могут быть одно- либо двухсторонними; вместе с тем, аудитории свойственна «обратная реакция», которая обычно происходит с некоторой задержкой.

⇒ Контроль сообщений и центров управления потоками сообщений.

⇒ Изучение человеческого общества в терминах ценностей, используя данные, представленные в речевом виде.

⇒ Средство сохранения власти – обеспечение информацией об активности и возможностях конкурирующих элит; установление контактов с аудиторией, находящейся за границами другого государства.

⇒ Выявление и контроль любых факторов, препятствующих эффективной коммуникации.

⇒ Реализация ценностей власти, благосостояния и уважения.

⇒ Взаимозависимость факторов среды и индивидуальных predispositions.

Поэтическая функция – центральная определяющая функция словесного искусства, усиливающая осязаемость знаков, углубляющая фундаментальную дихотомию между знаками и предметами. Сосредоточивает внимание на сообщении, как

таковом, на сообщении ради него самого (важно не то, что говорится, сколько то, как говорится, художественный приём, форма сообщения), т. е. данная функция тесно взаимодействует с общими проблемами языка [47; 41].

Референтивная функция указывает на связь сообщения с реальной ситуацией, социальным контекстом, «третьим лицом» (некто или нечто), являющимся ядром многих сообщений, хотя установка делается всё же на референт [47; 41].

Семиотика коммуникации

Коннотация – (позднелат. *connotatio*, от лат. *con* – вместе и *noto* – отмечаю, обозначаю). Уразумение надстроечного (непрямого) смысла имени, языковой единицы, модуса, материальных предметов, невербальных знаков. Коннотативные значения латентны, относительно и подвижны. «Важнейшей характеристикой коннотативного значения Rol and Barthes считает его идеологическую нагруженность, его способность в качестве формы идеологического воздействия замещать «основное» значение слова» [12; 1; 2].

Индекс – разновидность знаков, образующая, согласно классификации Luis Prieto, «значащие системы» или «знаковые системы» [54; 44; 3;]. В медицине эта разновидность знаков соответствует симптомам – признакам. Индекс есть наблюдаемый факт передающий информацию о другом, не наблюдающемся факте. Своего рода лакмусовая бумажка [32].

Интерпретанта – результат осмысления, интерпретации, перевода, расшифровки, либо истолкования знака в элементарной знаковой системе отношений «объект – знак – интерпретанта». «По мысли Пирса, знак не функционирует как знак до тех пор, пока он не осмысливается как таковой» [39]. Интерпретанта есть своего рода активизатор, пусковая кнопка знака.

Семиозис – (греч. *sema* – знак). Любое явление, способное порождать, репрезентировать значение – «динамический процесс интерпретации знака, единственно возможный способ его функционирования» [39], т. е. деятельность знака по производству своей интерпретанты.

Язык – семиотическая система различных знаков, функционально предназначенная для «выражения идей», обеспечивая возможность их интересубъективности (от «языка жестов» до интегрального базисного тезиса «мир есть язык»), процессуального разворачивания в пространственно-временных формах

и рефлексивного осмысления, абсолютно безразлична по отношению к их содержанию и является результатом закреплённой в традиции конвенции [25; 37].

Внутриличностная и межличностная коммуникация

Автокоммуникация. При обычной коммуникации общение происходит в канале «Я–Другой». При автокоммуникации оно происходит в канале «Я–Я» (совпадение адресата): носитель информации остаётся тем же, а сообщение в процессе коммуникации приобретает новый смысл – происходит качественная трансформация информации, которая в результате может привести к трансформации сознания самого Я. «Передача сообщения по каналу «Я–Я» не имеет имманентного характера, поскольку обусловлена вторжением извне некоторых добавочных кодов и наличием внешних толчков, сдвигающих конкретную ситуацию» [23]. Следует отметить, что если схема коммуникации «Я–Другой» подразумевает передачу информации при сохранении её объёма, то схема «Я–Я» ориентирована на возрастание информации (появление «сообщения 2» не уничтожает «сообщения 1»).

Фатическая речь. Речь в повседневном непосредственном общении, характеризующаяся контекстуальной связанностью, спонтанностью и непринуждённостью. На первый план выступает эмоционально-индивидуальное восприятие говорящими людьми, как темы разговора, так и собеседника. Для понимания смысла разговора здесь важны не строгая регулярность утверждений и ответов, не их грамматическая и синтаксическая выдержанность и даже не что говорится, а то, как говорится, причём поддержание разговора может служить самоцелью. Цели фатической речи: близкие – неблизкие; жанры фатической речи: на укрепление/разрушение межличностных отношений [28; 3].

Невербальная коммуникация – обмен между людьми невербальными сообщениями (без использования слов) и их интерпретация. Обмен сообщениями о том, что происходит «здесь и сейчас», в рамках конкретной ситуации с людьми, вступившими в непосредственное взаимодействие. Невербальные сообщения трудно разложимы на отдельные единицы, их ядро составляют самые разнообразные движения тела (экспрессивное поведение личности), лица (мимика), пространственных перемещений (проксемика), звуковое оформление речи (высота, громкость, скорость, ритмичность голоса и т. д.), и др. Эти средства могут сопровождать речь, а могут и употребляться отдельно

от вербальных средств. Невербальное поведение спонтанно. Непроизвольные движения преобладают над произвольными, неосознаваемые – над осознаваемыми. Невербальный язык люди усваивают успешно сами путём наблюдения, копирования, подражания. Невербальная коммуникация осуществляется всегда при личном контакте [21; 45].

Комплементарные отношения. Взаимозависимые отношения между людьми, базирующиеся на отличии: поведение одного партнёра (занимающего более высокую, важную, первичную позицию) взаимно дополняет поведение другого (занимающего подчинённую, вторичную, более низкую позицию); каждый партнёр ведёт себя так, что это предполагает и одновременно является причиной поведения другого. Характерной особенностью комплементарного взаимодействия является доведение различий до максимума [28].

Интеракция – единица коммуникации с изменчивым и многогранным объединением многих форм поведения – вербальных, тональных, контекстуальных и т. д., каждая из которых определяет смысл всех остальных, т. е. обмен сериями сообщений (более одного сообщения, но порядок не бесконечен) [7].

Коммуникация в организациях и политике

Организация (от лат. organizo – устраиваю; англ. organization; фр. organisation) – деятельность, направленная на обеспечение скоординированного, основанного на внутренней дисциплине функционирования управляемого объекта [15].

Горизонтальные и вертикальные коммуникации – статус коммуникаторов [28; 15; 18; 40].

Горизонтальные – коммуникации между лицами одинакового статуса или уровня в социальной иерархии. Например, между заместителями главы компании, членами совета директоров фирмы. Значение горизонтальных коммуникаций в компаниях тем выше, чем выше степень децентрализации управления коллективами.

Вертикальные – коммуникации между людьми, стоящими на различных ступенях социальной иерархии (должностной, возрастной, имущественной и т. п.).

Реклама – целенаправленная не персонализированная коммуникация – процесс донесения информации, распространяемый любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованный неопределённому кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему [33; 22].

PR – Public Relations (общественные отношения) – это управляемый процесс межгрупповой коммуникации, искусство современной управленческой деятельности, обеспечивающие гармонизацию частной и общественной деятельности посредством взаимопонимания, основанного на правде и полной информированности [15].

Имидж (от англ. image «образ», «изображение») – это искусственно формируемое в общественном или индивидуальном сознании средствами массовой коммуникации и психологического воздействия мнение рационального или эмоционального характера об объекте (человеке, предмете, системе, явлении). Цель этого – создание в психике группы людей позитивного восприятия несуществующих, приписываемых свойств объекта, в качестве реальных характеристик; то, как тебя видят окружающие [30; 29].

Массовая коммуникация как объект исследования

Массовая коммуникация – новая сущность в коммуникационном процессе: передача информации с помощью технических средств на численно большие, рассредоточенные аудитории: мифологизированные собирательные субъекты: народ, партия, правительство, армия, олигархи; имиджевые мифологемы: президент, лидер партии, медиа-магнат и т. п. Современные исследователи приходят к выводу о том, что функция информирования в массовой коммуникации уступает место функции объединения, а вслед за ней – управления, поддержания социального статуса, подчинения и власти [4; 5; 24; 38; 54].

Аудитория – это совокупность людей, однородная по каким-либо параметрам – социально-демографическим (пол, возраст, образование, доход), психографическим (покупательские предпочтения, стиль жизни), и т. д., избранная в качестве субъекта воздействия коммуникационного комплекса [16, с. 138–140].

Средства массовой коммуникации – отрасль производства, состоящая из специальных каналов и передатчиков, которые действуют в широком масштабе, достигая и по возможности вовлекая каждого в обществе в большей или в меньшей степени, и благодаря которым происходит распространение информационных сообщений, и обеспечивающая занятость населения, и приносящая экономическую выгоду. Средства массовой коммуникации в качестве социального института внутри общества и подчиняющегося обществу функционируют по своим нормам, правилам и со своими собственными практиками. Однако при

этом они подпадают под определение и ограничения, принятые в масштабах всего общества [26; 19].

«Спираль молчания» (Spiral of Silence) – явление, заключающееся в анализе взаимосвязей между массовой коммуникацией, межличностной коммуникацией и тем, как индивид соотносит своё мнение с мнением других, стараясь избежать потенциальной социальной изоляции, и, если оно отличается от большинства, утаивает своё мнение. И наоборот, те, кто идентифицирует себя с большинством, открыто демонстрируют свои позиции. В этой ситуации последние кажутся сильнее, а первые – слабее, чем это есть на самом деле. Важной составляющей концепции являются средства массовой коммуникации и окружение индивида [27].

«Установление повестки дня» – неконтролируемый бессознательный волевой акт привлечения внимания в ситуации множественности реальностей, теория «agenda-setting», способная ориентировать общественное мнение в желательном направлении. Кумулятивное пересечение усилий различных СМИ, государства, других социальных и политических институтов и групп влияния способствует привлечению общественного внимания и определяет критерии, лежащие в основе оценки и принятия решения [14].

М. McCombs устанавливает три повестки, несколько различающиеся между собой [52]:

⇒ личная, внутренняя повестка дня – система приоритетов в отношении наиболее важных для самого индивида социальных и политических проблем;

⇒ межличностная повестка дня – система приоритетов в отношении тех проблем, которые индивид обсуждает с членами своей микрогруппы, то, что важно для наиболее близких индивиду людей;

⇒ воображаемая общественная повестка дня – представления индивида о том, какие проблемы являются наиболее важными для того сообщества, к которому он принадлежит.

Удерживать повестку не менее сложно, чем её установить. Теперь под установлением повестки дня понимается «процесс постоянной конкуренции между теми, кто заинтересован в тех или иных темах, за внимание СМИ, аудитории и политических элит» [50, p. 2].

Вывод. Что такое коммуникация и зачем её нужно изучать?

Существуют такие определения термина «коммуникация», как:
– механизм, посредством которого обеспечивается существование и развитие человеческих отношений. Этот механизм

включает в себя все мыслительные символы, а так же средства передачи их в пространстве и сохранения во времени (Ch. Cooley) [49];

– обмен информацией между сложными динамическими системами и их частями, которые в состоянии принимать информацию, накапливать её, преобразовывать (А. Урсул) [39];

– информационная связь субъекта с тем или иным объектом – человеком, животным, машиной (М. Каган) [17];

– такой обмен, который обеспечивает кооперативную взаимопомощь, делая возможной координацию действий большой сложности (T. Shibutani) [45];

– акт отправления информации от мозга одного человека к мозгу другого человека (P. Smith, C. Berryand A. Pulfoid) [35].

Прочтя их, сразу начинаешь соотносить понятия «коммуникация» и «общение».

Если общение тяготеет к прямому, непосредственному взаимодействию субъектов, то коммуникации более свойственен опосредованный, с техническим уклоном характер.

Коммуникация – средство отправления, передачи, хранения и получения закодированной информации безотносительно к её содержанию [13, с. 33–34]. Иными словами, коммуникация есть часть общения, она не сводится только к передаче и усвоению информации.

Для коммуникативной практики необходимой становится не академическая философия, но живая, которая вопрошает о человеке, смысле его постоянно меняющейся жизни, и которая предполагает взаимное конституирование единого смыслового поля понимания, помогая осмыслить глубинные онтологические и психологические связи человека с миром.

Фактически можно сделать вывод о том, что коммуникация помогает человеку не только осознать его место в мире, но и оказывается базой, на которой осуществляется сегодня диалог культур.

Библиографический список

1. Барт Р. Риторика образа // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1989. – С. 297–318.
2. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975.
3. Бенвенист Э. Семиология языка // Общая лингвистика. – М., 1974. – С. 69–89.
4. Богомолова Н. Н. Массовая коммуникация и общение. – М., 1988.
5. Богомолова Н. Н. Социальная психология печати, радио и ТВ. – М., 1991.
6. Брэтон Ф., Пру С. Выбухкамунікацыі. – Минск, 1995.

7. Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. – М. : Апрель-пресс, 2000. – С. 43–68.
8. Вершинская О. Н. Адаптация общества к новым информационным технологиям: новые возможности и новое социальное неравенства // Информационное общество. – 1999. – № 1.
9. Винер Н. Кибернетика и общество. – М., 1958.
10. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. – М., 1968.
11. Волькенштейн М. В. Энтропия и информация. – М. : Наука, 1986.
12. Горных А. А., Диско М. Р. Коннотация // Постмодернизм : энциклопедия. – Минск, 2001.
13. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология : учеб. пособие / под ред. А. А. Леонтьева. – М. : Высш. школа, 1980.
14. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. – Екатеринбург : УрО РАН, 1999.
15. Зверинцев А. Коммуникационный менеджмент. Рабочая книга менеджера PR. – СПб. : Изд-во Буковского, 1997.
16. Кабаченко Е. Г. Метафорическое представление оратора и аудитории // Политическая лингвистика. – Вып. 3(23). – Екатеринбург, 2007.
17. Каган М. С. К истории формирования и взаимодействия человеческих общностей // Человек: соотношение национального и общечеловеческого : сб. материалов международного симпозиума (г. Зугдиди, Грузия, 19–20 мая 2004 г.) / под ред. В. В. Парцвания. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – С. 104–110.
18. Кашкин В. Введение в теорию коммуникации. – Воронеж : изд-во ВГТУ, 2000. URL : <http://dere.com.ua/library/kashkin/01.shtml>.
19. Кретов Б. Е. Средства массовой коммуникации – элемент политической системы общества // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 1. – С. 101–115.
20. Кубо Р. Термодинамика / пер с англ. – М., 1970.
21. Лабунская В. А. Проблема обучения кодированию и интерпретации невербального поведения // Психологический журнал. – 1997. – № 5. С. 85–94.
22. Лисовский С. Ф. Политическая реклама. – М., 2000.
23. Лотман Ю. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Статьи по семиотике и топологии культуры. – Т.1. – Таллин, 1992. – С. 69–83.
24. Мельник Г. С. Mass-media. Психологические процессы и эффекты. – СПб., 1996.
25. Можейко М. А. Язык // История философии :энциклопедия. – Минск, 2002.
26. Назаров М. М. Средства массовой коммуникации и российское общество на пороге XXI века // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – С. 11–21.
27. Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. – М., 1996.
28. Основы теории коммуникации / под ред. М. А. Василика. – М. : Гардарики, 2003.

29. Панасюк А. Ю. Имидж :энциклопедический словарь. – М. : РИПОЛ классик, 2007.
30. Панасюк А. Ю. Формирование имиджа. Стратегия, психотехнологии, психотехники. – М. : ОМЕГА-Л, 2008.
31. Петрушенко Л. А. Самодвижение материи в свете кибернетики. – М., 1974.
32. Пирс Ч. С. Икона, индекс и символ // Избранные произведения. – М., 2000. – С. 200–222.
33. Почепцов Г. Г. Теория и практика коммуникации. – М., 1998.
34. Румер Ю. Б., Рывкин М. Ш. Термодинамика, статистическая физика и кинетика.
35. Смит П., Бэрри К., Пулфорд А. Коммуникации стратегического маркетинга : учеб. пособие /пер. с англ.; под ред. проф. Л. Ф. Никулина. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
36. Соколов А В. Общая теория социальной коммуникации : учеб. пособие. – СПб., 2002.
37. Соссюр Ф., де. Курс общей лингвистики. – М., 1998. – С. 7–25, 66–71, 109–124.
38. Терин В. П. Массовая коммуникация. – М., 1999.
39. Урсул А. Д. Информация и мышление. – М. : Знание, 1970.
40. Устинова А. Р. Семиозис / Постмодернизм : энциклопедия. – Минск, 2001.
41. Фролов С. С. Социология организаций. – М., 2001.
42. Фурс В. В. Базовые модели коммуникации // Коммуникация: теория, методы исследования, технологии. – Минск, 2004. – С. 17–31.
43. Фурс В. В. История наук об информации и коммуникации. – Минск : Изд-во БГУ, 2001.
44. Фурс В. В. Семиотика коммуникации // Коммуникация: теория, методы исследования, технологии. – Минск, 2004. – С. 42–57.
45. Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. – М. : Прогресс, 1968.
46. Эко У. Мир сигнала // Отсутствующая структура. – СПб., 1998. – С. 33–47.
47. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. – М., 1965.
48. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 193–230.
49. Cooley Ch. Social Organization: a Study of the Larger Mind. – New York : Charles Scribner's Sons, 1909.
50. Dearing J. W., Rogers E. M. Agenda-Setting Thousand Oaks, 1996.
51. Lasswell H. D. The structure and function of communication in society. In: Bryson, (ed.) The Communication of Ideas. – N.Y. : Harper and Brothers, 1948.
52. McCombs M. et al. Media Agenda-Setting in the Presidential Election. – Vol. 36. – N.Y., 1981.
53. McCombs M., Shaw D. The Agenda-Setting Function of Mass-Media // Public Opinion Quarterly. – 1972.
54. Prieto L. A propos de la commutation // CFS. – 1960. – № 17. – P. 55–63.
55. Waszkewitz B. Der Mensch, das unbekannte Wesen: Einführung in die Psychologie und Verhaltenslehre. – Frankfurt am Main ect.: Lang, 1994.

ВИРТУАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК АТРИБУТ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

М. А. Антипов

Пензенский государственный технологический
университет, г. Пенза, Россия

Summary. The article is devoted to virtual communications as a special type of communication and attribute of post modernity. The article states that the new information technologies lead to essential transformations of communication. In particular, virtualization of communication manifested in its technical mediating.

Key words: communication; virtualization; global network.

Бытие человека в мире, его развитие и самоактуализация во многом определяются особенностями коммуникации, то есть его связью с миром. На наш взгляд, можно выделить несколько уровней коммуникации. Исторически первичным уровнем является коммуникация с природой. Следующим уровнем, занимающим наиболее важное место в жизни большинства представителей нынешнего общества, выступает коммуникация с социумом. И наконец, специфическим уровнем коммуникации выступает установление и поддержание связи с трансцендентальным миром, будь это мир религиозных представлений, традиционных верований или эзотерических оккультных учений.

На данное время можно выделить несколько подходов к интерпретации данного явления: технократический, интеракционный, лингвистический и семиотический подходы.

Технократический подход подразумевает, что в коммуникации важны технические аспекты и каналы размещения сообщений (Д. Белл, Дж. Гелбрейт, Г. Маклюэн, К. Шеннон). Данный подход имеет механистический, утилитарный характер, не учитывающий мнение получателя информации.

Интеракционный подход рассматривает формирование коммуникации как взаимодействие, осмысленный и равноправный диалог потребителя информации и его производителя (Г. Блумер, Д. Мид, Т. Нью-комб, Э. Холл).

Следующий подход – лингвистический (Р. Барт, Э. Сапфир, Ф. Сос-сюр, Н. Хомский, Р. Якобсон), помогает формировать эффективные коммуникации в масштабах мировой экономики, учитывает многообразие языков и символов.

Нам представляется наиболее интересным семиотический подход (У. Эко, Ч. Пирс, Ю. Лотман). Этот подход акцентирует внимание на знаково-символическом аспекте коммуникации. Он

выявляет связи между так называемым означающим и означаемым, или знаком и референтом. Данный подход позволяет сформировать особый угол зрения на современный социум и выявить знаково-символические основы его материальной и духовной жизни, показать, как знаки и символы информационного общества влияют на сознание и поведение индивидов, его составляющих.

На постсовременном этапе развития общества происходит значительное уплотнение коммуникативных структур и их сетевизация и компьютеризация, вследствие чего существенно сокращается время для непосредственного межличностного взаимодействия людей между собой.

В связи со стремительным развитием глобальной сети интернет постоянно совершенствуются не только технические возможности оперативной передачи информации, но и коммуникативные. Это делает возможной и общедоступной виртуальную интеракцию. Начиная с рубежа XX–XXI веков, получают существенное развитие виртуальные социальные сети, которые являются одной из основных сред осуществления виртуальных коммуникаций. Эти сети активно структурируются и профилируются, увеличиваются в количествах и предоставляемых сервисах. Глобальные социальные сети (например, Facebook), на сегодняшний день объединяют миллиарды пользователей разного пола, возраста, уровня образования, конфессиональной и национальной принадлежности.

Под воздействием повсеместного распространения информационно-коммуникационных технологий и средств в постсовременном обществе коммуникация во многом приобретает виртуализированный характер, что проявляется, на наш взгляд, прежде всего, в том, что акты коммуникации между членами социума становятся опосредованными техническими средствами (как правило, экранными).

В результате непосредственная коммуникация между индивидами и социальными группами сводится к минимуму. Часто сам процесс общения переносится из реальной области в область виртуального киберпространства сети интернет.

В результате общение по диалогической схеме «Я – Ты» трансформируется в схему «Я – Моё виртуальное я – Твоё виртуальное Я – Ты».

Человек в пространстве интернет создаёт свою вторую виртуальную личность, наделяя её теми качествами, которыми его реальное Я не обладает. Так, например, стеснительный подросток

в социальной сети может сформировать имидж ловеласа. Виртуальное пространство даёт возможности полной свободы, обусловленной, прежде всего, анонимностью, что ведёт к ослаблению контроля действий в сети интернет. Взаимодействие в киберпространстве носит свободный и интерактивный характер, когда люди могут, заходя на форумы, обсуждать любые темы, разговоры о которых многие считают в реальной жизни недопустимыми. В результате ослабляется действие моральных норм.

Знаками коммуникации в пространстве интернет выступают не только традиционные языковые средства, но и специфические средства интернет-общения: смайлы, аватары, мемы и т. д.

Помимо этого в социальных сетях есть возможность обмениваться как изображениями, так и аудио, и видеофайлами, каждый из которых также может рассматриваться как знак, несущий особый смысл для участников виртуального общения.

Значимым, на наш взгляд, последствием виртуализации коммуникации для представителя эпохи постсовременности выступает значительное расширение его коммуникативного поля, которое можно обозначить, как «размывание». Это означает, что увеличение числа контактов в сети интернет, «друзей» в социальных сообществах не означает, что с каждым из них поддерживаются постоянные отношения и осуществляется коммуникация. Общение в интернете часто лишается искренности и глубины, обретая поверхностный и часто игровой характер, когда субъект, понимая виртуальный, а значит, не совсем настоящий, характер коммуникативной среды, реализует не реальные, а симулятивные действия в отношении второго коммуниканта.

Таким образом, виртуальные коммуникации, являясь атрибутом постсовременной эпохи, вносят свои коррективы в повседневную жизнь людей, насыщая её множеством контактов с разными людьми, как правило, носящих формальный, поверхностный и эпизодический характер. Такие контакты занимают большую часть коммуникативной деятельности человека в информационную эпоху, в результате чего происходит всё большее отчуждение человека от природной среды и утрата духовности, основанной на вере в высшие идеалы, гарантом которых выступает трансцендентальный абсолют.

Библиографический список

1. Кастельс М. Галактика Интернет. – Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.

2. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Сотворение человека печатной культуры. – Киев: Ника-Центр, 2004. – 432 с.
3. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.

КИБЕРЭКСТРЕМИЗМ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

О. Ю. Руденко

Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Россия

Summary. At the modern time the problem of youth extremism on the Internet becomes aggravated tendency in Russia it is connected with development of information society. This article describes what opportunities the Internet opens for extremists.

Key words: extremism; Internet; young people; propaganda of extremism.

В современной России в условиях кризиса политической, экономической и социальной систем усиливаются деструктивные тенденции, в частности, обостряется проблема киберэкстремизма. Слово «экстремизм» образовано от лат. *extremus* – крайний. В широком смысле под экстремизмом понимают приверженность к крайним взглядам, действиям и решениям. С развитием интернет-пространства, экстремизм перенёсся в виртуальную среду – это явление получило название киберэкстремизма.

Широкие возможности перед экстремистами открывают информационно-коммуникативные технологии:

- пропаганда своих взглядов по средствам сети Интернет (расовой, религиозной и других форм нетерпимости),
- вербовка единомышленников,
- сбор пожертвований,
- сбор информации о предполагаемых целях и объектах шантажа,
- подготовка террористов,
- создание и регистрация информационных ресурсов, направленных на формирование и поддержку определённого мнения по ключевым вопросам, на обмен опытом и др.

Киберэкстремистская деятельность осуществляется, как правило, в отношении властных структур, отдельных политиков, религиозных деятелей, религиозных общин, наций, народностей и т. д.

Согласно данным ВЦИОМ, интернетом пользуются с той или иной частотой 66 % россиян, причём ежедневно – 41 % (прежде всего 16–24-летние (76 %) респонденты) [1]. Таким образом, можно констатировать, что молодёжь – основная аудитория, которая

сталкивается с экстремизмом в глобальной сети. Более того, именно молодёжь является группой населения, наиболее подверженной киберэкстремизму. Это обусловлено не только тем фактом, что молодые люди и девушки много времени проводят в сети Интернет, но и возрастными особенностями. Этому возрасту присущ поиск ценностей и смысла жизни, обострённое чувство справедливости. А также неустойчивая психика, легко подверженная манипулированию и внушению. Кроме того, в этом возрасте человек озабочен желанием найти свою группу, поиском собственной идентичности, которая обычно формируется по самой примитивной схеме «мы» – «они». Этим подсознательным запросам личности как нельзя лучше соответствуют экстремистские субкультуры с их чётким разделением на «наших» и «не наших» и чётко провозглашенными границами добра и зла. А также зримыми образами этого зла в лице «чужих» – негров, евреев, кавказцев и т. д. [2, с. 117].

В Интернете существуют отдельные сайты, посвящённые пропаганде экстремизма, на которых размещены лозунги, призывы, провокации. Группы в социальных сетях пестрят заголовками экстремистского характера: «Нацист, еврей, антисемит и просто добрый человек!» (1260 подписчиков), «Стоп Хач» (9893 подписчиков), «Возрождение Гитлера» (5587) и т. п. Перечисленные примеры взяты из социальной сети «ВКонтакте» – это самый посещаемый ресурс русскоязычного сегмента сети интернет (более 53 миллионов человек в день).

Один из самых ярких примеров киберэкстремистов – Максим Марцинкевич, известный по прозвищу «Тесак». Он имеет две судимости, обе за разжигание межнациональной розни. Максим Марцинкевич снимал видеоролики о людях нерусской национальности, в которых издевался и применял насилие, а заснятый материал выкладывал в Интернет. Огромное количество этих видеороликов до сих пор находится в сети. Максим (на его странице ВКонтакте подписано 127456 чел.) является одним из основателей общественного движения «Реструкт» (28236 подписчиков) и занимается проектом «Оккупай-педофилия». У этого проекта множество сторонников и последователей. Подобные сообщества появились во многих городах России.

Деятельность Максима и его союзников можно оценивать по-разному, но очевидно, что она носит деструктивный, экстремистский характер.

На наш взгляд, такое изобилие в открытом доступе информации экстремистского характера оказывает негативное влияние на мировоз-

зрение молодого поколения. В связи с этим необходим более жёсткий контроль и мониторинг сети Интернет. А также выработка комплексной молодёжной политики, повышение эффективности законодательства, затрагивающего интересы молодёжи. Ведь недовольство судьбой, порождённое отсутствием перспектив, является хорошей почвой для экстремистских идей. Если государство не будет заниматься молодёжью, ей займутся представители экстремистских организаций, объединений (проповедники национализма, фашизма и т. п.).

Библиографический список

1. Проникновение интернета в Россию и его последствия. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения, 2000–2013. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114108> (дата обращения: 05.11.2013 г.).
2. Старков А. Н. Крюкова В. Д., Мусыгина А. А. Основные виды и формы проявления киберэкстремизма в молодёжной среде // Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодёжи (сборник статей) / под ред. Г. Н. Чусавитиной, Л. З. Давлеткириевой, Е. В. Черновой. – Магнитогорск : МаГУ, 2013. – С. 116–124.

СООТНОШЕНИЕ ПРАВА И МОРАЛИ

**И. У. Байсадахова, А. Р. Алимбаева,
А. Д. Сагингалиева, О. А. Юрковская, А. А. Калиева**
**Государственный медицинский университет города,
г. Семей, Казахстан**

Summary. The huge role in regulation of the public relations is played by the right and morals. Their main appointment is purposeful impact on the behavior of people providing interests of certain individuals, social groups or society as a whole.

Key words: morals; norm; values; right; moral.

Огромную роль в регулировании общественных отношений играют право и мораль. Их главным назначением является целенаправленное воздействие на поведение людей, обеспечивающее интересы отдельных индивидов, социальных групп или общества в целом. Считают, что право является системой общеобязательных, формально определённых юридических норм, выражающих государственную волю, устанавливающих и обеспечивающихся государством и направленных на урегулирование общественных отношений [1, с. 67]. Мораль же (нравственность) есть система исторически определённых норм, взглядов, принципов, оценок, убеждений, выражающихся в поступках людей, регулирующих их действия с позиций добра и зла, справедливого и несправедливого, честного и бесчестного, поощряемого и порицаемого, благородства,

совести, порядочности и других аналогичных нравственных критериев. С этой точки зрения даётся моральная оценка всех общественных отношений, поступков и действий людей. Универсальные категории морали – «добро» и «зло», через которые оцениваются другие моральные понятия: честь, совесть, порядочность и т. п.

Ещё древние философы (Платон, Демокрит, Цицерон, Аристотель) указывали на значимость таких двух явлений общественной жизни, как право и мораль. Русские правоведы, такие как В. С. Соловьёв, И. А. Ильин подчёркивали, что право есть лишь минимум нравственности или юридически оформленная мораль. Соотношение между правом и моралью весьма непростое, поэтому его анализ предполагает анализ следующих четырёх составляющих:

- 1) единства;
- 2) взаимодействия;
- 3) различия;
- 4) противоречия [2, с. 33].

Единство права и морали заключается в следующем:

1) право и мораль являются универсальными регуляторами поведения людей, имеют способность проникать в различные области общественной жизни;

2) право и мораль являются многомерными образованиями, имеющими сложную структуру, которая состоит из одинаковых и взаимодействующих между собой элементов;

3) право и мораль действуют в едином «поле» социальных отношений;

4) право и мораль служат общей цели – совершенствованию и упорядочению общественной жизни, регулированию поведения людей, поддержанию порядка, согласованию интересов личности и общества, обеспечения и возвышения достоинства человека;

5) право и мораль являются социальными регуляторами, имея отношение к проблемам свободной воли индивида и его ответственности за свои действия [3, с. 90].

Тесное единство и взаимосвязь права и морали определяют и их социальное и функциональное взаимодействие, проявляющееся в следующем:

1) право и мораль помогают друг другу в упорядочении общественных отношений, в формировании у людей установленной юридической и нравственной культуры;

2) правовые и моральные требования во многом совпадают: действия субъектов, осуждаемые и поощряемые правом, осуждаются и поощряются и моралью;

3) право обязывает соблюдать законы, к тому же стремится и мораль;

4) взаимодействие права и морали часто выражается в прямой идентичности их требований к человеку, в воспитании у него высоких гражданских качеств;

5) право и мораль поддерживают друг друга в достижении общих целей, применяя для этого присущие им методы;

6) правовые нормы являются проводником морали, фиксируют и защищают моральные ценности;

7) мораль выступает в качестве ценностного критерия права [4, с. 41].

Нравственные нормы подключены ко всем этапам формирования и социального действия права. Также они выступают значимым фактором совершенствования правовой системы.

Библиографический список

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985.
2. Демидов А. И. Мир политических ценностей // Правоведение. – 1997. – № 4.
3. Зеньковский В. В. История русской философии / сост., послесловие и коммент. А. В. Полякова. – В 2-х тт., 4-х кн. – Л., 1991.
4. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. – 1996. – № 4.

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. Ф. Усманова, Г. В. Брыжинская
Мордовский гуманитарный институт, Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Республика Мордовия, Россия

Summary. The article is devoted to features of communicative interaction in the legal field. Analyzes the structure and legal means of voice communication. The most universal means of communication is a legal question and developed language skills are important for any lawyer specialization.

Key words: legal speech communication; communicative competence; the structure of legal communication.

Речевая юридическая коммуникация – это совместная речевая деятельность в юридической практике, которая предполагает передачу словесно выраженной информации, согласованность, понимание и принятие действий каждым её участником. Специфика коммуникативного взаимодействия в профессиональной

юридической деятельности заключается в определённом характере действий его участников, особенностях структурного построения и используемых в данном процессе средствах. Профессиональная деятельность юриста кроме высоких специальных квалификационных знаний требует наличия развитых коммуникативных навыков. Вопрос коммуникативной компетентности современного юриста представляется чрезвычайно важным, прежде всего, с практической точки зрения, поскольку именно речевая коммуникация оказывает значительное влияние на успех деятельности юриста любой специализации. Несмотря на внедрение во все звенья правоохранительной системы компьютерной техники, теле- и видео аппаратуры, основным средством профессиональной юридической деятельности по-прежнему является слово. Так, в связи с вступлением в силу ФЗ РФ от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» бесплатная юридическая помощь оказывается в виде: правового консультирования в устной и письменной форме; составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера; представления интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях в случаях и в порядке, которые установлены настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации [3, с. 11–12]. Профессия юриста связана с постоянным общением, следовательно, коммуникативная функция, которая заключается во взаимодействии в условиях правового регулирования, является одной из основных сторон юридической деятельности. Речевая юридическая коммуникация – это многосторонний процесс развития контактов между людьми в устной форме в ходе создания, толкования и реализации правовых норм, порождаемый потребностями совместной деятельности, и содержащий обмен информацией, восприятие и понимание одним человеком другого, формирование единой стратегии и тактики взаимодействия в профессиональной юридической деятельности.

Юрист, для того чтобы овладеть навыками эффективной речевой коммуникации, должен отчётливо и ясно представлять её структуру и средства. Речевая юридическая коммуникация имеет свою внутреннюю организацию – структуру. Структура (от латинского *structura*) – связь составляющих элементов. Структура речевой юридической коммуникации – это внутренняя форма, т. е. способ организации составляющих её элементов. Структура является сравнительно постоянным и одновременно изменяю-

щимся во времени способом связи элементов. В структуре речевой юридической коммуникации, как юридического отношения можно выделить такие элементы:

- 1) объект;
- 2) субъекты;
- 3) субъективная сторона;
- 4) объективная сторона.

Субъекты – это участники процесса речевой юридической коммуникации, а точнее, отдельные индивиды, взаимодействующие между собой, которые в соответствии с нормами права являются носителями субъективных юридических прав и обязанностей. К индивидам относятся граждане государства, иностранные граждане, лица без гражданства, лица с двойным гражданством, находящиеся на территории данного государства.

Одним из субъектов речевой коммуникации в юридической практике обязательно является юрист, «специалист, сведущее лицо в юриспруденции, обладающее профессиональными (фундаментальными и специализированными) правовыми знаниями и умеющее применять их в практической деятельности» [1, с. 73]. Другим субъектом речевой юридической коммуникации может быть и юрист, и любое другое физическое лицо, вступающее в общение в рамках юридической практики. Например, субъектами речевой коммуникации при проведении допроса будут являться следователь и допрашиваемый, при проведении консультирования – адвокат и клиент.

Соответственно, речевая коммуникация в юридической практике возможна между такими категориями лиц:

- а) должностное лицо – должностное лицо (судья – адвокат);
- б) должностное лицо – физическое лицо (адвокат – клиент).

Юридических лиц сложно выделить в качестве самостоятельных субъектов речевой юридической коммуникации, так как их представляют отдельные индивиды, вступающие в процесс речевого юридического общения, ведь отправителем и получателем информации всегда является единичный человек. И на практике очень часто исход речевого общения зависит от коммуникативных умений и навыков конкретного лица. Будет более эффективным общение в юридической сфере, если интересы предприятия представляет опытный юрист, и напротив, результат общения, например, по проблемам неисполнения условий конкретного договора может привести к конфликту, если в качестве субъекта коммуникации выступает некомпетентный, незнакомый с коммуникативными нормами человек.

Объект – это то, по поводу чего возникают, складываются отношения. Объектом речевой коммуникации в юридической практике является содержательная основа общения в профессиональной юридической деятельности. То есть информация, передаваемая в межличностных контактах от одного субъекта к другому и/или определённые фрагменты объективной действительности, по поводу которых формируется и передаётся то или иное сообщение, и которые подпадают под правовое регулирование или же связаны с правовой сферой. Это могут быть факты, аргументы, доводы, знания, указания, сведения о внутреннем мотивационном или эмоциональном состоянии человека, сообщения об обстановке в профессиональной или социально-производственной среде, о конкретных жизненных обстоятельствах. Особо следует отметить, что информация в процессе юридической коммуникации не убывает, а увеличивается, обогащается, расширяется в процессе её циркуляции, когда говорящий человек и слушающий поочередно меняются ролями. Причём объектом речевой юридической коммуникации является такая информация, которая представляет интерес хотя бы для одной стороны и является благом, находящимся в его распоряжении, т. е. это может быть любой элемент материального мира и социальной реальности, который рассматривается в рамках юридических отношений. Реальное речевое взаимодействие субъектов в процессе достижения каждым из них своей цели, удовлетворения своих собственных интересов и является объектом речевой юридической коммуникации.

Субъективная сторона включает механизм внутренней саморегуляции участвующих в юридическом общении людей (субъектов речевой юридической коммуникации), их психологическую направленность на совершение речевых действий и заключается в мотивационном процессе, представляющем собой формирование различных мотивов сторон на основе их актуальных потребностей, интересов и установок (психологических и правовых), а также постановку целей субъектов.

Чтобы стать участником речевой юридической коммуникации, человеку требуется определённая мотивация. Сознательно-волевой элемент речевой юридической коммуникации развивается по схеме: потребность – интерес – цель – задача – результат. Побудительным фактором здесь выступает получение различного рода информации, которая является объектом речевой юридической коммуникации.

Например, при проведении консультирования субъективная сторона выражается в желании получить необходимую информацию, для того чтобы решить возникшую проблему.

Объективная сторона речевой юридической коммуникации представляет собой внешнюю характеристику данного процесса. Она выражается в речевых действиях сторон, осуществляемых как в активной, так и в пассивной форме с помощью вербальных и невербальных средств, и связанных с обменом речевой информацией, получением новых сведений, согласованием позиций, характеризующихся наличием причинной связи между действиями и их последствиями. Для более полной характеристики объективной стороны следует принимать во внимание и другие, дополнительные признаки и условия: время, место и иные обстоятельства, при которых совершается речевая юридическая коммуникация.

Например, проведение консультирования по какой-либо проблеме, или допроса – в целях получения сведений о совершенном преступлении, здесь решаемая проблема или показания свидетеля являются объектом, а само действие, акт передачи информации, выраженной в словесной форме, – объективной стороной речевой юридической коммуникации.

Средства речевой коммуникации в юридической практике разделяются на вербальные (словесные) и невербальные.

К невербальным средствам коммуникации относятся интонация, громкость, пауза в речи, мимика, а также поза, взгляд, жесты, дистанция. Все это средства передачи информации, дополняющие основное средство общения, в профессиональной юридической деятельности являются речью.

Самым универсальным средством юридической коммуникации является речь, поскольку при передаче информации с её помощью менее всего теряется смысл общения. Качества речи, которые помогают осуществить общение в юридической практике и сделать его эффективным, называются коммуникативными. Речевая коммуникация в юридической практике должна проводиться с учётом правовых норм и этических правил, направляться на достижение определённого, возможного в правовых рамках согласия. Юрист должен гибко и чётко реагировать на ситуацию; помогать созданию взаимных отношений с клиентом, не уstraивать односторонней манипуляции. Удачно найденный тон, правильное акцентирование, хорошая дикция, отсутствие штампов – всё это приводит к психологической комфортности участников коммуникативного процесса, способствует снятию излишнего эмоционального напряжения в речевой юридической коммуникации. «Словесная неряшливость или скудность употребляемых

языковых средств может перечеркнуть не только авторитет говорящего, но и престиж представляемой им позиции» [2, с. 92].

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Введение в юридическую специальность. – М. : Юридическая литература, 1976. – С. 73.
2. Солодухина А. О., Солодухин О. А. Юридический диалог. – М. : Экспертное бюро, 1998. – С. 92.
3. Худойкина Т. В., Евтеева С. Г. Бесплатная квалифицированная юридическая помощь в России: теоретические и практические проблемы // Журнал Сибирского федерального университета. – Красноярск. – 2013. – Т. 6. – № 1. – С. 12. – (Сер. «Гуманитарные науки»).

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОММУНИКАТИВНОЙ ПОДСТРУКТУРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Г. С. Карпова

Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия

Summary. The features of a communicative component of professional activity of employees of PES (Penal Enforcement System), in particular the correctional facilities are considered in an article. Requirements imposed to the identity of the employee taking into account specifics of service in Federal Penitentiary Service are described.

Key words: criminal and executive system; professional competence; communicativeness; professional activity; employees of PES; professional and important qualities; communicative competence; social and communicative competence.

Неотъемлемой частью содержания служебной деятельности служащих пенитенциарной системы (как и во всех профессиях типа «человек-человек») является профессиональное общение. Целый ряд исследователей данного вопроса относят процессы коммуникации, интеракции и перцепции к основным условиям труда работника пенитенциарного учреждения (Ушатиков А. И., Казак Б. Б., Тюменева Н. П., Голдованская И. Б., Гагарин Ю. В., Закирова Т. И., Савельева О. А., Качкина Л. С., Ачитаева И. Б., Закарченко Н. А., Кечил Д. И., Зарипова Г. А. и др.). Служебная деятельность сотрудников исправительных учреждений отличается постоянной погружённостью в процесс взаимодействия с осуждёнными, который актуализирует в себе их общественные (социальные) отношения, индивидуально-психологические особенности, свойства личности субъектов профессионального общения.

Дежурова Е. В. выделяет следующие факторы возникновения трудностей профессионального общения сотрудников исправительных учреждений с осуждёнными мужского и женского пола:

- 1) личностные особенности сотрудников:
 - а) социально-психологические;
 - б) индивидуально-психологические;
- 2) организационные условия;
- 3) субкультуральные особенности и условия среды осуждённых [2].

О. А. Савельева подчёркивает, что коммуникативная сторона профессиональной деятельности служащего в УИС, предполагает умение предотвращать и гасить конфликты, выражать свою мысль, способность понимать собеседника, предвидеть, оказывать влияние, противостоять манипулятивным действиям [3]. Т. П. Даниличева справедливо отводит центральное место в коммуникативной подструктуре профессиональной деятельности сотрудника ИУ конфликтам, возникающим на фоне противостояния субъекта и объекта ролевых отношений, где сотрудник (субъект) выполняет роль представителя государственной власти, а осуждённый, являясь объектом надзора, контроля и воспитания, старается противодействовать властному воздействию сотрудника [1]. Известны случаи, когда представитель администрации конфликтует с целой группой осуждённых, объединённых общим недовольством. В разрешении таких конфликтов важнейшую роль играет коммуникативная компетентность сотрудника, умения устанавливать контакт, гасить негативные эмоции, строить общение на объективной оценке собеседника, способность применять навыки бесконфликтного общения. В противном случае, возникает реальность установочного поведения участников профессионального общения, которое усугубляется «казённостью», чрезмерной формальностью обращения сотрудников с осуждёнными. Конечно, такой бесчеловечный подход обижает лишённого свободы, приводит к включению механизмов его психологических защит, что опосредует открытое противодействие и даже агрессию. Контакт, который порой нелегко установить, разрушается безграмотными, неуважительными действиями со стороны сотрудника.

Также в психолого-юридической литературе отмечают доминирование негативного эмоционального фона профессионального общения. Помимо общего враждебного настроения большей части осуждённых, навеянных противопоставлением позиций «мы» и «они», к отрицательно заряженной эмоциональной

атмосфере приводит утрюемое, безразличное настроение, с которыми подходят сотрудники к своей работе.

Таким образом, установление сотрудниками коммуникативно-ролевых отношений со спецконтингентом, а также внутри коллектива исправительного учреждения – процесс нелёгкий, сопряжённый с разного рода трудностями, которые в значительной мере влияют на эффективность деятельности колонии и являются показателем профессиональной пригодности её работников.

Библиографический список

1. Даниличева Т. П. Психологическое сопровождение сотрудников уголовно-исполнительной системы : дис. ... канд. псих. наук / Т. П. Даниличева. – Шуя, 2005.
2. Дежурова Е. В. Психология трудностей профессионального общения психологов исправительных учреждений с осуждёнными мужского и женского пола : дис. ... канд. псих. наук / Е. В. Дежурова. – Рязань, 2009.
3. Савельева О. А. Развитие информационной и коммуникативной компетентностей в системе информационной подготовки студентов-психологов на основе информационно-образовательной среды : дис. ... канд. пед. наук / О. А. Савельева. – Красноярск, 2004.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ САНАТОРИЯ «БЕЛОКУРИХА»

**В. Г. Бегиев¹, О. В. Бегиев¹, Г. Н. Токуева¹,
Н. Г. Яковлева¹, О. П. Корвякова², Т. В. Федоровская²,
Е. И. Лесничих²**

**¹Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, г. Якутск,
Республика Саха (Якутия), Россия;
²Курорт Белокуриха, г. Белокуриха,
Алтайский край, Россия**

Summary. A well-known and popular health resort of Altai Region is health resort «Belokuriha». Healing properties of mineral springs were known in the late XVIII century. The founders of the resort are A. D. Ostapov, A. A. Bengardt, S. I. Gulyaev. Used for medicinal purposes water sulfate sodium carbonate contains silicic acid, by gas composition is dominated by nitrogen, the amount of radon in the well 5,5–8,2 nKl/dm³. In 2012 the resort «Belokuriha» celebrated 145 years.

Key words: cardiac health resort «Belokuriha»; water sulfate sodium carbonate; radon; scientists and researchers.

В системе отечественного здравоохранения важнейшим звеном является курортное лечение, а сами курорты – особо охраняемыми территориями, на которых должны быть обеспечены

сохранение и рекреация природных факторов и общего экологического состояния [1, 2].

Федеральным законом от 1.03.95 г. установлены требования по рациональному использованию и охране природных лечебных ресурсов на курортах [3]. ФЗ от 22.03.95 г. определён порядок организации санитарной охраны курортов и лечебно-оздоровительных местностей и особенности режимов их функционирования [4]. Приказами МЗ и СР РФ № 208–227 от 22.11.04 и 273–278 от 23.11.04. утверждены стандарты санаторно-курортной помощи больным с определёнными болезнями.

По степени лечебной эффективности природных лечебных факторов, уровню их освоения и благоустройству курорты в соответствии с федеральным законом от 1.03.95 г. подразделяются на курорты и лечебно-оздоровительные местности федерального, регионального и местного значения.

Санаторий «Белокуриха» относится к курортам федерального значения как обладающий редкими и особо ценными природными лечебными факторами, дающий высокий лечебный эффект, а также имеющий необходимую и достаточную инфраструктуру, общепризнанную известность. Курорт расположен в живописной местности горного Алтая и является одной из крупнейших и наиболее популярных здравниц Сибири и Дальнего Востока. Живописный ландшафт: горная речка, гранитные скалы, разнообразная растительность и кристально чистый воздух – всё это создаёт благоприятный фон для действия бальнеофакторов курорта [5].

Целебные свойства горячих ключей в долине речки Белокурихи были известны в конце XVIII века, когда в предгорьях Алтая появились первые поселенцы [6]. С возникновением поселения Белокурихи в 1803 году необычное явление природы стало явным для всех жителей. Вдоль речки Белокурихи klokотали горячие ключи, клубился белый пар, привлекающий внимание первых поселенцев. В небольшом озере у выхода главного источника поили скот, стирали бельё, купали детей. После длительной стирки затихали боли в суставах, исчезали кожные заболевания. Вырытые углубления заполнялись водой, превращались в ванны, которыми широко пользовались местные жители. Необычные свойства горячих ключей заинтересовали местных жителей Е. Гудкова и С. Казанцева. О своих наблюдениях они сообщали известному исследователю Алтая С. И. Гуляеву, жившему в Барнауле. В 1866 году Степан Иванович Гуляев посетил

Ново-Белокуриху, осмотрел источник и дал свои рекомендации по его благоустройству и лечебному применению.

А. Д. Остапов, А. А. Бенгардт (1922) отмечают, что первооткрывателями Белокурихинских горячих ключей были местные крестьяне, а основоположником курорта, его «крёстным отцом» называют известного учёного, исследователя Алтая Степана Ивановича Гуляева, «сумевшего увидеть у колыбели курорта его будущее».

Первое сообщение о Белокурихинский горячих источниках появилось в газетах «Томские губернские ведомости» 7 июля 1867 году. Эту дату принято считать днём рождения курорта «Белокуриха» [6]. Широкую известность Белокурихинские источники получили в 1897 году. Сообщение в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона значительно расширило известность курорта. Тем не менее в конце XIX века имел он жалкое существование: «В верхней части долины вдоль речки Белокурихи тянулось деревянная улица с рубленными жилыми домами, хозяйственными постройками, скотными дворами. В полуверсте ниже, на правом берегу речки, у места выхода горячих ключей, находились деревянные курортные строения: ванный барак, солярий, амбулатория»[6].

Селение Ново-Белокуриха в то время производило довольно привлекательное впечатление за счёт обилия зелени (И. Тыжнов, 1904). Известный путешественник, исследователь Азии В. И. Верецагин (1905) в «Алтайском сборнике Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», направляясь из Барнаула в Монголию, писал: «Но этот алтайский курорт крайне неблагоустроен и даже не имеет хорошей питьевой воды». Были попытки улучшить положение дел на курорте. В 1871 году Томская врачебная управа обратилась к министру внутренних дел Тимашеву с просьбой о единовременном отпуске 4000 рублей на устройство курорта и 400 рублей на его содержание. Просьба была отклонена «за неимением нужных средств».

В 80-х годах XIX века большая заслуга в изучении санаторно-курортных ресурсов в Сибири принадлежит учёным Томского университета [7] профессорам С. И. Залесскому, Э. А. Леману, М. Г. Курлову, И. А. Валидинскому. Радиоактивность белокурихинских источников установлена в начале XX века В. С. Титовым.

В 1914 году специальная комиссия при обществе практических врачей Томской губернии представила доклад на Всероссийский съезд в Петербурге и выдвинула предложение о выделении

ассигнований на изучение, освоение ценнейших сибирских минеральных водных источников и организацию лечебной работы.

В сентябре 1917 года на I съезде врачей Томской губернии под председательством профессора М. Г. Курлова прошла работа курортологической секции. Съезд принял резолюцию о необходимости всестороннего изучения лечебных местностей и свойств природных факторов.

При Томском университете был открыт Бальнеологический институт под научным руководством профессора М. Г. Курлова, внесшего большой вклад в развитие сибирской курортологии.

В 1926 году начинается строительство в посёлке Белокуриха капитального сооружения – ванного и лечебных корпусов. Профессор Беляев (1928) разрабатывает показания и противопоказания к лечению «горячими радиоактивными водами» санатория «Белокуриха». В 1931 году научным руководителем курорта становится профессор Новосибирского института усовершенствования врачей А. Л. Мясников, формируется основной кардиологический профиль санатория. Работами учёных установлено благоприятное действие радоновых ванн при полиартритах различной этиологии. Показано благоприятное действие водных источников, используемых в санатории «Белокуриха» при гипертиреозах (Г. М. Шершевский, Н. Х. Толмачев, Ф. И. Мидцев), хронических простатитах и циститах (В. А. Строганов, Б. А. Генина).

В военные годы (1941–1945 гг.) на курорт «Белокуриха» был эвакуирован лагерь «Артек», в котором отдыхали и получали лечение около 1000 детей ежегодно. Были сделаны первые шаги в организованном использовании курортных факторов «Белокурихи» для детей, представлены показания и противопоказания, первые результаты влияния радонотерапии на больных детей.

На курорте «Белокуриха» впервые среди радоновых курортов страны поставлен вопрос о лечении гинекологических больных.

В 1960 году научно-исследовательскую работу на курорте возглавил профессор В. Б. Казначеев. Исследование осуществляется по всем направлениям научной, теоретической и практической курортологии.

На курорте «Белокуриха» для лечебных целей применяется минеральная вода скважин, пробуренных в 1960–1963 годах с запасом 1200 м³/сутки. Многолетними режимными гидрогеологическими наблюдениями установлена неизменность химического состава минеральной воды и величина радиоактивности. По ионному составу вода сульфатно-гидрокарбонатная натриевая

с общей минерализацией 0,27–0,29 г/дм³, содержит кремниевую кислоту в количестве 52 мг/дм³. Вода щелочная (рН = 9,55–9,60). По газовому составу преобладает азот – 25 об.%. Количество радона непосредственно в скважинах составляет 5,5–8,2 нКл/дм³, при приёме процедур радон составляет 3,9–4,6 нКл/дм³. Температура воды 34–42°С.

Санаторий «Белокуриха» занимает площадь земельного участка 72553 м², площадь строения составляет 30458,4 м². Спальные корпуса «Северный» и «Южный» построены в 1979 и 1982 годах, представлены десятиэтажными зданиями общей площадью 19545 м² и вместимостью 793 человека. Лечебное отделение и клуб-столовая построены в 1998 и 1989 годах.

Ежегодно в санатории «Белокуриха» отдыхает более пятнадцати тысяч человек из различных регионов России и зарубежных стран. Привлекательным местом отдыха «Курорт Белокуриха» является для жителей Севера. Ежегодно в санаториях «Белокуриха», «Сибирь», «Катунь» отдыхает более 1200 жителей Республики Саха (Якутия), многие из них отдыхают здесь регулярно, приезжают семьями, становятся постоянными отдыхающими на курорте.

В комплексе с водолечебницей, общекурортной поликлиникой, административным зданием и санаториями «Белокуриха», «Катунь», «Сибирь» сибирская здравница представляет закрытое акционерное общество «Курорт Белокуриха». Генеральным директором ЗАО «Курорт Белокуриха» является Константин Петрович Ежов. Председателем Совета директоров ЗАО «Курорт Белокуриха» является Александр Александрович Бенгардт, длительное время работавший генеральным директором курорта «Белокуриха». Большую организационную, общественную работу в городе и на курорте проводит Е. Ф. Чернявский, осуществивший совместно с медицинским персоналом курорта «Белокуриха» под научным руководством учёных (Ю. И. Бородин, Ю. П. Никитин и др.) исследование и обоснование эффективности и качества лечения отдыхающих в санатории.

Старейшей кардиологической здравнице Сибири – курорту «Белокуриха» исполнилось 145 лет. В честь многолетней плодотворной работы медицинского персонала курорта установлен памятник «Слава медицинским работникам». Высокая эффективность лечебного применения термальных вод курорта «Белокуриха» научно доказана врачами курорта и учёными под руководством академика А. Л. Мясникова. Известность курорта перешла рубежи Российской Федерации. Курорт стал объектом

пристального внимания коммерческих организаций, вкладывающих финансовые средства в развитие инфраструктуры города, курорта, в лечение и отдых людей.

Медицинские работники, персонал курорта «Белокуриха» используют богатый научный, теоретический и практический потенциал на укрепление и сохранение здоровья, формирование здорового образа жизни отдыхающих.

Библиографический список

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : ФЗ № 323-ФЗ от 21.11.11.
2. Пономаренко Г. Н. Общая физиотерапия : учебник. – 5-е изд. перераб. и доп. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2012. – 386 с.
3. О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах: ФЗ от 1.03.95 г.
4. Об особо охраняемых природных территориях: ФЗ от 22.03.95 г.
5. Чернявский Е. Ф. Лечебная и научная работа на курорте «Белокуриха».
6. Остапов А. Д., Бенгардт А. А. Белокуриха. Лечебные факторы и история развития курорта. – Барнаул : Изд-во «Анна-Поом и Ко», 1992. – 112 с.
7. Бородин Ю. И., Никитин Ю. П., Чернявский Е. Ф. Учёные Новосибирского медицинского института и курорт «Белокуриха».

II. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЭМПАТИИ И ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

О. О. Полякова

Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Республика Мордовия, Россия

Summary. The article analyzes the impact of the level of development of empathy on the features of prosocial behavior. Personality with a high level of empathy, during the implementation of prosocial behaviour is highly significant 1) giving itself, 2) a feeling of pity, compassion, love to the object, 3) perception of the object as unable to take care of themselves.

Key words: prosocial behavior; empathy; level of development of empathy; empirical research; student.

Проблема просоциального поведения разрабатывается преимущественно в работах зарубежных психологов У. Мак-Дауголла, Б. Ф. Скинера, А. Бандуры, Т. Д. Роттера, П. Жане, К. Левина, З. Линденберга, Дж. Пилявина, Н. Айзенберга, С. Вилсона, Дж. Миллз и М. Кларк и др.

«Просоциальное поведение характеризует поступки, совершаемые одним человеком для другого и ради его пользы» [1, с. 34]. Обычно сюда включаются эмпатия, альтруизм, помогающее поведение и т. д.

Очевидно, что для любого общества важны ценности взаимопомощи, поддержки и других проявлений доброго отношения граждан друг к другу. Несмотря на значимость понимания факторов и механизмов реализации просоциального поведения для гармоничного развития гражданского общества, эта проблема практически не исследована в отечественной психологии. Важнейшим вопросом является также понимание психологических детерминант, определяющих особенности просоциального поведения личности. Одной из таких детерминант считаются эмпатические особенности личности.

Эмпирическое исследование проведено в 2013 г. на базе Мордовского госуниверситета (г. Саранск), и охватило 65 человек в возрасте от 18 до 21 года. По результатам методики А. А. Меграбяна испытуемые были разделены на две группы в зависимости от уровня

выраженности эмпатии. Испытуемые со средним уровнем выраженности эмпатической тенденции (49 человек) – составили первую группу; испытуемые с высоким уровнем выраженности эмпатической тенденции (15 человек) – вторую группу (значимость различий на уровне $p \leq 0,05$). Выделенные группы испытуемых статистически значимо различаются и по четырём шкалам методики Юсупова: интегральный показатель развития эмпатии (на уровне статистической значимости $p \leq 0,05$), шкала «Эмпатия с родителями» ($p \leq 0,05$), «Эмпатия со стариками» ($p \leq 0,05$), «Эмпатия с героями художественных произведений» ($p \leq 0,01$). Средние показатели эмпатических тенденций по этим шкалам у студентов второй группы значимо выше, чем у студентов первой группы.

Просоциальное поведение студентов исследовалось при помощи методики изучения просоциального поведения С. И. Соболева. Несмотря на то, что методики находятся на стадии апробации, их участие в исследовании вполне допустимо, т. к. они прошли основные стадии валидизации.

Применение U-критерия Манна-Уитни позволил выявить статистически значимые различия полученных результатов у студентов этих двух групп по всем шкалам методики С. И. Соболева, описывающим ту или иную просоциальную тенденцию: «Чувство жалости, сострадания, любви к объекту» (статистическая значимость различий на уровне $p \leq 0,05$), «Установка заботы и опеки по отношению к объекту/восприятие объекта как неспособного позаботиться о себе» ($p \leq 0,05$), «Конфликт между необходимыми действиями и величиной жертвы» ($p \leq 0,05$), «Нарциссические переживания и повышение самооценки как результат совершенного нравственного поступка/гордость» ($p \leq 0,05$), «Отдавание как стимулятор мотивации отдавать снова и снова» ($p \leq 0,05$), «Уменьшение социальной дистанции в результате поступка» ($p \leq 0,05$).

Проведённый содержательный анализ эмпирических данных позволил подтвердить главную гипотезу: чем более развита эмпатия, тем значимее проявляются тенденции просоциального поведения. Этот вывод конкретизирован следующими результатами.

При совершении просоциального поступка личность с высоким уровнем развития эмпатии менее, чем личность со средним уровнем эмпатии мотивируется нарциссическими переживаниями, возможностью повысить этим поступком свою самооценку. Чем более развита эмпатия: тем более в просоциальном поведении личность переживает чувства жалости, сострадания и любви; тем более личность ориентирована на отдавание как процесс, значимый сам по себе, как таковой; тем чаще личность

воспринимает объект своих добрых поступков как неспособный позаботиться о себе; тем более личность переживает конфликт между необходимыми действиями и величиной жертвы; тем чаще ожидает, что добрый поступок поможет сблизиться с другим человеком.

Для студентов с высоким уровнем эмпатии при реализации просоциального поведения высоко значимо:

- 1) отдавание само по себе,
- 2) чувство жалости, сострадания, любви к объекту,
- 3) восприятие объекта как неспособного позаботиться о себе.

Для студентов со средним уровнем эмпатии наибольшее значение при реализации просоциального поведения имеет:

- 1) ценность отдавания,
- 2) ожидание на уменьшение социальной дистанции после совершения просоциального поступка.

Библиографический список

1. Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Социальная психология. Пойми других, чтобы понять себя! – СПб. : Прайм-Еврознак, 2002. – 256 с. – (Сер. «Главный учебник»).

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЛЛЮЗИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Л. В. Шукшина, М. И. Кафтайкина
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Мордовия, Россия

Summary. The article analyzes the phenomenon of social illusions, their effect on humans and the system of interpersonal communication. Illusion – is unspent human activity, she claims being, gives it meaning, the absurdity of life denies, rejects and unproductive defeatism. Not rejecting the negative impact of social illusions of the view that an illusion – it is one of the most important values in life man, expressing his aspirations.

Key words: social illusion; interpersonal communication; valuables.

Большинство современных исследователей отводят иллюзии негативную роль и считают, что иллюзии тормозят общественное, социальное развитие, мешают человеку добиться успеха. Не отвергая негативного влияния социальных иллюзий, мы придерживаемся мнения, что иллюзия – это одна из важнейших жизненных ценностей человека. Она выражает его устремления и чаяния. Социальные иллюзии способны не только тормозить развитие, как личностное, так и социальное, но и повышать человеческий

потенциал, что проявляется в расширении границ возможного, преодолении пределов нынешней ситуации, сотворении своего будущего.

По нашему мнению, иллюзия – это ложное восприятие, некое желание, которое осуществить и воплотить в жизнь пока невозможно, желание успеха и позитивного результата, личностная позиция, аттитюд, элемент жизненной структуры и состояние бытия [1]. Иллюзии во многом определяют поведение человека и его личность, так как именно уровень воспринимаемой индивидом вероятности достижения той или иной цели обуславливает эмоциональное состояние личности и её поведенческие усилия. Социальные иллюзии – это целенаправленное желание блага, успеха, которое во многом характеризует эмоциональную составляющую, поведенческие усилия, силу воли и желания человека. Они позволяют индивиду концентрировать свои желания, генерировать собственные планы и способы достижения цели.

Иллюзия есть внутренний ресурс человека, она – в центре его бытия, это шаг к будущему, к поставленной цели, к выходу из трудной ситуации. Это своеобразное чувство возможного [3]. Можно выделить следующие признаки, характеризующие социальные иллюзии: ложное восприятие и осознание индивидом той действительности, в которой он находится; желание некоего блага и позитива; уверенность человека в достижении данного блага; отсутствие объекта желания (того, чего человек ещё не имеет); при этом достижение желаемого связано с определённой трудностью; иллюзии обращены в будущее; их всегда сопровождают надежда и вера.

Трактуя понятие иллюзии как процесс эмоционального переживания, можно обратить внимание на более острые и драматические ситуации, связанные с потенциальным бессилием и потенциальной безнадежностью, что вызывается неспособностью индивида изменить обстоятельства своей жизни. Иллюзия принимает подобные человеческие испытания в качестве интегральной части бытия и в то же время делает возможным креативный процесс. Вот почему для человека, переживающего иллюзии, границы возможного всегда шире [1].

Иллюзия – это нерастраченная активность человека, она утверждает бытие, придаёт ему смысл, отрицает абсурдность жизни, отвергает неплототворность и пораженчество.

В феномене иллюзии соединены чувства и когнитивные установки, диспозиция личности и реальное её поведение. Таким образом, иллюзия представляет собой чувство возможного, которое возникает при ожидании человеком достижения какого-то

важного и труднодоступного блага. Она является не только ценностью, но и необходимым условием активного действия. Вместе с тем иллюзия может проявляться и как психологическое состояние человека, общности и даже нации [2].

Иллюзия помогает подготовить будущее, поэтому она не может быть только пассивным ожиданием. Говорить об инертной, вялой, неактивной иллюзии – означало бы вносить противоречие в само её определение. Будучи динамической составляющей человеческой жизненной структуры, иллюзия представляет собой внутреннюю активность. Именно иллюзия зажигает дух человека, сообщает ему энергию, подстёгивая даже обстоятельства. Она является активным ожиданием будущего, которое открывается перед человеком. Нередко люди оставляют то, что уже достигнуто, чтобы добиваться чего-то нового, несмотря на то, что это может быть переходом из ситуации определённости в ситуацию неопределённости.

Библиографический список

1. Шукшина Л. В., Мизонова О. В., Манипулирование в информационном обществе как условие возникновения социальных иллюзий // В мире научных открытий. – 2012. – № 9.3 (33). – С. 409–423.
2. Кафтайкина М. И. Социальные иллюзии в представлении российских и иностранных студентов // В мире научных открытий. – 2013. – № 5.2 (41). – С. 190–200.
3. Shukshina L., Mochalov E. V., Eldin M. A., Mizonova O. Spirituality of eastern Europe and Russia as traditional basis of Russian spiritual culture // Middle East Journal of Scientific research. – 2013. – Т. 15. – № 7. – С. 1054–1058.

«ПЛАСТИЧНАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ» И МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

С. Ю. Девярых

**Витебский государственный ордена Дружбы народов
медицинский университет, г. Витебск, Беларусь**

Summary. Psychological problems of a modern family are considered in a context of processes of rationalization of social life.

Key words: social life; family relations; family; matrimonial relations; sexuality.

Согласно М. Веберу [1] основу исторического процесса составляет процесс нарастающей рационализации социальной жизни. Смысл его в том, что в обществах промышленного типа в регуляции социального поведения всё большее значение начинает

приобретать ориентацию, признающая за человеком право действовать во имя жизненной цели, быть свободным и независимым, надеяться на свои знания, отвечать за свои поступки, получать в соответствии со своими достижениями и достоинствами.

Положения, высказанные М. Вебером, созвучны идеям английского социолога Э. Гидденса о «пластичной» сексуальности.

Согласно Э. Гидденсу [2] сексуальность в современном мире – предмет, который представляется публично иррелевантным: с одной стороны, всеохватывающим, а с другой – сущностно частным делом.

Такое состояние имеет своими истоками тенденции, берущие начало в восемнадцатом веке. Они связаны с ограничением размеров семьи и возникновением романтической любви.

Традиционный мир – мир «разделённых социальных обстоятельств» – мир мужской сексуальности и жёсткого контроля над сексуальностью женской. Природа этих различий поддерживалась целым рядом социальных воздействий: господством мужчин в публичной сфере, двойным стандартом, ассоциированным разделением женщин на «чистых» и «нечистых», пониманием половых различий как заданных Богом, природой или биологией, определением женских желаний как тёмных или иррациональных, половым разделением труда.

Возникновение «пластичной сексуальности», сексуальности, свободной от репродукции и принудительного брака, оказалось возможным вследствие ослабления традиционного, преимущественно аграрного, образа жизни. Так, на протяжении XIX столетия формирование брачных уз для большинства групп населения стало основываться на суждениях иных, нежели экономические.

Процесс «трансформации интимности» стартует с возникновением идеалов романтической любви. Романтическая любовь предполагает возможность продолжительной эмоциональной связи с другим (другой) на основе неких качеств, внутренне присущих самой этой связи. Здесь любовь отбрасывает экономический расчёт и выступает в чистом виде.

Прежним эпохам были знакомы идеалы любви – любви-страсти и любви-страдания, которые были противопоставлены друг другу. Романтическая любовь включает в себя идеалы как страстной любви (сексуальной), так и возвышенной (асексуальной любви-самопожертвования), однако она отличается от той и другой. В ней привязанность как элемент возвышенной любви преобладает над сексуальным пылом. Вместе с тем любовь, включающая в себя сек-

суальность, разрушает идеал невинности: добродетель уже понимается не как девственность, а как определённые качества характера, которые основывают выбор на другой личности как «особой».

Этот романтической любви имеет двойное воздействие на положение женщин. С одной стороны, возвращает женщин в дом, но с другой стороны, романтическую любовь можно рассматривать в качестве активной радикальной связи с «маскулинностью» общества. Кроме того, укоренение романтической любви ассоциировало материнство с женственностью и давало возможность женщинам развивать новые сферы интимности, тогда как чувство мужского товарищества было отодвинуто в сферу маргинальной активности.

Брак, основанный на романтической любви, поддерживался разделением труда между полами, где сферой влияния мужа был общественный труд, а сферой женщины – домашняя работа, связью женской сексуальности с материнством, а так же романтическими идеями о том, что однажды найденная любовь будет навсегда. Таким образом, любовная жизнь, основанная на романтических началах ассиметрична, ввиду чего она часто приводила женщин к домашнему подчинению, поскольку сфера публичного сохранялась за мужчинами.

В нынешнюю эпоху идеалы романтической любви имеют тенденцию к фрагментированию под давлением женской сексуальной эмансипации (свободы от репродукции) и фактического равенства их с мужчинами. На смену романтической любви приходит идея любви-слияния, которое предполагает не только экономическое или правовое равенство партнёров, но и равенство в эмоциональной отдаче и получении. Это активная, неожиданная любовь, и поэтому она находится в дисгармонии с такими качествами комплекса романтической любви, как «навсегда», «ты, только ты». Центральной идеей любви-слияния является свободное самораскрытие и раскрытие характерных черт другого. Любовь-слияние – это образец чистых отношений (отношений, связанных только с личностью другого), она развивается лишь до такой степени, до которой каждый из партнёров готов раскрыть свои интересы и потребности другому. В отличие от романтической любви, любовь-слияние не связана с браком и не имеет особой связи с гетеросексуальностью, она необязательно двупола.

Хотя трансформация интимности относится к сексуальности и социально-половым отношениям, она ими не ограничивается. Возникновение романтической любви способствовало возвышению ценности детей, с установлением их самооценности,

а в детско-родительских отношениях на передний план выдвигается элемент морального долга.

В современном мире отношения родителей и детей предстают как релевантные чистым отношениям и любви-слиянию, а на передний план выдвигается интимность, вытесняющая родительский авторитет. При этом спрос на «чувственность и понимание» возникает с обеих сторон. На передний план в таких отношениях выдвигается идея взаимной любви.

Если распространение идей романтической любви стало одним из факторов, ведущих к вычленению брачных уз (как основанных на особом личностном отношении супругов друг к другу) из широких родственных связей, через придание им особой значимости, то становление любви-слияния выводило сексуальные отношения из сферы социального контроля. Трансформация интимности оказала разрушающее воздействие на все современные социальные институты как целое.

В целом же, «современность неотделима от доминирующего влияния разума... Разум не оставляет места для эмоции, которая просто лежит вне сферы его влияния; но фактически и эмоциональная жизнь перестроилась в изменяющихся условиях современности» [2, с. 66].

Библиографический список

1. Вебер М. Три типа господства // Двадцать два [Иерусалим]. – 1990. – № 72. – Июль-август. – С. 187–195.
2. Гидденс Э. Трансформация интимности. – СПб. : Ритер, 2004. – 208 с.

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И КОММУНИКАТИВНАЯ АКТИВНОСТЬ В ОТРОЧЕСТВЕ

Д. А. Бояршинова, С. А. Васюра
Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Удмуртская Республика, Россия

Summary. In the article is analyzed the concept of gender identity. Is examined the formation of gender identity in the adolescence. Is represented a study of gender identity and communicative activity in boys and girls of the teenage period.

Key words: gender identity; communicative activity; the adolescent.

Вопросы, связанные с принадлежностью к определённом полу, в психологической науке были в последние десятилетия одними из самых востребованных и приоритетных. Эти вопросы

требовали ответов для практического использования в различных прикладных областях. Когда появилось понятие «гендер» – психологический пол, интерес к этой проблеме стал возрастать.

Появление понятия «гендер» связывают с именами психолога Р. Столлера и эндокринолога Д. Мони.

Р. Столлер использовал понятие «гендер» для различения «маскулинности» (мужественности) и «феминности» (женственности) как социокультурных характеристик «мужского» и «женского». Изучая различные сообщества, учёные подтвердили, что существует значительная разница в понимании мужских и женских ролей, позиций, черт характера в том или ином обществе, на том или ином временном историческом промежутке, что зависимость мужских или женских черт личности от биологического пола не прямая.

Сегодня человек, принадлежащий к одному полу, может вести себя так, как представитель противоположного пола, либо систематически и постоянно, либо в зависимости от ситуации или партнёра по общению. Современная реальность такова, что границы полов стираются, по внешнему облику человека и по его поведению сегодня вообще можно не определить его половую принадлежность и гендерную в том числе [2].

Период отрочества характеризуется активным формированием стереотипов полоролевого поведения. Складывающиеся у подростка стереотипы маскулинности и феминности, образуются под влиянием социальных групп – семьи, сверстников и пр. Мальчики и девочки подростки не только воспринимают традиционные образцы мужественности и женственности, но и осмысливают, формируют свою гендерную идентичность, т. к. половая принадлежность личности, трансформированная для других, через других и в общении с другими, обрастает социальными смыслами [1]. В отрочестве интенсивно проявляется коммуникативная активность [3]. Опыт реализации коммуникативной активности связан с содержанием представлений о себе, поскольку познание себя идет через познание других.

Проведённое нами эмпирическое исследование было направлено на выявление взаимосвязи гендерной идентичности и коммуникативной активности старших подростков. В исследовании участвовали 103 девятиклассника (49 мальчиков и 54 девочки) – ученики школ города Ижевска. Применялась методика измерения маскулинности и феминности «Полоролевое описание» (the Bem Sex-Role Inventory), разработанная американским психологом С. Бем [4]. Для определения коммуникативной актив-

ности использовалась методика изучения активности в общении А. И. Крупнова, Л. В. Жемчуговой.

Установлено, что в выборке преобладают подростки андрогинного типа (83 подростка, т. е. 80,5%). Феминный тип личности характерен для 11 подростков, т. е. 10,6%, а маскулинный – для 9 человек, т. е. 8,7%. Результаты исследования свидетельствуют о том, что для двух девочек характерен маскулинный тип личности, одного мальчика – феминный тип. Следовательно, здесь наблюдается присвоение данными подростками гендера, противоположного их биологическому полу.

В целом у старших подростков наличествуют как мужские, так и женские черты. Это значит, что в зависимости от ситуации подросток ведёт себя, либо используя маскулинное поведение, либо феминное. Кроме того, в отрочестве продолжают складываться представления о себе, как представителе того или иного гендера. Гендерные рамки размыты, но постепенно начинают всё более очерчиваться. Результаты проведённого нами исследования соотносятся с эмпирическими данными О. В. Роль, которая выявила, что сформированность мужских и женских черт влияет на особенности налаживания подростком своих взаимоотношений в группе, что также не противоречит теории андрогинии [5]. Согласно теории андрогинии, каждый человек может обладать как маскулинными, так и феминными характеристиками. В обществе это способствует более продуктивному межличностному взаимодействию.

Коммуникативная активность было исследована у 58 человек из общей выборки (у 29 мальчиков и 29 девочек). Определялась значимость различий показателей коммуникативной активности с помощью U критерия Манна-Уитни в выборках мальчиков и девочек. Установлено, что выразительность в общении выше у девочек ($p < 0,05$). Общение девочек направлено на процесс, а общение мальчиков на результат, поэтому девочки общаются более эмоционально, более энергетически затратнее в плане эмоций, экспрессивности. А мальчикам важен сам результат реализации коммуникативной активности, для которого выразительность не так и необходима.

Далее сравнивались показатели коммуникативной активности с учётом гендерной идентичности подростков. При сравнении маскулинных и феминных подростков, их в выборке – 12 (6 маскулинных и 6 феминных девятиклассников), статистически значимых различий показателей коммуникативной активности выявлено не было. Наблюдаются лишь тенденции различий: потребность в общении выше у феминных подростков, инициативность в общении

выше у маскулинных девятиклассников. Полученные нами данные могут быть полезны практическим психологам, интересующимся проблемами развития коммуникативной активности старших подростков, а также родителям, педагогам, интересующимся вопросами гендера и активности в общении школьников.

Библиографический список

1. Авдулова Т. П. Гендерная социализация и структура общения в отрочестве // Психологические исследования : электрон. науч. журн. – 2009. – № 5(7). URL : <http://psystudy.ru> (дата обращения: 5.11.2013).
2. Васюра С. А. Гендерная психология. – Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 154 с.
3. Васюра С. А. Психология коммуникативной активности : хрестоматия. – Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – 266 с.
4. Лопухова О. Г. Опросник «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности (российский аналог «Bem, Sex, Pole Inventory») // Вопросы психологии. – 2013. – № 1. – С. 147–154.
5. Роль О. В. Формирование гендерной идентичности личности в подростковом возрасте и её влияние на групповую сплочённость // Новый университет. – 2013. – № 6–7(27–28). – С. 16–21.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНЫХ СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА

Л. А. Иванова

Оренбургский государственный педагогический
университет, г. Оренбург, Россия

Summary. Communication is an essential condition for the formation of the human personality. Communication is the main activity in the juvenile age. Communication of teens with hearing impairment has a particular importance for the formation of the personality in general.

Key words: communication; people with hearing impairments; personality.

Общение является основанием, необходимым условием нормальной жизнедеятельности и формирования личности. Важность человеческого общения для существования и развития общества и отдельного человека объясняется функцией информативности. Изменение текущей ситуации вызывает потребность в новой информации как средстве корректировки человеком своего поведения в социальной среде. Информационный обмен выступает в качестве канала прямой и обратной связи в общении. Без учёта информации обратной связи человек не в состоянии ориентироваться в системе индивидуальных и социальных отношений [2].

Факторы, определяющие динамику и успешность личности в общении, представляют собой личностные свойства, способности, умения и т. п., составляющие в системе коммуникативную структуру личности, её коммуникативный потенциал.

Теоретические вопросы теории общения подняты в работах С. С. Батенина, Г. С. Батищева, Л. П. Буевой, М. С. Кагана, В. М. Соковнина, А. А. Бодалева, А. Г. Ковалева, Е. С. Кузьмина, А. Н. Леонтьева, М. И. Лисиной, Б. Ф. Ломова, А. В. Петровского, Ю. Л. Ханина. По мнению ряда учёных, разрабатывавших методологические основы отечественной психологии (А. А. Бодалев, А. В. Брушлинский, Г. В. Гусев, Б. Ф. Ломов, К. К. Платонов), возрастание интереса к проблеме общения можно рассматривать как некоторую общую тенденцию развития всей системы психологических наук.

В настоящее время более детально изучается роль общения для каждого отдельного индивида. Общение исследуется как специфический вид человеческой деятельности (Б. Г. Ананьев, У. А. Хараша), раскрываются закономерности процесса присвоения своей социальной сущности в соответствии с действием закона единства общения и обособления (В. В. Рыжов), как процесс взаимодействия конкретных личностей, определённым образом отражающих друг друга и воздействующих друг на друга (В. Н. Мясищев), как важное условие психического развития человека, его социализации и индивидуализации, формирования личности (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, В. М. Мясищев, С. Л. Рубинштейн), общение как производимое проникновение индивидов в форме особой деятельности (Г. Гибш и М. Форверг).

В психологии изучены психологические функции общения, взаимоотношения общения с другими аспектами психической жизни человека и особенностями личности, называемыми коммуникативными [4].

Под коммуникативными свойствами личности понимают устойчивые характеристики особенностей поведения человека в сфере общения, значимые для его социального окружения. Конкретная личность включается в многообразные системы совместной деятельности с другими людьми, и это определяет многообразие накапливаемых и закрепляемых личностью способов её участия в общении.

Коммуникативные свойства личности составляют ядро коммуникативной структуры личности.

Стабильность коммуникативной структуры личности проявляется в индивидуально-психологических особенностях конкретного индивида под влиянием ряда факторов, среди которых важное место занимают образ жизни человека, социальные ситуации и др. [3].

Исходной же базой для изучения коммуникативных свойств личности в психологии послужили именно исследования проблем общения и личности.

Изучение потребностей – одна из труднейших проблем психологии, потому что увидеть их непосредственно нельзя и судить об их наличии у человека, об уровне их развития и особенностях содержания приходится на основании косвенных данных. Большинство психологов утверждают, что у человека существует особая потребность в общении. Но природу этой потребности они либо не определяют, либо формулируют тавтологически, как «стремление к общению», «желание быть вместе». При этом остаётся невыясненным, почему люди стремятся друг к другу и зачем им нужно быть вместе.

Не решён и вопрос о происхождении потребности в общении. Лишь немногие считают её целиком врождённой. Гораздо чаще выдвигается иная точка зрения, состоящая в утверждении того, что потребность в общении складывается прижизненно, в ходе реальной практики общения человека с окружающими людьми.

По сути дела остаётся открытым и вопрос о специфике потребности в общении – о её качественном своеобразии и несводимости к любым другим потребностям. На словах её часто признают, но на практике коммуникативную потребность нередко сводят к другим потребностям – во впечатлениях (М. Ю. Кистяковская), в безопасности (Т. М. Сорокина), в комфорте от соприкосновения с мягким тёплым телом (Б. Спок) или в совокупности всех благ (У. Бижу, Д. Баер) [5].

Мотив общения понимается М. И. Лисиной по А. Н. Леонтьеву – как объект общения, т. е. мотивом у неё выступает другой человек, партнёр по общению. Правда, почти тут же она пишет, что мотив – это опредмеченная потребность и что мотивы вырастают из потребностей, ведущими из которых являются: потребность во впечатлениях, в активной деятельности, в признании и поддержке [5].

В подростковом возрасте общение со сверстниками – ведущий тип деятельности. В общении осваиваются нормы морали, социального поведения, устанавливаются отношения равенства и уважения друг к другу.

Сфера общения в отрочестве выходит за пределы семьи и школы. У подростка появляется необходимость дифференцированного отношения к собеседникам.

Круг общения подростка намного расширяется. Оно начинает занимать в его жизни особое место, становится тем полем, на котором разыгрываются главные события жизни подростка, перестраивается вся сфера отношений к другим людям, к обществу, к самому себе.

В период подросткового возраста формируется новый уровень самосознания. Подросток осознаёт себя, свои качества, достоинства и недостатки в сравнении с другими людьми, оценивает себя, ориентируясь на социально принятые критерии и эталоны. Самосознание всегда социально по своему содержанию, по самой своей сути. Оценка себя, своих возможностей осуществляется подростком на фоне пристального внимания к другим людям: он осознаёт не только себя, но и других в отношении к себе.

Общение с окружающими людьми и объективно (для формирования личности подростка), и субъективно (для его самочувствия) становится фактором первостепенной важности [6].

Проблема становления межличностных отношений и общения у детей и подростков с нарушениями слуха приобретает особое значение. У лиц с нарушением слуха общение весьма затруднено в силу их дефекта и вследствие этого же дефекта наблюдается отсутствие или нарушение устной речи. Неполнота восприятия устной речи, отставание в речевом развитии затрудняют контакт с партнёром, заставляя человека с нарушенным слухом прибегать к интенсивному использованию невербальных средств общения, вносят специфические особенности в осознание и осмысление отношений.

Специфика развития личности ребёнка обуславливается нарушением слуха и относительной изолированностью его от социума. От микроклимата, созданного в школе, в трудовом коллективе, в группе, от личных взаимоотношений детей и взрослых зависит и то, усилится травмирующее влияние нарушения, вызывая при этом дополнительные невротические реакции, или оно нейтрализуется [1].

Умение правильно воспринимать и понимать другого человека представляет собой сложный процесс общения, который формируется постепенно в соответствии с накоплением жизненного опыта, опыта общения, что будет весьма своеобразно проявляться у подростков с нарушением слуха [3].

В данной работе я хочу более подробно рассмотреть потребность и мотивы общения у подростков с нарушением слуха.

Практическая часть исследования проводилась на базе школы-интерната № 2 г. Оренбурга. В экспериментальную группу вошло 18 человек, из них 9 мальчиков и 9 девочек. Средний возраст 14 лет. Все диагностируемые посещают кружок по туризму на базе научно-практического центра адаптивного спорта и физической реабилитации ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет» г. Оренбурга.

Используемые психодиагностические методики: методика «Потребность в общении» (автор Ю. М. Орлов), методика «Мотивация аффилиации» А. Мехрабиана в модификации М. Ш. Магомед-Эминова. Методики соответствуют заявленному возрасту и удобны в применении. Диагностика позволила выявить следующие особенности коммуникации у лиц с нарушением слуха:

- Наибольший процент удовлетворения потребности в общении составил 54 %, наименьший – 24 %, причём наибольшую потребность в общении имеют подростки 15 лет, что возможно связано с более высоким уровнем притязаний. Наименьшую потребность в общении мы увидели у подростков 13 лет, что возможно связано с тем, что они имеют пониженный уровень притязаний.

- 95 % из диагностируемых имеют тесное эмоциональное общение с близкими им людьми, что возможно связано с ограничением круга общения в силу своего дефекта и имеют затруднения при налаживании новых контактов и их общение в детском возрасте ограничивается узким семейным кругом.

- Стремление к собственным достижениям наблюдалось у 60 % опрошенных, остальные 40 % имеют стремление к дружбе. Это может быть связано с тем, что мотивация личного успеха у этих ребят развита лучше, чем потребность в каких-либо командных первенствах, либо с тем, что возможно подростки стараются себя индивидуализировать в этом возрасте и показать, что они отличаются от других.

- Стремление к принятию выражено более у 33 % диагностируемых, скорее всего это связано с их адаптированностью в окружающем социуме.

- Страх отвержения мы увидели у 67 % опрошенных, это может быть связано с тем, что подростки испытывают внутренний дискомфорт, напряжённость при общении с незнакомыми им людьми.

- По двум анализируемым шкалам (стремление к принятию и страх отвержения): наиболее высокий страх отвержения мы

увидели у подростков 13 и 15 лет, что возможно связать с тем, что в исследовании Э. А. Вийтар межличностных отношений слабослышащих школьников с VI по XII класс установлено, что общение между детьми происходит в основном в узкой формальной группе (внутри класса) [1].

Обобщая полученные данные, можно прийти к выводу, что подростки с нарушением слуха не в полной мере могут адаптироваться в окружающем их социуме и следует искать новые способы адаптации и социализации таких людей, а также возможность интегрированного обучения, что также поможет в дальнейшей социализации.

В этот период подростки учатся осмысливать свои конформные (от лат. *conformis* – «подобный», «сообразный» пассивное, некритичное принятие господствующего порядка, норм, ценностей, традиций, законов и т. д. Проявляется в изменении поведения и установок в соответствии с изменением позиции большинства) и негативные реакции на различные ситуации, отстаивать право на самостоятельный выбор возможного поведения, учатся подавлять импульсивные действия. Стремление развить свою уникальность требует от подростка обособления от семейного «Мы», которое раньше поддерживало в нём чувство защищённости и эмоциональной направленности. Однако находиться наедине со своим «Я» подросток ещё не готов. Он не может объективно оценивать себя и поэтому подросток находит решение своей сложной задачи в общении со сверстниками [6], что также весьма может быть затруднено, особенно с подростками, не имеющими нарушений в развитии, опять же в силу своего дефекта.

Несмотря на приведенные здесь результаты, мы не можем с уверенностью утверждать, что у всех лиц с нарушением слуха результаты будут такими. Так как это будет зависеть от многих факторов.

Библиографический список

1. Богданова Т. Г. Сурдопсихология. – М. : Академия, 2002. – 203 с.
2. Бойков Д. И. Общение детей с проблемами в развитии: коммуникативная дифференциация личности. – СПб. : КАРО, 2005. – 288 с.
3. Леонтьев А. А. Психология общения. – М. : Академия, 2008. – 368 с.
4. Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности: некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. – М., 2006. – 248 с.
5. Лисина М. И. Проблемы онтогенеза общения. – М. : Педагогика, 1986. – 144 с.
6. Мухина В. С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество : учебник для студ. вузов. – 4-е изд., стереотип. – М. : Академия, 1999. – 456 с.

ЦЕННОСТНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ПОДРОСТКОВ НА «ТЕРПИМОСТЬ» – ВАЖНЕЙШАЯ УСТАНОВКА НА ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Д. В. Зенович

Калужский государственный университет
им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия

Summary. Present-day conditions of civil society construction in Russia determinate the rise in awareness of one person and in awareness of social groups their place in polycultural society, in socio-economic, ethnic, cultural and interconfessional relations system. Population hyper mobility, the rise of migratory movement, interethnic intolerance increase, the increase in number extremist youth organizations actualized the problem of tolerant relations formation among rising generation. The article is devoted to the problem – formation of tolerance and culture of interethnic relations in the educational environment. The basic role in their formation the education system should play.

Key words: tolerance; tolerant relations; adolescent; adolescence; individual; educational environment; general education school; pedagogical interaction; educational space.

*Своим терпением мы можем
достичь большего, чем силой.*

Э. Берк

Последние десятилетия – период обострившихся взаимоотношений как между отдельными людьми, так и между народами на почве несовпадения их политических взглядов, вероисповедания, социально-экономического статуса и т. д. – заставили ЮНЕСКО искать особое понятие, которое могло бы стать символическим в проблематике мира. Таковым стало понятие толерантности, по мнению идеологов ЮНЕСКО, наполненное особым смыслом, имеющим общую изначальную суть на языке всех народов Земли [3, с. 7–9].

Эта суть отражает интуитивное восприятие единства человечества, взаимозависимость всех от каждого и каждого ото всех и состоит в уважении прав другого, прежде всего, права быть иным [2, с. 2–5].

В России проблема нетерпимости в последние годы становится очень серьёзной. Самые разнообразные источники интолерантности порождают сегодня в нашем обществе насилие, жестокость и отчуждение. В настоящее время необходимо подумать о формировании новой культуры отношений в нашем обществе. Глобализация, информатизация и интернационализация – это факторы, влияющие на коммуникативное поведение подростков.

Воспитание толерантности у подростков следует рассматривать в качестве неотложной важнейшей задачи, если хотим сохранить страну, общество, человека [7].

Социум для подростков – это родители, семья, учителя, сверстники. Для формирования гармоничной, толерантной личности подростка, для развития у ребёнка навыков жизненной компетентности, регуляции собственного поведения в обществе рядом с ребёнком должны находиться любящие и понимающие его взрослые люди.

В условиях школы формирование установок толерантного самосознания у подростков означает создание условий открытости и взаимопонимания, подчёркивание ценности различий и многообразия, содействие развитию способности конструктивно разрешать разногласия и продвигаться от конфликтных ситуаций к примирению. Для этого во многом должна быть изменена сложившаяся школьная практика. При этом речь идёт не только об изменении содержания образования – того круга знаний, который подростки усваивают как мировоззренческую основу всей последующей жизни. Прежде всего, необходима смена ключевой установки: от запретов и исправлений ошибок к доверию и поощрению. Психология доверия, напротив, формирует позитивные программы – ощущение собственной силы и чувство безопасности. Совершая те или иные поступки, подросток представляет себе позитивные результаты, а не неудачу. Неудач он не боится, чувствуя в себе силы справляться с ними, учась на собственных ошибках. Поэтому подросток с толерантным самосознанием не стремится защищаться ни от людей, ни от обстоятельств. Он открыт новому опыту в жизни. Что касается развития личности, достигаемого через напряжение духовных сил человека, то оно в данном случае будет направлено не на борьбу с «внешними препятствиями», а на примирение с самим собой, открывающим возможность подлинной самореализации в жизни [1].

Толерантность как качество личности, которое противопоставляется стереотипности и авторитаризму, считается необходимым для успешной адаптации к новым неожиданным условиям. Излишне упрощая явления окружающего мира, подростки, не обладающие толерантностью, проявляют категоричность, оказываются неспособными к изменениям. Проблема толерантности особенно необходима при межнациональном, межконфессиональном диалоге [5, 8].

Однако в столь бурный и непредсказуемый период нашего развития, когда надо готовить подрастающее поколение к жизни

в быстро и резко меняющихся условиях, необходима толерантность к неопределённости, необходима готовность к изменениям, что ещё более значимо. А поэтому чрезвычайно важно не только углублять все традиционные подходы и методы исследования и разработку традиционно формируемых проблем, но и по-новому ставить проблему формирования установок толерантного сознания у подростков в научном пространстве на современном этапе [6, 10].

Главный принцип научных исследований по данной проблеме – научить подростков суметь встать на место другого, быть терпимым к самому себе, уважать собственную личность. Многочисленные психологические исследования позволяют рассматривать толерантность у подростков как развивающуюся и формируемую в деятельности характеристику [1; 2, с. 2–5; 4; 6; 7; 8; 10].

Согласно «Философскому энциклопедическому словарю» [9], толерантность, то есть «терпимость к иному рода взглядам, нравам, привычкам», является признаком уверенности человека в себе, сознания надёжности своих собственных позиций. Необходимо уточнить, что толерантность есть не только внешний признак уверенности в себе, но, прежде всего, следствие этой внутренней уверенности человека, осознания им надёжности своих собственных позиций.

В таком случае задача формирования толерантности подростка в семье, в школе, в обществе в целом выступает как задача формирования именно этой внутренней уверенности в себе и надёжности своих собственных позиций.

В ценностном отношении ориентация подростков на «терпимость» связана в большей степени с духовными ценностями (такими, как «счастье других – благосостояние, развитие и совершенствование других людей, всего народа в целом», «познание»), чем с материальными («материально обеспеченная жизнь», «развлечения»).

Среди установок на задачи психолого-педагогической деятельности ориентация подростков на ценность «терпимости» связана с установками на интеллектуально-нравственное развитие подростков (в частности, на задачу «выявление и развитие индивидуальности личности») и на применение активных методов образования [8].

Таким образом, ценностная ориентация подростков на «терпимость» указывает на ряд психологических характеристик, связанных с моральным развитием личности подростка, дружелюбием, альтруизмом, низким уровнем агрессивности, педагогическими установками на развитие личности. Эта характеристика

развивается с возрастом и формируется в деятельности, особенно в деятельности, имеющей психологическую направленность.

Библиографический список

1. Асмолов А. Г. Идеология толерантности: школа жизни с непохожими людьми // Образовательная политика. – 2011. – № 2 (52).
2. Асмолов А. Г. Слово о толерантности // Век толерантности. – 2001. – № 1. – С. 2–5.
3. Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61. Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г. Декларация принципов терпимости. – Париж, 1995. – С. 7–9.
4. Лебедева Н. М. Социальная психология аккультурации этнических групп: дис. ... д-ра псих. наук. – М., 1997.
5. На пути к толерантному сознанию. – М., 2002.
6. Основы психодиагностики / под ред. А. Г. Шмелёва. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. – 544 с.
7. Солдатова Г. У. Толерантность и интолерантность – две грани межэтнического взаимодействия // Век толерантности. – 2001. – Вып. № 1. – М., 2001.
8. Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Шарова О. Д. Тренинг «Учимся толерантности» // На пути к толерантному сознанию / отв. ред. А. Г. Асмолов. – М. : Смысл, 2000.
9. Философский энциклопедический словарь. – М., 2010. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. – М., 2009.
10. Шмелёв А. Г. Психодиагностика личностных черт. – СПб. : Речь, 2002. – 480 с.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНТОВ КАК АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ К ВУЗУ

В. В. Слугин

**Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Мордовия, Россия**

Summary. This article contains the fact description from teaching activity of the author which he suggests to consider as the fact of communicative behavior of the first-year student, demanding the further analysis and studying. Today learning is more often linked to learner adaptation to activities and learning environments. The aim of the research is – to describe how the process of adaptation at evaluated by Saransk students.

Key words: communicative behavior; adaptation to higher education institution; ethnic psychology; social desirability; students.

Возможность опубликования настоящей статьи совпала с ситуацией, возникшей в нашей двадцатилетней преподавательской практике впервые, и мы предполагаем, что её можно в какой-то мере отнести к проблематике коммуникативного поведения. Суть

описываемой ситуации состоит в следующем. Традиционно в начале учебного года мы проводим опрос с целью получить самое общее представление о психологическом портрете поступивших первокурсников, особенностях мотивации их профессионального выбора, общем и потенциально профессиональном уровне эрудиции.

Уже несколько лет в собственных эмпирических исследованиях мы применяем так называемую шкалу «социальной желательности» (далее СЖ). Она предназначена для анализа достоверности получаемых данных, или, иначе говоря, честности ответов респондентов. Отметим, что данная шкала дорабатывается и совершенствуется нами уже в течение 5 последних лет. Первоначально мы сделали её в виде комбинации соответствующих шкал из тестов Г. Айзенка и ММРІ. Но затем пришли к выводу о необходимости постоянной коррекции содержания вопросов, в зависимости от опрашиваемой аудитории. В результате были отобраны и экспериментально апробированы 20 вопросов, составивших универсальную шкалу «СЖ», которую, как мы полагаем, можно применять на любой выборке респондентов, начиная с 14 лет. Кроме того, нами разработан и апробирован также специальный ключ обработки получаемых данных.

Приведём для наглядности несколько вопросов шкалы «СЖ». «Бывало ли, что Вы пользовались оплошностью другого человека?» Или следующий вопрос: «Бывало ли так, что Вы настаивали на том, чтобы другие поступали так, как Вы хотите?» «Вас никогда не раздражают просьбы домашних о помощи по хозяйству?».

Исключения, конечно, случаются, и нормативы обработки шкалы допускают 9 баллов из 20 возможных. Чем меньше баллов, тем достовернее результаты. Непригодные к обработке анкеты, как правило, содержат 12–14 баллов из 20. И такие случаи довольно часты.

В проведённом нами опросе в сентябре этого года, достоверными оказались анкеты 6-х из 21 студента. Отметим, что в целом, открытость респондентов в наших исследованиях, проводимых в течение пяти последних лет, крайне низка. Самые высокие результаты достоверности исследований по шкале «СЖ», проведённые на реальных выборках трудовых коллективов, не достигает даже 50 %, а обычно не превышают 30 %. Мы полагаем, что это вполне достоверная картина не только для республики Мордовия. Российский социум, по нашему мнению, опасается быть откровенным. Мягко говоря, респонденты отвечают так, как надо, но не так, как хотели бы. Наши студенты-первокурсники – своеобразная проекция нашего общества. Они ответили, «как надо»,

и шкала СЖ это выявила. Однако, важен не результат, а дальнейшие события.

Результаты, не называя конкретных имён, были нами сообщены группе – «достоверными выглядят ответы только шести из 21 студента». Далее началась преподавательская работа, направленная не только на изложение учебной информации, но и, как мы полагали, направленная на формирование личности и усвоение этических норм профессионала-психолога.

И наступило время проведения межсессионного контроля (ноябрь 2013 г.), в ходе которого студенты выполняли тест по общей психологии на усвоение понятийного аппарата. Мы давали студентам установки на подготовку к тестированию: по его содержанию, условиям проведения, критериям оценок. Общий смысл – тест будет выполняться по памяти, он не сложен. Списать будет невозможно, кроме того – это не этично.

И далее произошло то, чего никогда не было в нашей собственной практике. Несколько студенток-психологов, первокурсниц, совершили, если можно так сказать, неприемлемое действие. Они сдали преподавателю заранее приготовленные дома заполненные тесты с ответами. Проблема в том, что две из них – те, чьи ответы по шкале «СЖ» в сентябре 2013 были достоверными.

Мы испытали своеобразный «культурный шок». У нас нет достоверного объяснения произошедшего. Проблема состоит ещё и в том, что эти студентки – представительницы достаточно закрытого этно-культурного социума, проживающего в республике Мордовия. Девушки внимательно следили за преподавателем в течение всей процедуры и, как только его отвлекли (он отошёл к двери), тут же, за его спиной, работы были ими положены на преподавательский стол. Таких заменённых работ оказалось три. И все «авторы» – представительницы одной национальности.

Видимо, можно заключить следующее. Мы пронаблюдали коммуникативное поведение, которое в поле одной этнической ментальности рассматривается как возможное, а в условиях другой – нет.

Возможно, читатель упрекнёт нас в том, что пример этот не репрезентативен, единичен. Для нас важно то, что это случилось. И в рамках гуманитарной парадигмы, единичный случай представляется таким же важным, как и случай массового поведения. Мы полагаем, если есть один, значит, есть и могут быть и другие. Для нас важно ещё и то, что мы постоянно на лекциях говорим о нравственности психолога, об этических сторонах его деятельности, связанных с моральной ответственностью. Однако имеем

то, что имеем. В нашем случае – девушки, с одной стороны честны, а с другой стороны, способны на подлог. Вместе с тем, можно сказать, что они подтвердили свою честность ответов при первом тестировании: да, они способны на обман. И это факт их коммуникативного поведения. Описанный случай мы рассматриваем как пример обыденной коммуникативной адаптации к обучению в вузе: «делаю то, что делают окружающие». Однако такую адаптацию нельзя признавать истинной адаптацией. Мы называем её «псевдоадаптацией».

С нашей точки зрения, адаптивным коммуникативным поведением как раз необходимо считать такое, при котором студент честно готовится и честно выполняет задания, в соответствии требованиями этики профессионального обучения, которые осознанно предъявляет к себе и студентам преподаватель: ответственность, самостоятельность, инициативность, честность.

Библиографический список

1. Слугин В. В. Основы психологии высшей школы // Основы педагогики и психологии высшей школы : учеб. пособие. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. – С. 100–126.

ПСИХОЛОГИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

С. В. Бондарева, Н. А. Бондарева

**Воронежская государственная медицинская академия,
Воронежская государственная лесотехническая
академия, г. Воронеж, Россия**

Summary. Communication process is a process of information exchange, when during joint activities people exchanged between different ideas and interests, moods, feelings. When considering any human communication from the point of view of information theory is fixed only the formal aspect of the case: how information is transmitted, but also formed clarifies develops. In describing the communicative side of communication is necessary to reveal the specifics in the process of information exchange between two people.

Key words: communication; communication process; aggressive-ness; protest.

Процесс коммуникации – это процесс обмена информацией, когда во время совместной деятельности люди обмениваются между собой разными идеями и интересами, настроениями, чувствами.

При всяком рассмотрении человеческой коммуникации с точки зрения теории информации фиксируется лишь формальная сторона дела: как информация передаётся. Но она и формируется, и уточняется, и развивается.

При описании коммуникативной стороны общения необходимо выявить специфику в самом процессе обмена информации между двумя людьми:

1) общение нельзя рассматривать лишь как отправление информации какой-то передающей системой или как приём её другой системой. В отличие от простого «движения информации» между двумя устройствами, существует отношение двух индивидов, каждый из которых является активным субъектом: взаимное информирование их предполагает налаживание в совместной деятельности.

В коммуникативном процессе происходит активный обмен информацией. Здесь особую роль играет значимость информации, так как люди не просто общаются, но и стремятся при этом выработать общий смысл. Это возможно лишь при условии, что информация не просто принята, но понята, осмыслена. Суть коммуникативного процесса не просто взаимное информирование, но совместное постижение предмета;

2) обмен информации сводится к тому, что посредством системы знаков партнёры могут повлиять друг на друга, следовательно, обмен информации предполагает воздействие на поведение партнёра, т. е. знак изменяет состояния участников коммуникативного процесса. Коммуникативное влияние, которое возникает, есть не что иное, как психологическое воздействие одного коммуниканта на другого с целью изменения его поведения. Эффективность коммуникации измеряется тем, насколько удалось это воздействие. При обмене информацией происходит изменение самого типа отношений, которые сложились между участниками коммуникации;

3) коммуникативное влияние как результат обмена информацией возможно лишь тогда, когда «все говорят на одном языке», так как всякий обмен информацией возможен лишь при условии, что знаки и, главное, закреплённые за ними значения известны всем участникам коммуникативного процесса. Только принятие единой системы значений обеспечивает возможность партнёров понимать друг друга. Мысль никогда не равна напрямую значению слов. Поэтому у общающихся должно быть идентичное понимание ситуации общения;

4) в условиях человеческой коммуникации могут возникать совершенно специфические коммуникативные барьеры. Они могут возникать из-за отсутствия понимания ситуации общения, вызванного не просто различным языком, на котором говорят участники коммуникативного процесса, но различиями более глубокого плана, существующими между партнёрами. Это могут быть социальные, политические, религиозные, профессиональные различия, которые порождают различное мироощущение, мировоззрение, миропонимание. Такие барьеры возникают из-за принадлежности партнёров к разным социальным группам. Коммуникация в этом случае демонстрирует ту свою характеристику, что она есть лишь сторона общения.

Исходя из сказанного, можно понять, почему у первокурсников, которые вливаются в коллектив сверстников, где все равны, вступает в силу проблемная черта – нежелание приспособливаться к общепринятым правилам. Своевольное поведение, независимый характер, непослушание, выливаются в нарушение устоявшихся норм поведения в студенческом коллективе и становятся проблемой в отношении с окружающими.

Нередко молодые люди, приехавшие из одной местности и живущие вместе на одном этаже, объединяются в откровенно враждующие группировки, которые могут выяснять отношения любыми способами.

Частые конфликты в студенческой среде дестабилизируют благоприятный эмоциональный фон в коллективе, в группе, в комнате. За этим следует дестабилизация эмоционального настроения личности. Студент находится в состоянии уныния, замыкается в себе, плачет, молчит, не хочет общаться. Самое страшное, когда такое эмоциональное состояние влечёт за собой отсутствие интереса к обучению. Любые попытки педагога, выявить причины подавленного состояния, натываются на грубость со стороны студента.

Возникают такие черты, как агрессивность, протест. Агрессивность наблюдается у студентов, которые воспитываются в семье с одним ребёнком. Здесь присутствует эгоизм – всё для него, и человек к этому привыкает с пелёнок. Именно воспитание в семье играет важную роль во взаимоотношениях с другими людьми. Если с детства он находился в атмосфере доброжелательности, уважения и терпимости друг к другу, то вряд ли он вырастет хамом. Но если ребенок привык наблюдать, как родители злословят, завидуют, осуждают всех и вся, скорее всего, и сам будет таким же.

Агрессивность дремлет до определённого времени. Когда и в какой форме она может выплеснуться на окружающих, зависит от обстоятельств, от темперамента, от воспитанности личности.

Наблюдения показывают, что агрессивность, чаще всего, проявляется при любых видах требований: соблюдение норм проживания в общежитии, уважение к соседям и т. д. и проявляется в форме грубого общения.

Считается, что агрессия несёт исключительно отрицательный заряд. Но, в ней кроется немалый и положительный потенциал, лежащий в основе таких важных человеческих качеств, как целеустремлённость, желание самоутвердиться и отстоять свою позицию. Такие качества просто необходимы личности. Ими он добивается признания, пытается занять определённое социальное положение в среде себе подобных, сверстников. Конечно, по мере взросления его поведение выравнивается.

Такая черта, как протест личности, проявляется вспышками недовольства, гнева, ярости. Такие ситуации возникают в ответ на попытки взрослых или старшекурсников унизить оскорбить или частично подчинить первокурсника своей воле. Опять же протест таких студентов характеризуется степенью воспитанности, навыками культурного поведения. Часто между студентами возникают ссоры из-за неумения уважать окружающих, из-за отсутствия сострадания к рядом живущему человеку. Некоторые молодые люди шумят в то время, когда их соседи по комнате готовятся к занятиям или спят. Другие не обращают внимания на то, что их одногруппник заболел, и включают музыкальную аппаратуру на полную громкость. Большей частью форма протеста носит адресный характер, т. е. направлена против конкретных виновников ситуации. И в этом случае, как только конфликт находит своё разрешение, студент успокаивается.

Особое внимание необходимо обратить на студентов со сложным характером, в котором преобладают такие черты, как повышенная возбудимость, злобность, конфликтность. Преобладание таких черт есть плод неправильного воспитания личности. В этом случае непонимание, давление, притеснение, окрики – выливаются в проблему. Нередко характер молодой человек наследует от родственников. Часто таким студентам даются обидные клички и прозвища, им очень трудно в коллективе ровесников. В подобном случае может помочь исправить ситуацию социальный педагог вуза и педагог-куратор.

При этом необходимо помнить, что добрые отношения педагога играют решающую роль в налаживании культурных взаимоотношений. Человеческая теплота, доброта, похвала творят чудеса. Убеждения, разъяснения, «задушевные» беседы всегда давали положительный результат.

Умение контролировать ситуацию и направлять в нужное русло – главная составляющая профессионализма социального педагога. Однако надо помнить, что добрые отношения, если они с готовностью воспринимаются, порождают этим двусмысленные отношения к педагогу. Студенты, как правило, ожидают, что педагог перестанет замечать какие либо допущенные им нарушения. Поэтому работа по налаживанию благоприятной атмосферы в коллективе, группе должна вестись продуманно, систематично, с привлечением психологической службы.

При этом необходимо, чтобы студенты усвоили: для любых отношений неприемлемы грубость, нетерпимость, язвительность, раздражительность в общении. Молодого человека нужно убедить, что нет никакой доблести в том, что ты держишь себя вызывающе при общении как с ровесниками, так и с взрослыми. Надо доказать, что достоинство, смелость и независимость утверждаются не умением дерзко говорить, а человеческими качествами.

Неблагоприятный эмоциональный фон, который порождается негативным межличностным общением, есть огромная разрушительная сила. И только знание психологических особенностей студенческого возраста на современном этапе становится очень важным и необходимым явлением в психологии высшей школы. Становление личности студента происходит в академической группе, которая находится на определённом этапе своего развития. Характер развития личности в значительной мере обусловлен уровнем развития группы, в которую личность включена. В группах, которые достигли в своём развитии уровня коллектива, существуют благоприятные условия для формирования у студентов положительных качеств личности, необходимых современному специалисту.

Библиографический список

1. Фрустрация. Конфликт. Защита // Вопросы психологии. – М., 1991. – № 5. – С. 23–28.
2. Хеккаузен Х. Мотивация учебной деятельности и формирования личности. – М.; Одесса : Прогресс, 1986. – 158 с.
3. Хорни К. Невротическая личность нашего времени: самоанализ / пер. с англ. – М. : Айрис-Пресс, 2004. – 464 с.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ У ЭРЗЯН И МОКШАН

С. И. Баляев

Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Мордовия, Россия

Summary. This article analyses the phenomenon of ethnic stereotypes on the example of the interaction Erzya and Moksha. The author summarizes the empirical studies of students ethnic stereotypes. Particular attention is paid to the mechanisms factors, types of ethnic stereotyping.

Key words: Erzya; Moksha; ethnic stereotypes; confrontational attitudes

В работе об этнических установочных образованиях важное место занимает анализ различных факторов социально-психологического рода, таких как коммуникативное поведение. Исследование этнических установок и стереотипов закономерно вызывает интерес к проблеме степени соответствия их содержания реальному коммуникативному поведению. Вероятно, можно согласиться с утверждением, что «...стереотипы, предубеждения и предрассудки в качестве способа реагирования сознания адекватны реальности в силу соответствия между их внутренним содержанием и внешними функциями...», а «внешние функции защиты направлены кроме своей группы ещё и на другую» [1, с. 26]. В целом, чем искажённое оказывается когнитивное содержание этнического стереотипа и чем больше его негативный аффективный заряд, тем реальнее его воплощение в коммуникативном поведении.

Предпосылки сокращения дистанции между образами и действиями означают активизацию этномобилизационных процессов групп в защиту своей этничности. Готовность группы может переходить в групповое действие. В этой связи интересным представляется подход ряда американских исследователей к понятию «этническая мобилизация». Последняя предстаёт как форма перехода «дремлющей» этничности в состояние «пробуждения», когда этническая группа начинает осознавать себя этнонацией. В политическом аспекте «мобилизация этнонации может вызвать идеологический процесс этнонационализма, в котором мобилизуемые становятся этнонационалистами». В результате этно-мобилизационные процессы могут приобретать характер этнополитической мобилизации, когда актуальной для группы становится политическая форма защиты этничности. Другой же стороной этномобилизационных процессов группы является защита «Мы-образа» в сфере межличностных отношений. Крайней

формой такой защиты на коммуникативном уровне выступает бытовой национализм.

Более подробно следует остановиться на эрзяно-мокшанских смешанных браках как важном индикаторе состояния психологического фона данных межсубэтнических отношений и проявления коммуникативной специфики между представителями этих субэтносов. Исследования середины 1970-х годов показали, что в сельской местности 40,1% браков составляют внутриэрзянские, 52,5% семей – внутримокшанские. Браки между мокшей и эрзей составляли только 0,8% [1, с. 47]. Безусловно, одной из объективных причин такого низкого значения смешанных межсубэтнических браков являлась компактность территориального проживания эрзян и мокшан в Республике Мордовия. Даже сейчас районы республики отчётливо дифференцируются по преобладанию эрзянского или мокшанского населения. На наш взгляд, не следует упускать из вида роль этнической установки в этом явлении. В городе ориентация на эндогамию хотя и значительно снижается, но общее количество браков между эрзянами и мокшанами ещё в начале 1990-х годов было незначительно (всего около 4,5%) [2]. На сегодняшний день эрзяно-мокшанские браки встречаются куда чаще, но это происходит в силу общего размывания этнической идентичности у молодёжи, для которой ценность принадлежности к этносу (субэтносу) в решении межличностных вопросов стала ничтожно малой.

Основную долю смешанных браков и у эрзян, и у мокшан, согласно тем же сведениям, составляют русско-эрзянские и русско-мокшанские, причём последних на 7% меньше.

Субэтнические различия отмечаются и в языковом поведении эрзян и мокшан. Главной особенностью языкового общения между представителями данных этнических общностей является то, что русский язык служит основным средством вербального взаимодействия между ними. По объективным причинам большинство эрзян и мокшан общаются на работе на русском языке, но даже в семье 24,0% эрзян и 13,5% мокшан разговаривают не на родном языке [2].

Библиографический список

1. Баляев С. И. Этническая идентичность эрзян и мокшан: опыт этнопсихологического анализа. – Саранск : Изд-во МГУ, 2013. – 110 с.
2. Баляев С. И. Этнические стереотипы эрзянской и мокшанской молодежи: анализ эмоционально-оценочного компонента // Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации: материалы междунар. науч.-практ. конф. 28–29 сент. 2013 г. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – С. 99–101.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Н. В. Андропова, Ж. Г. Гаранина
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Мордовия, Россия

Summary. This article observes the theoretical approaches to the concept of communicative competence. Describes the results of experimental studies of the communicative competence of experts the characteristics of the.

Key words: communicative competence; professional activities; communication; self-development; self-actualization.

Одним из важнейших качеств специалистов соционо-мической сферы, обеспечивающих успешность профессионального взаимодействия, является коммуникативная компетентность, предполагающая высокий уровень развития умений и навыков делового и межличностного общения. В связи с этим весьма актуальным представляется исследование особенностей коммуникативной компетентности специалистов соционо-мической сферы, её влияния на эффективность коммуникативного поведения, а также факторов, обеспечивающих её развитие.

В отечественной психологии можно выделить ряд подходов к определению данного понятия. Так, в социально-психологическом словаре коммуникативная компетентность рассматривается как «ориентированность в различных ситуациях общения, основанная на знаниях и чувственном опыте индивида, способность эффективно взаимодействовать с окружающими благодаря пониманию себя и других при постоянном видоизменении психических состояний, межличностных отношений и условий социальной среды» [3, с. 38].

Коммуникативная компетентность определяется Ю. М. Жуковым как «система внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективного коммуникативного действия в определённом круге ситуаций межличностного взаимодействия» [2, с. 66]. Ю. Н. Емельянов раскрывает понятие «коммуникативная компетентность» как «ситуативную адаптивность и свободное владение вербальными и невербальными средствами социального поведения» [1, с. 11]. Причём он различает профессиональную и общую коммуникативную компетентность

при общих генетических источниках формирования. Л. Д. Столяренко предлагает аналогичную характеристику: «Коммуникативная компетентность – способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми. Коммуникативная компетентность рассматривается как система внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективной коммуникации в определённом круге ситуаций межличностного взаимодействия» [5, с. 165]. В. Г. Паршуков под коммуникативной компетентностью понимает владение сложными коммуникативными навыками и умениями, формирование адекватных умений в новых социальных структурах, знание культурных норм и ограничений в общении. Он считает необходимым знание обычаев, традиций, этикета в сфере общения, соблюдение приличий, воспитанность, ориентацию в коммуникативных средствах, присущих национальному, словесному менталитету и выражающихся в рамках данного социального института (семья, трудовой или ученический коллектив, профессия, партия и др.) [4].

С позиций деятельностного подхода мы определяем коммуникативную компетентность как особое образование психики, являющееся одним из факторов успешной профессиональной деятельности специалистов социэкономической сферы. Она является условием эффективного достижения поставленных профессиональных целей, инструментом, определяющим использование оптимальных психо-логических средств для решения коммуникативных задач, возникающих в процессе выполнения профессиональной деятельности. Коммуникативная компетентность предполагает свободное владение практическими способами межличностного взаимодействия, способствующими успешному решению профессиональных задач.

Для изучения особенностей коммуникативной компетентности нами проводилось экспериментальное исследование среди специалистов социэкономического профиля, находящихся на стадии профессиональной переподготовки и получающих дополнительное образование по специальности «Психология» в ФБГОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва». Объём выборки составил 120 человек, средний возраст испытуемых – 25 лет.

Для исследования коммуникативной компетентности применялись следующие методы: тест коммуникативной компетент-

ности В. М. Снеткова, авторская анкета, опросник «Способность к саморазвитию» И. В. Зверевой, тест «Готовность к самопознанию и саморазвитию» Т. М. Шамовой, тест смысловых ориентаций Д. А. Леонтьева, опросник личностной ориентации А. Шострома.

Исследование уровня коммуникативной компетентности работников социэкономической сферы показало, что практически все испытуемые со стажем работы выше 5 лет обладают высоким уровнем коммуникативной компетентности (средний уровень 72), необходимым для успешного выполнения профессиональных задач. У лиц, профессиональный стаж которых составляет 2–3 года, выявлен средний уровень коммуникативной компетентности.

Изучение профессиональной мотивации специалистов позволило установить, что менее половины опрошенных испытывают удовлетворенность своей работой (42 %). Среди причин неудовлетворенности опрашиваемыми были названы: маленькая заработная плата (50 %), невозможность профессионального роста (14 %), отсутствие социальных гарантий (12 %). В качестве мотива получения дополнительного образования были названы потребность в саморазвитии (36 %), потребность в получении образования для дальнейшего трудоустройства (32 %), интерес к психологии (30 %), т. е. установлено, что одним из главных мотивов дополнительного профессионального образования специалистов социэкономической сферы является потребность в саморазвитии. Изучение жизненных и профессиональных целей, которые ставят перед собой испытуемые, показало, что 43 % опрашиваемых имеют цель получить высшее образование, 25 % – найти работу по специальности, 7 % – найти интересную работу, 7 % – создать семью, получить квартиру. Полученные результаты свидетельствуют о том, что среди главных ценностей и целей исследуемой выборки специалистов социэкономической сферы выделяются профессиональное самосовершенствование, самореализация, получение высшего образования.

По результатам теста смысловых ориентаций Д. А. Леонтьева у 34 % респондентов показатель осмысленности жизни выше среднего, у 39 % находится на среднем уровне. Уровень самоактуализации, определяемый по методике А. Шострома, у 21 % испытуемых оказался выше нормы, у 52 % – в пределах нормального.

Для определения взаимосвязей между выявленными профессиональными особенностями испытуемых был проведён корреляционный анализ. Его результаты показали, что существуют статистически значимые корреляционные связи между коммуникативной компетентностью и следующими факторами: уровнем осмысленности жизни ($r = 0,465$), показателями саморазвития ($r = 0,389$), готовностью к саморазвитию ($r = 0,331$) и уровнем самоактуализации ($r = 0,328$).

Выявленные взаимосвязи между уровнем осмысленности жизни и коммуникативной компетентностью можно объяснить тем, что у лиц с высоким уровнем коммуникативной компетентности, умеющих эффективно осуществлять профессиональное общение, ощущение осмысленности жизни выше, поскольку профессия во многом придаёт смысл и способствует осознанию ценности жизни у специалистов данной выборки. Коммуникативная компетентность также значимо связана с уровнем самоактуализации и саморазвития, поскольку для специалистов, мотивированных на самосовершенствование и самореализацию, характерно постоянное развитие коммуникативной компетентности в процессе профессиональной деятельности и межличностного общения.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что коммуникативная компетентность является практическим инструментом, позволяющим осуществлять эффективное профессиональное общение специалистов социоэкономической сферы. Она совершенствуется в ходе выполнения профессиональной деятельности, а также в процессе личностно-профессионального саморазвития и способствует повышению уровня осмысленности жизни, профессиональной самореализации и самоактуализации.

Библиографический список

1. Емельянов Ю. Н. Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности. – М. : Прогресс, 1995. – 226 с.
2. Жуков Ю. М. Диагностика и развитие компетентности в общении. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 104 с.
3. Коллектив. Личность. Общение : Словарь соц.-психол. понятий / под ред. Е. С. Кузьмина и В. С. Семенова. – М. : Прогресс, 1987. – 143 с.
4. Паршуков В. Г. Принципы формирования коммуникативной компетентности // Соврем. исслед. соц. проблем. – 2010. – № 4 (04). – С. 145–151.
5. Столяренко Л. Д. Основы психологии. – Ростов н/Д., 1997. – 568 с.

КОММУНИКАТИВНЫЕ СПОСОБЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОРАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Ж. Г. Гаранина

Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Республика Мордовия, Россия

Summary. This article observes the problem of communicative methods of professional self-development specialists socionomic sphere. Describes the results of experimental studies of communicative methods of self-development specialists in the process of obtaining additional professional education.

Key words: communicative method; professional self-development; communication; socionomic sphere.

Профессиональная деятельность специалистов социэкономической сферы предполагает высокий уровень развития коммуникативных умений и навыков, обеспечивающих успешность делового и межличностного взаимодействия. В связи с тем, что профессиональное общение протекает в постоянно меняющейся обстановке, у специалистов данной сферы возникает необходимость постоянного повышения уровня своего мастерства, развития и совершенствования имеющихся коммуникативных качеств. Процесс профессионального развития неразрывно связан с саморазвитием, поскольку предполагает влияние не только внешних факторов, но и внутренних усилий личности, направленных на самоизменение.

Мы рассматриваем профессиональное саморазвитие как целостный процесс самоизменения, осуществляющийся на протяжении всей профессиональной жизни человека, который сопровождается совершенствованием профессиональной структуры личности и достижением значимых профессиональных целей [1]. Профессиональное саморазвитие представляет сложную открытую систему, состоящую из совокупности взаимодействующих и взаимосвязанных между собой составляющих, которые образуют два контура регулирования: внутренний и внешний. Внутренний контур обеспечивает саморазвитие психических структур субъекта: мотивационных, когнитивных, аффективных и рефлексивных. Он обусловлен действием следующих факторов: мотивационно-смысловых образований, обеспечивающих актуализацию мотивов саморазвития, ценностей и смыслов самоизменения; развитием когнитивных структур психики: интеллекта, способностей, креативности; аффективных компонентов,

позволяющих субъекту оценивать происходящие внутренние изменения, а также рефлексивных структур, позволяющих осознать процесс и результаты саморазвития.

Внешний контур регулирования представляет собой практическую реализацию процесса саморазвития. Он ориентирован на достижение сознательно поставленных целей саморазвития с помощью практической деятельности, направленной на эффективное взаимодействие с окружающим миром и социальной средой, на самореализацию себя в жизни и профессиональной деятельности.

В связи с тем, что практическая реализация процесса саморазвития у специалистов социономической сферы осуществляется в профессиональной деятельности, связанной с общением, то одним из способов, обеспечивающих повышение профессионального уровня, является коммуникативное поведение, направленное на развитие и саморазвитие практических умений и навыков межличностного взаимодействия.

Для изучения особенностей профессионального саморазвития и способов его реализации мы проводили экспериментальное исследование среди специалистов социономического профиля, находящихся на стадии профессиональной переподготовки и получающих дополнительное образование по специальности «Психология» в ФБГОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва». Объём выборки составил 120 человек, средний возраст испытуемых – 25 лет. Нами использовались следующие методы: авторская анкета, опросник «Способность к саморазвитию» И. В. Зверевой, тест «Готовность к самопознанию и саморазвитию» Т. М. Шамовой, тест коммуникативной компетентности В. М. Снеткова.

Результаты исследования процесса саморазвития специалистов показали, что 93% испытуемых регулярно занимаются саморазвитием, на которое в среднем они затрачивают до 1 часа в день. Оценка показателей уровня саморазвития по методике И. В. Зверевой (средний уровень 37,7) позволяет сделать вывод о том, что у большинства испытуемых преобладает активное саморазвитие, которое происходит осознанно и целенаправленно. Причём готовность к самопознанию в среднем выражена сильнее (5,3), чем готовность к саморазвитию (4,4). Проведённый корреляционный анализ выявил значимые взаимосвязи (прир < 0,01) между уровнем саморазвития и готовностью к саморазвитию ($r = 0,44$).

Анализ полученных анкетных данных позволил выявить практические способы реализации процесса профессионального саморазвития. Среди наиболее часто упоминаемых способов выделяются гностические, к которым опрошенные относят чтение специальной литературы (62 %), получение дополнительного профессионального образования (27 %), а также конативные, среди которых респонденты называют посещение семинаров и тренингов (20 %), общение с другими людьми (30 %) и т. п.

Таким образом, коммуникативные способы профессионального саморазвития составляют конативную основу данного процесса и способствуют повышению профессионального уровня специалистов, совершенствованию практических коммуникативных умений и навыков в процессе общения с другими людьми.

Исследование уровня психологической компетентности работников социэкономической сферы показало, что практически у всех испытуемых выявлен высокий уровень коммуникативной компетентности (средний уровень 72), необходимый для успешного выполнения профессиональных задач.

Проведённый корреляционный анализ позволил установить статистически значимые взаимосвязи между уровнем коммуникативной компетентности показателями саморазвития ($r = 0,389$), а также между уровнем коммуникативной компетентности и готовностью к саморазвитию ($r = 0,331$). Полученные взаимосвязи можно объяснить тем, что для специалистов, мотивированных на самосовершенствование и саморазвитие, характерно постоянное повышение коммуникативной компетентности, которое осуществляется в процессе профессиональной деятельности и межличностного общения.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать выводы о том, что процесс профессионального саморазвития специалистов социэкономической сферы осуществляется на основе гностических способов, а также практических коммуникативных способов саморазвития, к числу которых относится общение с другими людьми, позволяющих постоянно повышать уровень своего профессионального мастерства и самосовершенствоваться.

Библиографический список

1. Гаранина Ж. Г. Личностно-профессиональное саморазвитие специалистов социэкономической сферы в процессе получения дополнительного профессионального образования // Интеграция образования. – № 1. – 2013. – С. 99–104.

К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ «ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК»

Н. В. Андропова
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, г. Саранск,
Республика Мордовия, Россия

Summary. In article approaches to a phenomenon of communicative competence are considered, the emphasis is placed on need of formation of this psychological property at experts of the socioeconomic sphere. The author presented results of empirical research of one of factors of development of communicative competence. The conclusion about importance of enrichment of an arsenal of interpersonal influences at representatives of the professions relating to the sphere «the person – the person» is drawn.

Key words: communication; communicative competence; experts; the sphere «the person – the person»; ways of interpersonal influence; the psychological recommendation; students.

Опираясь на мнение многих авторов, мы считаем, что одним из условий, обеспечивающих успешность выполнения профессиональных функций специалистами сферы «человек-человек», является развитая коммуникативная компетентность.

Коммуникативная компетентность предполагает адаптивность и свободу владения вербальными и невербальными средствами общения и может рассматриваться как категория, регулирующая систему отношений человека к самому себе, природному и социальному миру [4].

Ю. Н. Емельянов определяет её как уровень сформированности межличностного опыта, уровень обученности взаимодействиям с окружающими, которые требуются индивиду [2, с. 9]. Г. Д. Бабушкиным коммуникативная компетентность понимается как сложная личностная характеристика, включающая коммуникативные способности и умения, психологические знания, свойства личности (характера, темперамента), психические состояния, проявляющиеся в общении с людьми [1].

В. И. Кашницкий коммуникативную компетентность учителя представляет как многоуровневое интегративное качество личности (совокупность когнитивных, эмоциональных и поведенческих особенностей), опосредующее профессиональную педагогическую деятельность, направленную на установление, поддержание и развитие эффективных контактов с учащимися и другими участниками педагогического процесса. В её структуре

автор выделяет три уровня: базовый, содержательный, операционный. Базовый уровень включает в себя глубинные устойчивые личностные свойства, характеризующие коммуникативную направленность личности учителя. Содержательный уровень составляет совокупность разнообразных коммуникативных знаний, назначение которых – способствовать построению внутреннего плана (программы) коммуникативной деятельности с целью решения конкретных коммуникативных задач. Операционный уровень, представляющий собой систему коммуникативных навыков и умений, призван обеспечивать выполнение коммуникативных действий для успешной реализации намеченного плана [3].

На наш взгляд, возможной причиной сложности, возникающих в процессе субъектно-субъектного взаимодействия, является недостаточно большой запас известных партнёрам по общению вариантов поведения (способов межличностного воздействия).

На это отчасти указывают результаты беседы со студентами – будущими педагогами по поводу трудностей, которые они испытывали при разработке психологических рекомендаций, подходящих для той или иной конкретной педагогической ситуации. (Заметим, что под психологической рекомендацией мы понимаем представленный в речевой форме проект возможного, наиболее оптимального с точки зрения рекомендующего лица, межличностного воздействия, полученный в результате сложной мыслительной деятельности и разработанный в соответствии со строго определёнными условиями, к каковым, прежде всего, относятся различные индивидуально-психологические особенности человека, на которого будущее воздействие ориентировано.) Многие студенты, буквально «выжав» из себя 1–2 рекомендации, говорили, что бессильны предложить ещё что-либо, потому что не знают, как ещё можно поступить в данных обстоятельствах. В качестве примера приведём один характерный фрагмент. Студент для ситуации «Во время диктанта у одного из учеников кончилась паста, а у учителя нашлась только ручка с красными чернилами» подготовил только следующую рекомендацию: «Учитель должен обратиться к остальным учащимся с просьбой одолжить запасную ручку однокласснику». На вопрос, почему он на этом остановился, последовал категоричный ответ: «Потому что ничего больше учитель сделать не может». Особо подчеркнём, что этот студент (как, впрочем, и многие другие) даже не задумался о том, что не каждый ученик способен откликнуться на просьбу учителя, и к тому же по разным причинам. А ведь на

практике, если запасная ручка окажется только у жадного, эгоистичного, равнодушного к чужим проблемам ребёнка, то просьба учителя, скорее всего, останется безответной.

В ходе эмпирического исследования нами был выявлен репертуар способов межличностного воздействия, известный студентам, обучающимся педагогическим специальностям. В роли испытуемых выступали студенты Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева (всего 96 человек). Среди них было 68 представителей филологического факультета (3 группы) и 28 – факультета коррекционной педагогики (1 группа).

По инструкции испытуемые должны были перечислить все знакомые им способы межличностного воздействия. В целом таковых было названо 1497. Среднее число способов воздействия, указанных в списках студентов из разных групп, почти не отличается (сравните: 16,7, 16,3, 15,6). Исключение составляет третья группа «филологов», соответствующее значение в которой (13,3) ниже, чем в остальных группах на 2–3 единицы. Исходя из этого, вероятно, можно считать полученное среднее отражающим истинное положение вещей. Надо сказать, что его значение, равное 15,6, следует рассматривать как недостаточно высокое для будущих педагогов. Так, например, в классификации Э. Ш. Натанзон [5] содержится 30 приёмов педагогического воздействия, что почти в 2 раза больше, чем в среднем у студентов. А ведь на самом деле численность вариантов поведения, которые можно использовать в процессе межличностного взаимодействия, ещё выше. К сказанному добавим, что максимальное число возможных вариантов поведения составило 27 и было названо только одной студенткой, а минимальное – 5 – предлагалось четырьмя испытуемыми.

Анализ показателей «видового» диапазона перечисленных испытуемыми способов воздействия выявил, что наибольшим он оказался в первой группе «филологов» (148 различных наименований), а минимальным (73 вида) – в третьей. Промежуточное положение по этим же показателям занимают две другие группы. В список названий приёмов воздействия, встретившихся хотя бы один раз, входят 124 таковых во второй группе «филологов» и 90 – у «корпедогогов». Как видно, в плане разнообразия репертуара вариантов поведения групповые значения оказались не столь равномерными.

Далее остановимся на содержательной стороне представленных испытуемыми перечней возможных воздействий. Заметим, что в каждой студенческой группе нами были выделены совокупности «популярных» (с числом повторов свыше 6 раз) приёмов

воздействия. Наибольшей по численности такая совокупность оказалась в первой группе «филологов». Она включает 18 наименований. Всего на одну единицу меньше «популярных» способов воздействия у «корпедагогов». Во второй группе «филологов» свыше 6 раз упоминалось 12 вариантов поведения, а в третьей – только 4. Общее количество часто употребляемых названий приёмов воздействия – 36. Очень важно, на наш взгляд, обратить внимание на то, какие именно воздействия образуют «популярный» репертуар. Анализ показал, что в него входят как вербальные (просьба, наставление и др.), так и невербальные (жест, мимика и др.) способы межличностного воздействия. Наряду с общепризнанными приёмами, используемыми в психолого-педагогической литературе (вопрос, проявление любви и др.), здесь встречаются иные термины (обида, назидание и др.). В предложенных испытуемыми списках достаточно часто встречались слова, не обозначающие приёмы межличностного воздействия (например, «анкетирование» и «тестирование» – названия методов психологического исследования, или «дружба» – термин, соотносимый с одной из форм межличностных отношений). Особо следует указать на способы воздействия, носящие «криминальный» характер (убийство, шантаж и др.). Принимая во внимание эти данные, можно сказать, что с точки зрения содержания в имеющемся у испытуемых арсенале способов межличностного воздействия есть определённые изъяны. Полагаем, во многом они возникли из-за не совсем верного представления о том, что относится к способам межличностного воздействия.

Описанные результаты указывают на то, что репертуар способов межличностного воздействия у студентов, являющихся будущими педагогами, специалистами сферы «человек – человек», довольно ограниченный.

С целью определить, влияет ли каким-либо образом объём арсенала вариантов поведения, которым располагают испытуемые, на процесс разработки психологических рекомендаций, мы путём нахождения коэффициента ранговой корреляции выявили характер связи между индивидуальными показателями количества способов межличностного воздействия и психологических рекомендаций для каждой студенческой группы отдельно. Все полученные значения коэффициентов корреляции ($R_s = 0,6065$; $R_s = 0,6997$; $R_s = 0,6591$; $R_s = 0,7575$) оказались значимыми. Причём, в первой и третьей группах «филологов» они значимы на уровне 0,99, а в двух других группах – даже на более высоком

уровне. Это говорит о том, что между количеством известных субъекту способов межличностного воздействия и количеством подготовленных им психологических рекомендаций существует статистически достоверная связь.

Следовательно, можно полагать, что расширение и углубление знаний о приёмах межличностного воздействия приведёт к повышению продуктивности процесса разработки психологических рекомендаций и усилит коммуникативный потенциал личности.

Библиографический список

1. Бабушкин Г. Д. Коммуникативная компетентность в управленческой деятельности // Экспериментальная прикладная психология. – Омск, 1994. – № 1. – С. 7–13.
2. Емельянов Ю. Н. Активное социально-психологическое обучение. – Л. : Изд-во Лен. ун-та, 1985. – 167 с.
3. Кашницкий В. И. Формирование коммуникативной компетентности будущего учителя : дис. ... канд. пед. наук. – Кострома, 1995. – 197 с.
4. Мучински П. Психология, профессия, карьера. – СПб. : Питер, 2004. – 539 с.
5. Натанзон Э. Ш. Приемы педагогического воздействия. – М. : Просвещение, 1972. – 215 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПСИХОЛОГА В ПРОЦЕССЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С КЛИЕНТОМ

Л. Б. Слугина
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Мордовия, Россия

Summary. In article major factors of professional communicative behavior of the psychologist and their manifestation in the course of work with the client are considered. The contact characteristic between the psychologist and the client as instrument of the psychological influence, capable to lead to positive changes in feelings, the relations and behavior of the patient is given.

Key words: communication; psychologist; client; requirements; emotional support; empathy; understanding; contact.

Коммуникативное поведение определяется как совокупность норм и традиций общения в определённом лингво-культурном сообществе. Применительно к сфере профессиональной коммуникации психолога и процессу его взаимодействия

с клиентом – это означает учёт основных факторов лечебного действия психологической работы: эмоциональной, познавательной (когнитивной) и поведенческой сферами функционирования человека.

Все психологические и психотерапевтические направления подчёркивают значение контакта между психологом и клиентом не только для создания оптимальных условий работы, но и как инструмента психологического влияния, способного приводить к позитивным переменам в чувствах, отношениях и поведении пациента.

Психологический контакт содержит следующие лечебные компоненты: удовлетворение ожиданий и потребностей, выслушивание (отреагирование или «вентиляция» эмоционального напряжения), эмоциональная поддержка, обратная связь при раскрытии своих мыслей, переживаний и поведения. Важнейшей задачей психолога при этом является создание устойчивых доверительных отношений с больным.

Взаимопонимание между психологом и клиентом, необходимое для оптимального психотерапевтического контакта, достигается обоюдными вербальными и невербальными средствами коммуникации. Невербальное поведение психолога (мимика, жесты, интонации) нередко оказывается для клиента более значимым, чем его высказывания. Для понимания невербального поведения важен учёт таких его признаков, как дистанция между собеседниками, степень контакта взглядом и др.

Тёплое, эмпатическое отношение психотерапевта к пациенту выражается короткой дистанцией между ними, прямым контактом взглядов, улыбкой, обращённостью позы к клиенту, свободным и ненапряжённым положением рук, доброжелательными и уверенными интонациями голоса и др.

Сдержанное, эмоционально нейтральное, а иногда и «холодное» отношение психолога к клиенту проявляется в направлении взгляда в сторону, в небрежности позы, наличии «преграды» (стола) между ними, отсутствии улыбки, скованности в положении тела и рук (барабанит пальцами по столу), в невыразительных и официальных интонациях голоса и др.

Аналогичные признаки невербального поведения отмечают у клиента при его положительном или отрицательном отношении к психологу. При хорошем психотерапевтическом контакте клиент в невербальной связи стремится к синхронности:

телодвижения, положение рук, кивки головой, движения век, дыхание и проч. координируются со звуками и содержанием речи психолога. Продолжительность, темп и громкость речи, частоту пауз он также синхронизирует с вербальным поведением психолога. Невербальный аккомпанемент их открытого словесного выражения, эмоционального отношения друг к другу нейтрализует, подчёркивает их или производит противоположное воздействие.

Основной метод получения (и обмена) информации, источник и способ познания и осознания психологических явлений на основе вербального (словесного) общения между психологом и клиентом – беседа. Последняя в соответствии с поставленными задачами выполняет различные функции: коммуникативную, диагностическую, информативную и лечебную. Она может быть по содержанию свободной (по типу исповеди) и структурированной конкретными задачами. Психологическая беседа имеет ряд стадий: установление контакта, сбор анамнестических сведений и диагностика, определение динамики проявлений симптома в процессе лечения, психологические воздействия, оценка успешности хода работы и итог поставленных и решенных в беседе задач. Уже во время первой беседы важны полное эмоционально положительное принятие клиента, внимательное и терпеливое вслушивание во всё то, что он говорит. Эмпатический подход позволяет клиенту почувствовать себя свободнее, у него появляется доверие и ощущение того, что он понят; клиент более непринуждённо высказывает свои переживания, сомнения и мысли, не боится критики и осуждения.

В гуманистическом подходе психолог во взаимоотношениях с клиентом должен быть искренним, подлинным (аутентичным), стремится сохранять безусловную положительную позицию по отношению к клиенту, принимая (акцептируя) его с уважением как личность, включающую отдельные слабости и недостатки.

Конечно, это идеальная модель поведения специалиста. В действительности чаще наблюдается лишь приближение к ней. Большое значение придаётся более полному выражению чувств психолога в лечебном процессе как фактору, усиливающему его эффективность. Повышение личностной включённости в процесс взаимодействия с клиентом составляет важную задачу психолога.

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

М. Р. Данилова

Северо-Восточный федеральный университет,
г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

Summary. This article examines the communicative aspect of pedagogical communication. Speech Communication and teacher to work with children. Learn important communication skills teacher.

Key words: communication; communication; speech; pedagogical communication.

Грамотная, богатая, правильная речь – это залог успешной коммуникации, поскольку хороший оратор обладает способностью влиять на людей. К сожалению, существует мало людей, являющихся «прирождёнными» ораторами, этому искусству необходимо учиться.

Коммуникативную сторону общения изучали А. Н. Леонтьев (смысловые детерминанты), Л. С. Выготский (знаковые системы), А. А. Леонтьев (психолингвистика), В. Ф. Петренко (психосемантика) и другие.

Понятие «коммуникация» имеет узкий и широкий смысл. В широком смысле понятия «коммуникация» и «общение» отождествляются. И тогда имеются в виду вся сфера взаимоотношений людей друг с другом, умение налаживать контакты, грамотно поддерживать их, корректно их завершать и т. д. В узком смысле под термином «коммуникация» подразумевается аспект передачи и принятия информации. В этом смысле в данной сфере рассматриваются вербальные (речевой) и невербальный (неречевой) аспекты общения.

Задачи вербальной коммуникации в педагогическом общении включают:

- лекторское мастерство педагога;
- обучение школьников основам культуры и искусства речи;
- субъект-субъектные отношения в педагогическом общении.

Невербальная коммуникация изучалась Е. А. Петровой (жесты в педагогическом процессе), П. М. Ершовой (технология актёрского искусства), И. Н. Гореловым, В. Ф. Енгальчевым (жестовая речь) и другими. К данным средствам общения относятся перечисленные ниже:

1. Паралингвистические (качество голоса, тембр, громкость, высота).
2. Экстралингвистические (паузы, смех, плач, вздохи, кашель).
3. Ольфакторные (приятные и неприятные, естественные и искусственные запахи).

4. Визуальные (направление, долгота взгляда, мимика).
5. Кинетика (движения рук, ног, туловища, походка).
6. Проксемика (пространственная и временная организация общения).

Важным аспектом хорошего общения является отсутствие коммуникативных барьеров, таких как герменевтический (не понимание смысла сказанного), артикуляционный (дефект речи), сленговый (жаргон), стилистический (единый стиль общения).

Значительная роль общения в педагогической деятельности – в работе воспитателя, учителя, педагога, естественно, требует профессионального управления своей коммуникативной деятельностью. Наиболее важные коммуникативные умения педагога это:

- умения общаться на людях;
- умения через верно созданную систему общения организовывать совместную с учащимися творческую деятельность;
- умения целенаправленно организовывать общение и управлять им.

Также существуют немаловажные компоненты: умение организовывать приспособления в общении, умение устанавливать психологический контакт, завоёвывать инициативу в общении и т. п. Такой комплекс сложных коммуникативных умений учитель может выработать только при наличии определённых коммуникативных способностей. Подробно проблемы коммуникативных способностей педагога рассмотрены в книге Н. В. Кузьминой.

Основным компонентом коммуникативных способностей является общительность в различных её проявлениях. В педагогической деятельности общительность представляется не только как личностное, но, главным образом, как профессионально-личностное качество человека-педагога.

Завершая статью о коммуникативной стороне общения, уместно будет вспомнить слова Ю. М. Лотмана о том, что интеллигентный человек тот, кто разговаривает с каждым на понятном ему языке. Для педагога важно не только быть понятым, но и давать ученикам возможность видеть горизонт, т. е. образцы того, куда можно идти, чему научиться, чего достичь в области информационных обменов.

Библиографический список

1. Малахова В. А. и др. Педагогическое общение как процесс решения коммуникативных задач. – М., 1980.
2. Леонтьев А. А. Педагогическое общение. – Нальчик, 1996.
3. Психология педагогического общения: методические разработки для преподавателей и студентов. – Саратов, 1980.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ В МУЗЫКАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ И САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ МУЗЫКИ

С. Б. Стефаненко
Самарский социально-педагогический колледж,
г. Самара, Россия

Summary. Teaching can be considerably enhanced by the use of modern technical aids, namely, they can help the teacher to get the students involved into various activities in class and also let the students socialize. Moreover, if used properly, technical aids will bring in creativity to your class.

Key words: technical aids; music teacher.

В связи с глобальными изменениями в системе образования, направленными на подготовку специалиста, умеющего самостоятельно приобретать необходимые знания, творчески мыслить, грамотно работать с информацией, добывать знания из разных источников: СМИ, Интернета, внеурочной деятельности, большое значение имеет формирование тех ключевых профессиональных компетенций, то есть тех умений и навыков, которые могут быть использованы в будущей практической деятельности учителя музыки, музыкального руководителя. Чтобы достичь нового современного качества образования, возможного в атмосфере творческого созидания, поиска новых эффективных действенных приёмов в подготовке специалиста, надо на основе новых ФГОС, инновационных подходов в преподавании использовать современные образовательные технологии, включая информационно-коммуникационные.

Организация познавательной, учебно-исследовательской, проектной, творческой деятельности студентов связаны с самоорганизацией и самооценкой обучающихся. Большое значение имеет развитие навыков самостоятельной работы, потребность к самообразованию, самопознанию.

В совершенствовании образовательного процесса значительное место занимают современные технические средства обучения (ТСО). Их применение позволяет существенно активизировать процесс обучения, обновить методы работы, решать более сложные учебные задачи. Немаловажную роль ТСО играют в музыкально-теоретической подготовке будущего учителя музыки, так как умелое обращение с техникой, творческая направленность занятий помогают студенту полнее реализовать себя, легче адаптироваться в социальной среде. Поэтому знание и овладение

ТСО должно рассматриваться как обязательный компонент профессиональной подготовки учителя музыки.

В Самарском социально-педагогическом колледже занятия *гармонии, сольфеджио, элементарной теории музыки* проводятся в современном кабинете музыкально-теоретических дисциплин, оснащённом сложным техническим комплексом, в состав которого входят 9 клавишных электронно-музыкальных инструментов (ЭМИ), имитирующих звучание фортепиано, других инструментов, оркестра, а также клавишный синтезатор «YAMAHA» (с компьютерной «начинкой»), электронная фортепианная клавиатура, видео- и аудиотехника. На занятиях используются современные образовательные технологии (СОТ), в том числе, информационные. Наличие в кабинете компьютера с его огромными возможностями способствует повышению качества подготовки специалиста.

Иначе, это кабинет ЭМИ, предназначенный не только для преподавания вышеперечисленных дисциплин, самоподготовки и индивидуального тренинга по этим дисциплинам, но и для разучивания музыкального материала по музыкальной литературе, анализу музыкальных произведений, дирижированию, чтению хоровых партитур, аранжировке, хору, вокалу, аккомпанементу.

Цель данного кабинета – разрушить представление о гармонии, сольфеджио и ЭТМ как предметах только теоретических и вернуть этим дисциплинам практическую значимость. А для этого необходимы творческая направленность занятий, их эмоциональная наполненность.

Каждый студент в подгруппе обеспечен индивидуальным электронным инструментом, звучание которого можно контролировать через наушники. Это позволяет ему освоить все изучаемые элементы музыкальной речи.

Появление электронных музыкальных инструментов расширило возможности использования технических средств обучения (ТСО). Находящийся в кабинете многоголосный клавишный синтезатор «YAMAHA» совмещает в себе музыкальный инструмент и специализированный компьютер. Он имеет множество функций, связанных: с выбором ритма, тембра, стиля; созданием автоаккомпанемента; транспонированием; регистрацией памяти синтезатора, позволяющей записать собственную композицию, различные варианты импровизаций и аранжировок музыкальных произведений и др. Умелое применение этого многофункционального инструмента способствует развитию слуха, музыкальной памяти, активизации творческого потенциала.

Особенно это касается такого предмета как гармония, в курсе которой выполняются разнообразные задания для самостоятельной работы, исполненные затем на синтезаторе или других ЭМИ. На занятиях гармонии предлагаются такие творческие задания с использованием ЭМИ, как:

1) сочинение детских песен и пьес в простых формах в разных жанрах бытовой музыки (марш, вальс, полька и другие жанры);

2) сочинение мелодий на заданную эстрадную цифровку (современное буквенно-цифровое обозначение аккордов);

3) гармонизация русских народных песен и мелодий из школьного и дошкольного репертуара в фактуре мелодии с аккомпанементом с использованием гармонических фигураций разных типов;

4) гармонизация мелодий из песенного фольклора **Самарской области** и коренных **народов Поволжья** (русских, татарских, чувашских, мордовских по выбору) в свободной фактуре (напр., русские народные песни «Жигули», «Ах, Самара-городок», татарские «Ай был былым» – «Соловей мой», «Апипа» или чувашские «Кай, кай Ивана», «Кукушка»);

5) переложения или аранжировки музыкальных произведений.

В этих заданиях прослеживается межпредметная связь с пед-практикой, сольфеджио, народным творчеством. Ведь именно фольклор способствует формированию чувства любви к народной музыке, воспитанию патриотизма.

Такие виды работ формируют у студентов осознание гармонии как важного средства музыкальной выразительности, способствуют овладению логикой музыкального мышления, развивают творческие способности обучающихся. Именно это направление, связанное с творчеством, студентам ближе всего, так как оно выявляет практическую значимость гармонии как предмета.

Творческий поиск с использованием ЭМИ продолжается на занятиях по сольфеджио. Это:

1) подбор аккомпанемента к примеру (номеру) по сольфеджированию;

2) сочинение второго голоса к одноголосному диктанту;

3) до сочинение второго предложения диктанта по принципу «вопрос-ответ»;

4) интонирование гармонической последовательности в определённом метроритме, сочинение мелодии к данной гармонической основе;

5) другие творческие задания.

Музыкальный педагог-сольфеджист Г. И. Шатковский в одной из своих работ подчёркивает важность становления каждого ребёнка как личности, отмечая, что композицией могут заниматься все дети аналогично тому, как все школьники пишут сочинения по литературе.

Один из используемых видов работ – гармоническое сольфеджио, в основе которого лежит художественный материал. Например, в преддверии Дня Победы студенты познакомились с песней А. Новикова и Л. Ошанина «Дороги» – одной из любимых песен маршала Г. В. Жукова, в которой переданы воспоминания о тяжёлых фронтовых дорогах. При работе над ней:

- 1) анализируется гармонический план произведения;
- 2) фортепианная фактура перекладывается в хоральную, аккордовую;
- 3) данная гармоническая основа, выполняющая роль хорового аккомпанемента с подголосками, исполняется семиголосным ансамблем (с солистом);
- 4) затем подключаются другие студенты в роли концертмейстера и дирижёра.

Подобные формы работ используются на занятиях ЭТМ. Так, при изучении различных элементов музыкальной речи (например, темы «Метроритм») студентам предлагаются задания в виде сочинения мелодий или инструментальных миниатюр в песенно-танцевальных жанрах с последующим исполнением на синтезаторе.

Все перечисленные виды деятельности на занятиях музыкально-теоретических дисциплин раскрепощают студента, вырабатывают самостоятельность мышления, способствуют установлению связи с педпрактикой.

Студент может выполнять определённые задания вместе с сокурсником на двух ЭМИ: один студент исполняет мелодию собственного сочинения, другой – партию аккомпанемента. На уроках возможны варианты ансамблевого участия (трио, квартет и т. д.), так как возможности ЭМИ не ограничены: они могут имитировать голоса струнных и духовых инструментов и даже звучание целого оркестра.

Оптимизации учебного процесса способствует использование на уроках электронной клавиатуры, представляющей собой большую модель фортепианной клавиатуры, размещённой над классной доской. Каждая клавиша ЭМИ преподавателя при нажатии освещается электрической лампочкой на панели. Студенты не только слышат, но и видят на табло каждый сыгранный звук. Они могут повторить на своих ЭМИ или синтезаторе всё, что демонстрировалось в процессе занятия.

Синтезатор с успехом можно использовать не только на занятиях музыкально-теоретических дисциплин, но и на уроках музыки в школе. Он помогает познакомить детей с множеством инструментов и их тембровым звучанием (можно предложить игру «Угадай инструмент») или показать метроритмические особенности музыки разных народов и стран. Наличие звуковых эффектов – ветра, птиц, моря и др. – усиливает интерес школьников к этому инструменту. Ребята могут проявить себя творчески, самостоятельно записав собственную композицию.

На занятиях музыкальной литературы, анализа музыкальных произведений ТСО – аудио- и видеотехника – используются как средства иллюстративности. Прослушивание записей на компакт-дисках и просмотр музыкальных видеофильмов повышают эффективность лекций и практических занятий по этим предметам.

Применение ТСО оказывает воспитательное воздействие на всех, кто вовлечён в работу с ними, так как:

- 1) повышается профессиональная значимость музыкально-теоретических дисциплин;
- 2) у студентов формируются навыки самостоятельной работы;
- 3) ТСО стимулируют творческую инициативу будущих педагогов-музыкантов, необходимую для работы в детских образовательных учреждениях.

В последние десятилетия на первый план выступает компьютерная техника. Введение компьютера с его огромными техническими возможностями в музыкально-педагогическую практику способствует повышению качества подготовки молодого специалиста, совершенствованию образовательного процесса.

ДИЗАЙН СЛАЙДОВ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ

Е. И. Маркова, И. Д. Маркова

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия**

Summary. The present article is discussing the expressiveness of slides and their design during presentation. There are a few recommendations on how to use more efficiently the available features of Power Point and general psychological patterns of perception of the text.

Key words: presentation; design of slides; Power Point.

В жёсткой конкуренции идей и проектов выигрывают интересно и эстетично «упакованные». При дизайне слайдов следует

учитывать важную закономерность: чем эстетически привлекательнее что-либо выглядит, тем оно понятнее. Например, что вы предпочтёте при выборе техники – серебристо-стеклянное чудо инженерной мысли с интуитивно понятным меню или надёжного монстра времён перестройки с кучей ручек и инструкцией на шестидесяти листах?

Вот те принципы, которые позволят создать идеальные слайды: чёткость, контрастность, согласованность, лаконичность, минимализм. Представьте, что вы платите за каждый элемент на слайде. Что бы вы тогда оставили?

Создать такие слайды можно, придерживаясь следующих советов. Во-первых, логотип компании на каждом слайде занимает слишком много драгоценного места и отвлекает внимание. Достаточно разместить его на титульном листе, а дальше вместо логотипа можно использовать его цветовую палитру и шрифт, причём главным цветом будет доминантный цвет логотипа. Используйте в оформлении мало цветов, один яркий цвет – для главного, нейтральные цвета – для остального.

Кроме того, в слайдах должны быть контраст и динамика [2]. Всегда интереснее смотреть на противостояние, сравнивать, проводить параллели. Перечисление фактов и статика никому не интересны. Графики и таблицы, явно демонстрирующие перемены, будут удачным ходом.

Важно учитывать, что люди обычно не способны сосредоточиться более чем на четырёх предметах одновременно [1], а значит, в презентации должно быть не более четырёх частей, максимум четыре пункта в списке или картинки на слайде. При этом у презентации должно быть одно главное послание, каждый слайд должен содержать только одну мысль.

Проследите за тем, чтобы название слайда, таблицы или графика констатировало основную мысль. Это кажется очевидным, однако часто встречаются такие названия графиков, как «Динамика поступлений в государственный бюджет». Попробуйте переименовать график следующим образом: «Поступления в бюджет выросли в два раза», и вы увидите, насколько понятнее сразу станет слайд.

Для основного текста выбирайте максимально читаемый шрифт (Arial, Times New Roman). Менее читабельный, контрастный шрифт (Monotype Corsiva) можно использовать для выделения, так как он заставит остановить внимание. Не забывайте, что строчные буквы читаются легче прописных. Шрифт должен

соответствовать общему стилю. Важно учитывать, что скруглённые шрифты воспринимаются как мягкие, геометричные – как холодные, толстые – как тяжёлые и уверенные, и так далее. Шрифт должен быть достаточно большой, такой, чтобы «последний ряд зрителей» легко мог прочитать его.

И ещё несколько деталей: если в списке четыре пункта или меньше, то можно обойтись без маркеров – так он будет смотреться гораздо лучше. Следует учитывать пропорции, так как размер показывает важность информации. Выравнивание по ширине обычно плохо смотрится. Лучше не пользоваться оформлением с дополнительными рамками – они съедают ценное пространство.

Важно соблюдать единство: фон и стиль должны соответствовать теме выступления. Например, гармоничное сочетание: фон как состаренная бумага, жёлто-коричневая цветовая гамма, моноширинный машинописный шрифт и эффект анимации «пишущая машинка». Шрифт Calibri или буквы с тенью выглядели бы тут нелепо. Или, если дизайн слайдов футуристический, то это будет мир из стекла и металла: фон может быть прозрачным, или с серебристым оттенком, неоновые буквы могут парить в воздухе или быть трёхмерными, они могут исчезать, стекать или преобразовываться. Одним словом, представьте, что вы создаёте мир, и подумайте, какие законы в нем действуют.

Алексей Каптерев, автор книги «Мастерство презентации», суммируя свой обширный опыт, сказал: «Цель дизайнера не в том, чтобы сделать слайды красивее. Основное предназначение дизайнера – передать смысл, сделать слайды понятными, навести в них порядок и придать коммуникации определённое направление. Второе его предназначение – вызывать подходящие эмоции. Совершенствуя информационную эстетику, вы делаете своё послание более доступным для аудитории» [3, с. 234].

Библиографический список

1. Дуарте Н. Resonate. Захвати аудиторию своей яркой историей; пер. с англ. Е. Смирновой. – М. : Манн, Иванов и Фербер, Эксмо, 2012. – 288 с.
2. Желязны Д. Говори на языке диаграмм / пер. с англ. А. Мучника. – М. : Институт комплексных стратегических исследований, 2004. – 220 с.
3. Каптерев А. Мастерство презентации / пер. с англ. С. Кировой. – М. : Манн, Иванов и Фербер, Эксмо, 2012. – 336 с.

ДИЗАЙН КАК ИНСТРУМЕНТ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А. Г. Епифанова

Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск, Россия

Summary. The author considers the design as a tool for non-verbal communication, which allows an individual to reflect the culture and communicative experience of society, by way of as a visual means of communication.

Key words: design; nonverbal communication; design elements; design techniques for creating image; composition and graphic design techniques for creating image; technique to identify important plot-composite design center in the image.

Дизайн как органичный элемент процесса глобализации достаточно чутко улавливает особенности межличностных отношений. «В стремлении адаптировать экспансию новых, мало известных объектов и удержать традиционные, дизайн, внутренне изменяясь, порождает к жизни всё новые модифицированные формы, манифестируя ценностно-значимые для общества культурные образцы и нормы, создавая эклектичные ремейки традиционных форм «в новой упаковке»» [3].

Как вид деятельности, формирующий образное восприятие в человеческом сознании, дизайн начала XXI века воплощает в жизнь роль невербального коммуникатора, имеющего возможность влиять на коммуникативное поведение общества. Т. е. дизайн сегодня – это «комплексная междисциплинарная проектно-художественная деятельность, направленная на формирование на промышленной основе предметного мира человека во всех без исключения сферах жизнедеятельности» [2, с. 1058].

Современный дизайнер, пройдя пять уровней человеческого творчества, акцентирует внимание на игнорировании традиций формообразования объектов в пользу новаторства, подкреплённого конструктивной рациональностью. Смещение акцента с проектирования эстетически организованной формы практически полезных объектов массового производства на производство смылосодержащих штучных объектов в дизайн-практике позволило продуцировать пережитое впечатление субъекта в невербальную коммуникацию.

В связи с этим дизайн как инструмент невербальной коммуникации позволяет отразить индивидуальную культуру и коммуникативный опыт общества посредством образа как визуального средства коммуникации. Т. е. образ в его культурно-ценностном

значении выступает как наглядно-понятный, созданный по канонам носитель невербальной коммуникации.

Сконструировать образ – это значит сгруппировать в единую композицию элементы дизайна, композиционно-графические приёмы создания дизайн-образа, приёмы выделения сюжетно-важного композиционного центра в дизайн-образе и т. д.

Следует отметить, что наше восприятие образа тяготеет к объединению и выстраиванию отдельных элементов в единое целое, где всё геометрическое, иницирующее устойчивые ощущения, поддающиеся описанию и классификации, эмоционально окрашено. М. Я. Гинзбург пишет, что «... различные элементы формы (линии, плоскости, объём) сами по себе, а в особенности различным своим взаимоотношением порождают в нас эмоции удовольствия и неудовольствия точно так же, как тот или иной цвет и звук» [1].

Таким образом, уже на этапе разработки идеи современному дизайнеру необходимо учитывать «эффект коммуникации», в котором участвуют и дизайнер, и тот, кому адресовано его послание.

Библиографический список

1. Гинзбург М. Я. Стиль и эпоха. – М. : Искусство, 1924. – 238 с.
2. Жиркова Н. М. Новые подходы в развитии дизайна // Вестник ТГУ. Т. 18, вып. 3. – 2013. – С. 1057–1059.
3. Чижиков В. В. Дизайн в системе культурных ценностей // Диссертация по ВАК 24.00.01. – М., 2006. – 382 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БАНКОВСКОЙ РЕКЛАМЫ КАК ФОРМЫ КОММУНИКАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

Р. Ф. Ибрагимова

**Набережночелнинский институт филиал Казанского
(Приволжского) федерального университета,
г. Набережные Челны, Республика Татарстан, Россия**

Summary. This article is devoted to the specifics of banking advertising in Russia. Also analyzed the types of banking advertising and techniques that are used in this form of advertising. In addition, there are samples of advertising banks of Russia.

Key words: banking advertising; traditional banking advertising; innovative banking advertising.

Финансово-банковский бизнес относится к сложному виду услуг. Репутация для компаний финансового сектора, в частности банка, является важным фактором успешного развития бизнеса.

Достаточно динамичное развитие рынка банковских услуг предполагает обострение конкуренции и серьёзную борьбу за клиентов, что приводит к усилению проводимых рекламных кампаний. А. В. Мокров считает, что «банкинг-рекламой в широком смысле является целенаправленное информационное воздействие, в процессе которого потенциальные клиенты получают информацию о наборе предоставляемых услуг, а также происходит формирование имиджа и поддерживается репутация банка, создаются расположение и сотрудничество между самим банком и клиентами» [2].

В ходе исследований современной российской банковской рекламы выделяются две основные рекламные стратегии, различающиеся по своему содержанию и характеру воздействия на целевую аудиторию. В статье «Современная банковская реклама в России» А. В. Мокров условно разделяет их на «традиционную» и «новаторскую» [2].

Основным принципом, на котором базируется рекламная кампания банка, является осознание того, что деньги – это, прежде всего, доверие. Специалисты в сфере банкинг-рекламы утверждают, что человек никогда не обратится в неизвестный ему банк. Большую роль играет получение достоверной и краткой информации, после которого клиент сможет выбрать для себя наиболее подходящий вариант. Таким образом, благополучное существование и развитие банка зависит от степени доверия клиентов, а значит, основывается на имидже и репутации.

Современные европейские банки ставят перед собой конкретные цели, такие как получение прибыли и привлечение клиентов, поэтому их реклама точна и минималистична. Если рассматривать российские банки, то, несмотря на одинаковые цели, их реклама имеет существенные отличия. Различные обещания и гарантии, большое количество текста, а также однообразная композиция рекламы не внушают доверия потенциальному потребителю. Всё больше здесь будет иметь значение информация, полученная друг от друга. Исходя из мнения, что имидж и репутация являются основным показателем успешности, специалисты в сфере банковской рекламы традиционно делают ставку на стабильность организации, поэтому и рекламе здесь присущ консерватизм. Типичным примером, демонстрирующий традиционную рекламу, можно назвать Сбербанк, а также банк «Александровский». Ключевые фразы «170 лет всегда рядом», «Основан в 1841 году», «20 лет на страже Ваших интересов» служат вариантом, обращающим внимание не только на длительность существования организации, но и на стабильное и устойчивое положение на рынке банковских услуг.

Слова из категории «гарантии», «стабильность» также относятся к традиционному типу рекламной стратегии. Они могут использоваться многократно, но эффект от частого их использования будет терять свою весомость, так как возможно восприятие потребителем данных характеристик как стереотипов.

Однако, согласно многим исследованиям, человеку труднее запомнить различные цифры, чем имена или же предметы. Если человек может представить себе любой предмет и даже описать его, то в случае с цифрами это носит абстрактный характер, и поэтому связать число с каким-либо образом достаточно тяжело. Следовательно, использование цифр в слоганах рекламных публикаций не даёт гарантий на эффективный результат.

«Новаторская» реклама банковских услуг заключается в том, что акцент в рекламном сообщении делается на современные банковские технологии и динамическое развитие. Данный подход активно эксплуатируется так называемыми «банками нового поколения», в число которых входят «Банк развития технологий», банк «Возрождение», «Банк Высоких технологий». На сегодняшний день потребителю не столь важно насколько тот или иной банк стабилен и надёжен, сколько иметь возможность в реальном времени получить ответ на интересующий его вопрос, а также решить имеющуюся проблему через сеть Интернет. Поэтому быстрота обслуживания и оперативное предоставление необходимых услуг становятся главной функцией деятельности банка, следовательно, рекламные объявления должны соответствовать указанным целям.

Таким образом, на данный период времени традиционная реклама занимает основную позицию в рекламной деятельности российских банков, однако роль новаторской рекламы также немаловажна. Основными характеристиками, которыми апеллирует банкинг-реклама, являются стабильность, надёжность, качество. Рекламные отделы активно занимаются формированием имиджа финансовых учреждений и созданием среды, благоприятной для профессиональной деятельности банка.

Библиографический список

1. Лебедев-Любимов А. Н. Психология рекламы. – СПб. : Питер, 2003.
2. Мокров А. В. Современная банковская реклама в России // Гильдия маркетологов. URL: <http://www.marketologi.ru/publikatsii/stati/sovremennaja-bankovskaja-reklama-v-rossii/> (дата обращения: 23.10.2013).
3. Нилов К. С. Управление продажами // Маркетинг & Мониторинг. URL: <http://www.cityexclusive.ru/books/nilov-ks/testimonial-advertising-s.html> (дата обращения: 20.10.2013).

III. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА КАК СРЕДСТВА И ПРОЯВЛЕНИЯ КОММУНИКАЦИИ

КАТЕГОРИЧНОЕ РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ: УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Л. В. Топка

Иркутский государственный лингвистический
университет, г. Иркутск, Россия

Summary: The paper focuses on the comparative analysis of linguistic means of expression of categorical speech behaviour in the Modern English and Russian languages in order to investigate universal and ethnospecific units of its representation.

Key words: speech behaviour; emotions; feelings; categoricity; certainty; categorical statement.

Национальный характер и отличительные свойства мышления находят своё отражение в речевом поведении представителей определённой лингвокультурной общности. Категоричное речевое поведение обладает рядом как универсальных, так и национально-культурных особенностей. «Существование национальных особенностей является общепризнанным фактом, они представляют характерное лишь для одного народа сочетание общенациональных признаков» [13, с. 162].

Категоричность является тактическим приёмом, который используется коммуникантами для достижения определённой цели воздействия, оказывая влияние на характер их взаимоотношений, создавая напряжённую атмосферу общения, а иногда и острую конфликтную ситуацию. Категоричное речевое поведение характерно для человека уверенного, решительного, а также грубого и бестактного.

Категоричность возникает в коммуникации и реализуется на всех уровнях языковой системы. Средством её текстовой репрезентации служит категоричное высказывание.

Категоричное высказывание однозначно, не допускает иного понимания, возражения и является, по мнению говорящего, безусловным, (*категоричный* – «ясный, безусловный, не допускающий возражений» [7, с. 346]), что объясняется «наличием

знания (достоверной информации) или особым эмоциональным состоянием говорящего – чувством уверенности/самоуверенности (*certainty, self-confidence, overconfidence, assuredness*), т. е. – стабильностью, постоянством, невозмутимостью или, напротив, резкостью и грубостью» [14, с. 116]. В английском языке лексема *categorical* – «unconditional, absolute: positive» [22, с. 181], репрезентирует прямолинейность, открытость высказывания говорящего, а так же достоверность, однозначность его суждения «made without any doubt in the mind of speaker or writer» [23, с. 194].

Появление лексемы *категорический/категоричный* в русском языке совпало с правлением Петра I (1682–1725 гг.) как заимствование из немецкого (*kategorisch* «безусловный, решительный») или французского (*catégorique* «безапелляционный, решительный») языков; в английском языке первое употребление прилагательного *categorical* зафиксировано в 1598 году как заимствование из позднелатинского *catēgoricus*, от греческого *katēgorikós* [15, с. 210].

Источником данного феномена в обоих языках является греческое слово *κατηγορία* (категория) – «обвинение» от *κατηγορεῖν* «причитать, упрекать, обвинять» [15, с. 210], проникшее в русский язык в начале 18 века из немецкого (*kategorie*) или французского (*catégorie*) языков. Появление лексемы *category* в английском языке датируется 1588 годом как заимствование из позднелатинского *catēgoria*, через средне французский *catégorie* от греческого *katēgoriā* – категория, что означает, по мнению авторов английского этимологического словаря, *assertion* (утверждение или суждение), где *kata-* это приставка – до, а *agoreúein* – корневая основа, означающая – утверждать, доказывать, обвинять, от *agorá* – место проведения собрания [см, например, 21, р. 150]. Общий источник обуславливает сходство в значении данного феномена в сравниваемых языках.

Категоричное речевое поведение обладает сложной системой средств языкового оформления. Одним из таких средств в русском и английском языках являются формы повелительного наклонения (императив), принадлежащего к эмоционально-волевой сфере языка и характеризующегося особой интонацией, превращающей любое слово в категоричное утверждение. Императив также называется побудительным наклонением [4, с. 343], поскольку, выражая волю говорящего, побуждающую собеседника стать её исполнителем, он связывается со значением второго лица и определяется зачастую лишь интонацией.

Модальные слова *certainly, of course, surely, really, indeed* в английском языке как средство выражения модальных значений уверенности или однозначности [3, с. 121; 19, с. 43] регулируют степень воздействия на слушателя, придавая оттенок достоверности его высказыванию. В русском языке такие модальные слова как *конечно, разумеется, бесспорно, несомненно, безусловно, действительно* репрезентируют достоверность [1, с. 198], а также логическую оценку высказывания, уверенность говорящего в реальности сообщения [2, с. 282].

Повтор значимых языковых элементов также является средством выражения категоричности высказывания в сравниваемых языках. Неоднократное повторение местоимения второго лица *you* в английском, и *ты/Вы* в русском языке, свидетельствует о непосредственной направленности высказывания на адресата (о сфере непосредственной направленности речи на адресата в английском языке см. подробнее [18, с. 24]) – установлении с ним контакта, побуждении его к действию или о волеизъявлении говорящего. Повтор, как правило, подчёркивает однозначность, уверенность говорящего субъекта в оценке, желании, утверждении чего-либо [9, с. 157–158], отражая его особое эмоциональное состояние.

Восклицательные предложения, выражающие различные эмоции (возмущение, удивление, гнев, мольбу и т. п.), нередко сопровождают категоричные высказывания, как в английском, так и в русском языках:

Well of course he doesn't want me to work! [25, p. 44];

Во фронте не разговаривать! [11, с. 296].

При направленности высказывания говорящего на самого себя нередко встречаются категоричные восклицания с экспрессивной окрашенной лексикой как в английском:

I'm sorry. I've been such a pig, Cathy [20, p. 203–204], так и в русском языке:

Ах, какая я скотина, однако! – проговорил Ростов, читая письмо [11, с. 451].

Междометия как средства репрезентации категоричности придают особый оттенок высказыванию говорящего, выражая негодование, удивление, возмущение *oh, ah* или презрение – *fie, pooh, pshaw*. Табуированные слова и выражения – taboo expletives [24, p. 1094]: *damn, damn it all, hang it*, по сути, являясь междометиями, также служат для выражения гнева, раздражения, злости и встречаются, как правило, в ответной реакции партнёра по

коммуникации. Междометия, репрезентирующие эмоционально-волевые реакции говорящего на действительность, являются непосредственным эмоциональным отражением его переживаний, ощущений, волеизъявлений.

В русском языке выделяются междометия, а также восклицательные частицы междометного, местоимённого и наречного происхождения, отражающие состояние эмоциональной нестабильности говорящего вообще, и различные, связанные с ним чувства, в частности, сообщая «высказываемому эмоциональную окраску» [2, с. 310]: *ужо, уж, вот ужо* – для выражения угрозы; *прочь!, эй!, на!, брысь!, вон!, ну!* – для волеизъявления: приказания, требования, побуждения [см., например, 16, с. 507].

Соединение нескольких видов средств выражения категоричности в одном высказывании говорящего приводит к её усилению в обоих языках.

Многочисленные и разнообразные опущения, ссылки, условные обозначения, к которым прибегают участники общения, включая средства непрямого общения, являются значимыми для коммуникативного взаимодействия. Стремление быть понятым побуждает собеседников к выражению личных оценок, эмоций. При этом «эмоциональная непосредственность не только не затрудняет, но, наоборот, облегчает понимание происходящего» [6, с. 60–61].

Приём введения в предложение добавочных сообщений, замечаний относительно действий, жестов, мимики, мыслей коммуникантов – авторские ремарки, отражают отношение говорящего к происходящему, к своим словам и словам собеседника. В авторских ремарках используются конструкции с эмотивными предикатами, указывающими на «характер речевых поступков» [17, с. 106], например – *looking angrily, said sternly, confidently replied*, etc. в английском языке и *настойчиво повторяя, заметив раздражённо, метнув злой взгляд* и т. п. – в русском. Поскольку «невербальные средства представляют собой знаковую систему, которая отличается ярко выраженной национально-культурной спецификой» [5, с. 236], эти конструкции являются одним из главных средств выражения категоричного речевого поведения.

Категоричное речевое поведение характерно для человека уверенного, обладающего внутренней силой, решимостью в совершении определённого действия и решительностью его выполнения. Признаки уверенности могут быть как внешние (те, что доступны адресату или наблюдателю): прямой фиксированный взгляд, уверенные, чёткие движения или их отсутствие,

расслабленное тело, прямая спина, точное формулирование желаемого, громкий голос, очевидная способность постоять за себя, так и внутренние (доступные в ощущениях самому говорящему): способность и/или готовность принимать решение, отдавать распоряжение, приказывать [см. подробнее 14].

В психологических исследованиях эмоциональной стабильности индивида описываются разные значения фактора категоричности, где «высокое значение этого фактора наблюдается у людей, не обладающих гибкостью, дипломатичностью, неспособных видеть полутона и находить разумные компромиссы, часто у людей истеричных и бросающихся из крайности в крайность. Низкое значение связано с неуверенностью в себе, пассивностью, неумением или нежеланием однозначно высказываться о своих желаниях и принимать конкретные решения» [10].

Универсальными средствами репрезентации категоричного речевого поведения говорящего как в английском, так и в русском языках являются: формы императива; вводно-модальные слова, выражающие логическую оценку высказывания, уверенность говорящего в реальности сообщения *certainly, of course, surely*; в самом деле, непременно; действительно, конечно и др.; модальные глаголы со значением долженствования *should, ought, must*; должен, обязан; разговорные вставки с глаголами уверенности, знания *as far as I know, I am sure, I know*; я знаю, я убеждён, я утверждаю; наречия и междометия *confidently, absolutely, entirely, definitely, exactly*; определённо, действительно, непременно; *too much; oh; уж, о* [см. подробнее 12].

Этноспецифическим средством выражения категоричности в русском языке следует считать риторическое восклицание или, другими словами «эмоционально окрашенное предложение, в котором эмоции, даже не выраженные лексическими и синтаксическими средствами, обязательно выражены интонационно» [9, с. 276]. Это явление появляется в речи тогда, когда определённое чувство или эмоция, постепенно нарастая, достигает кульминации. Следует также отметить, что в русском языке, чем короче психологическая дистанция между коммуникантами в общении, тем категоричнее звучит их речь. Считается, что «для русского общения характерна короткая дистанция, которая с точки зрения европейских норм рассматривается даже как сверхкороткая» [8, с. 164].

Категоричное высказывание как один из коммуникативно-прагматических вариантов, предполагающий передачу полной уверенности говорящего в достоверности сообщаемого,

прямолинейности высказывания, несдержанности в выражении оценок, может служить языковой формой выражения таких речевых действий, как требование, приказание, угроза, обвинение, возмущение, наставление и других.

Библиографический список

1. Баранов М. Т. Русский язык. Справочные материалы : учеб. пособие для учащихся / М. Т. Баранов, Т. А. Костяева, А. В. Прудникова. – М. : Просвещение, 1989. – 288 с.
2. Валгина Н. С. Современный русский язык : учебник для вузов / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина. – 6-е изд., перераб и доп. – М. : Логос, 2001. – 528 с.
3. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика : учеб. пособие. – М. : Высшая школа, 1990. – 176 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – 4-е изд. – М. : Русский язык, 2001. – 720 с.
5. Владимирова Т. Е. Призванные в общение: русский дискурс в межкультурной коммуникации. – М. : КомКнига, 2007. – 304 с.
6. Куницына В. Н. Межличностное общение : учебник для вузов / В. Н. Куницына, Н. В. Казанцева, В. М. Погольша. – СПб. : Питер, 2002. – 544 с.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М. : ООО «Издательский дом «Оникс 21 век»; ООО «Издательство «Мир и Образование», 2003. – 1200 с.
8. Прохоров Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта: Наука, 2006. – 224 с.
9. Сковородникова А. П. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты : энциклопедич. словарь-справочник. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 480 с.
10. Толкачёва В. К. Категоричность. URL: <http://www.psy-test.ru/terms> (дата обращения 14.05.2013).
11. Толстой Л. Н. Война и мир. – М. : Правда, 1987. – Т. 1, 2. – 759 с.
12. Топка Л. В. Языковые средства выражения категоричности: сопоставительный анализ // Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста: сборник научных трудов посвящается юбилею профессора Марии Васильевны Малинович / отв. науч. ред. проф. Ю. М. Малинович. – Иркутск : ИГЛУ, 2010. – С. 223–230.
13. Топка Л. В. Некатегоричность/Категоричность: лингвокультурологическое освещение // Концепты. Категории: языковая реальность : коллективная монография к юбилею профессора М. В. Малинович: Раздел II, Глава 5. – Иркутск, 2011. – С. 130–163.
14. Топка Л. В. Эмоциональная обусловленность категоричного и некатегоричного речевого поведения // Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия: материалы IV международной научно-практической конференции 15–16 мая 2013 года. – Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – С. 115–121.

15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / перевод с нем. и дополнения академика РАН О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М. : Астрель: АСТ, 2004. – Т. 2.
16. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 507 с.
17. Шахнарович А. М. Экспериментальное исследование реализации эмоциональности в речевой деятельности / А. М. Шахнарович, Т. А. Графова // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. – М. : Наука, 1991. – С. 99–114.
18. Штелинг Д. А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке. – М. : МГИМО, ЧеРО, 1996. – 254 с.
19. Blokh M. Y. A Course in Theoretical English Grammar. – М. : Visshaya Shkola, 1983. – 383 p.
20. Brayfield C. Pearls. – Penguin Books, 1987. – 694 p.
21. Chamber Dictionary of Etymology / H. W. Wilson Company. – London : Chamber Harrap Publishers Ltd., 2010. – 1284 p.
22. Hornby A. S. The Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield. – СПИИП «Синглей», Ставрополь, 1992. – Т. 1. – 540 с.
23. Longman Dictionary of English Language and Culture / Addison Wesley Longman. – [England] : Pearson Education Limited, 1999. – 1568 p.
24. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. – [England]: Pearson Education Limited, 2004. – 1204 p.
25. Wenham-Jones J. A Perfect Alibis. – Cox & Wyman Ltd, 2003. – 319 p.

ДИАЛОГ ПИЛАТА И ИЕШУА: АНАЛИЗ ИМПЛИКАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ФРЕЙМА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»)

Т. А. Середухина

**Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Россия**

Summary. The subject of the article is the implicit information and the means of its transmission in the dialogue's area. The matrix of the dialogue represents a certain frame, such as «interrogation». In the process of the frame unfolding there can be found explicit failures, the motivation and interpretation of which are hidden in implications.

Key words: frame; conventional situation; communication; speaker's intention; interpretation; implication.

Каждый диалог включает в себя ряд ситуативных характеристик, а также функции, отношения, свойства, позиции коммуникантов. Речевая ситуация может быть идентифицирована в аспекте её фреймовой принадлежности [7]. Каждый диалог, встраиваемый в конвенциональную ситуацию, в различной степени соответствует

заданному фреймовому стандарту. Отклонения от фреймового стандарта имеют определённую коммуникативную мотивацию, обусловленную реальной конситуацией. Такие отклонения могут иметь как вербальный, так и невербальный характер и различный прагматический статус в рамках определённой конситуации [7].

В ходе анализа речевой ситуации выстраивается определённая матрица диалога, представляющая собой заданный коммуникативной ситуацией фрейм или несколько фреймов (допрос, приказ, лекция, проверка билетов в общественном транспорте и т. д.). В процессе развёртывания данных фреймов отмечаются эксплицированные сбои, мотивация и интерпретация которых скрыта в импликациях. Для прогнозирования и выявления **скрытых** интенций участников конвенциональных ситуаций необходимы:

- 1) определение ситуативных характеристик каждого диалога, а также функций, отношений, свойств, позиций коммуникантов;
- 2) фреймовая идентификация диалога;
- 3) анализ коммуникативной ситуации с точки зрения соответствия фреймовому стандарту;
- 4) выявление отклонений от фреймового стандарта и определение их коммуникативной мотивированности в рамках реальной конситуации;
- 5) квалификация выявленных отклонений с точки зрения их вербального/невербального характера и прагматического статуса в рамках конситуации.

Таким образом, основные понятия и термины (такие, как *фрейм, конситуация, интенция говорящего, иллюкутивная сила*) позволяют смоделировать интерпретационную матрицу в рамках заданного фрейма с имплицитно реализованными намерениями коммуникантов.

Развёртывание коммуникации между Пилатом и Иешуа происходит в рамках фрейма «допрос».

Судья выступает как носитель «профессионального правосознания», связанного с понятийно-логическим мышлением. Подследственный, напротив, обладает обыденным сознанием с конкретным типом мышления. В сознании ведущего допрос есть только абстрактное представление о совершённом преступлении. Допрашиваемый обладает конкретными знаниями о нём. Смысл допроса состоит в получении максимально конкретного, то есть более содержательного представления о преступлении [5].

Начало допроса Иешуа развивается по стандартной схеме: индивидуальные речевые характеристики сведены к минимуму,

стандартные протокольные вопросы демонстрируют власть и презрение к уже осуждённому на смертную казнь не римлянину.

В основной части допроса чётко проявляются факторы, мешающие реализации конвенциональных установок фрейма «допрос» и выводящие коммуникацию за его рамки.

Первый и основной фактор, не дающий коммуникации состояться, – это столкновение двух противоположных типов мышления: логико-ориентированного сознания римлянина и метафорического сознания иудея [1]. То есть становится невозможным главный принцип получения знаний о деле: от абстрактного к конкретному. Использование метафор, отсутствие эмпирических фактов выводят уже существующие знание не на конкретику, а на ещё более высокий уровень абстракции. Обратимся к примеру из текста романа.

Иешуа говорит: *«всякая власть является насилием над людьми, и наступит время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо другой власти. Человек перейдёт в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть»* [2].

Пилату как практичному римлянину было не понять всех туманных отвлечённостей по поводу «царства истины». Однако вопрос о власти и государстве был актуален для римлян. Поэтому утверждение о том, что «не будет власти кесарей», воспринималось Пилатом не иначе, как государственная измена. В этом и заключалась хитрость иудеев, которые посчитали обвинение в высказываниях о псевдогосударственной власти лучшим поводом для того, чтобы настроить против Иешуа прокуратора [4].

В качестве препятствия к пониманию между Иешуа и Пилатом выступает отсутствие необходимых концептов в сознании прокуратора, а также трансформация метафоричных значений и образов в конкретные значения и образы:

Языковая единица	Значение, которое вкладывает Иешуа	Значение, которое «считывает» Пилат
Царство	Царство Небесное	Государство
Великий кесарь	Бог	Могущественный правитель
Власть кесарей	Человеческая власть вообще	Государственная власть правителей
Какая-либо другая власть		Эквивалент государственной власти

На разницу культур наслаивается и полярность социального положения: очень богатый человек и нищий, наместник римского кесаря и оборванный бесправный бродяга [1]. Отсюда как вытекающее последствие – столкновение двух речевых стратегий:

1) стратегия Пилата: подавление путём манифестации власти, выраженной в приказном тоне общения, оскорблениях, угрозах, запугиваниях;

2) речевое поведение Иешуа – стратегия кооперации: мгновенный отклик на проблемы и состояние партнёра с целью помочь, готовность ответить на любые вопросы, выражение уважения, высокая оценка партнёра, демонстрация доброжелательности.

Резкий поворот в развитии диалога наступает тогда, когда Пилат понимает, что перед ним стоит человек, не менее образованный, чем он сам. Это случается, когда Иешуа отвечает на вопрос прокуратора «*Что такое истина?*».

С этого момента Иешуа забывает, что он на допросе у самого жестокого прокуратора Иудеи. Он произносит свой монолог, чтобы завладеть инициативой ведения беседы, заставить прокуратора слушать. Функции субъектов коммуникации нарушаются: по закону жанра допроса подстраиваться под собеседника должен был Пилат, однако полностью контролирует коммуникацию именно Иешуа. Он, обвиняемый, а не дознаватель, в совершенстве владеет психотехниками внушения.

Пилата поражает совершенно неожиданная коммуникативная установка и манера поведения допрашиваемого. Прогнозируемым речевым поведением подследственного в рамках фрейма «допрос» считались бы пропозиции, содержащие:

- 1) мольбу о пощаде,
- 2) информацию о клевете со стороны завистников;
- 3) обещания никогда впредь не говорить ничего подобного;
- 4) восславление прокуратора и римского кесаря;
- 5) информацию о необъективности синедриона;
- 6) негативные оценки в адрес синедриона как вечного оппонента римской власти;
- 7) обещания о сотрудничестве.

Желая получить ответ на вопрос «*<...> ты когда-либо говорил что-нибудь о великом кесаре?*» [2]. Пилат сам нарушает каноны допроса. Это первая попытка Пилата подстроиться под партнёра по коммуникации. Судейский опыт, знакомство с человеческой природой, дававшие некоторую проницательность

в отношении характеров людей, показывали ему, что Иешуа не только невиновен, но и выше, и лучше своих обвинителей [1].

Вербальными и невербальными средствами прокуратор сначала явно, а потом всё менее настойчиво подталкивает Иешуа к «нужному» ответу.

1. *«Отвечай! Говорил?.. Или... не... говорил? – Пилат протянул слово «не» несколько больше, чем это полагается на суде...»* [2]. В речи появляется намеренная паузация, важные смысловые отрезки произносятся медленно, с необходимыми интонационно-смысловыми акцентами.

2. *«Итак, отвечай, знаешь ли ты некоего Иуду из Кириафа, и что именно ты говорил ему, если говорил, о кесаре»* [2]. Добавочное условие «если говорил» указывает на готовность прокуратора поверить ответу «нет, не говорил» и закрыть разбирательство.

3. *«И что же ты сказал? Или ты ответишь, что забыл, что говорил? – но в тоне Пилата уже слышалась безнадежность»* [2]. Задавая вопрос, Пилат одновременно даёт намёк на ответ, который он хочет услышать: «забыл, что говорил».

Безусловно, Иешуа понял намёки Пилата. Однако сказать «нет» не соответствовало бы истине, а ответом «да» он ввёл бы в заблуждение римского военачальника.

Иешуа совершенно непосредственно просит отпустить его: *«А ты бы меня отпустил, ижемон <...>, я вижу, что меня хотят убить»* [2]. Неопределённо-личное сказуемое «хотят» в данном случае исключает прокуратора из предполагаемых субъектов действия. Иешуа видит, что сам Пилат не хочет. Робкая просьба о пощаде в ответ на прямую экспликацию смертельной угрозы противоречит стереотипным представлениям о поведении арестанта. Знаменательна реакция Пилата – *«лицо его исказилось судорогой»*. Пилат признаёт превосходство Иешуа в споре и способности убеждать. Признаёт и в то же время боится. Поэтому последняя реплика в разговоре с Иешуа, последний довод прокуратора – грубый императив *«Молчать!»*.

Итак, в процессе развития коммуникации в пределах конвенциональной ситуации повышается надёжность механизма речевого прогнозирования. В сознании участников коммуникации существует типичная для данной ситуации схема-эталон, с которой каждый из собеседников постоянно соотносит ответные реплики. Также конвенциональная ситуация предполагает определённый набор речевых и не речевых действий коммуникантов. Порядок действий интерпретатора

и определение интенции говорящего обусловливается коммуникативными предпосылками и разворачивается по логически выверенному алгоритму.

Первый уровень интерпретации предполагает определение соответствия действий (вербальных и невербальных) коммуниканта заданному фрейму. Коммуникация может разворачиваться по одному из двух направлений:

- 1) сохранение коммуникации в рамках заданной ситуации;
- 2) намеренный выход за рамки заданного фрейма.

Первое направление предполагает соответствие действий участников коммуникации схеме-эталону. Второе задаёт новый вектор развития коммуникации. В данном случае анализ интенции говорящего переходит на второй уровень, на котором определяется:

- 1) какой **из уровней** (вербальный/невербальный) выводит коммуникацию за рамки заданного фрейма;
- 2) какой из **элементов** нарушенного уровня выводит коммуникацию за рамки фрейма;
- 3) с какой **целью** был нарушен один или оба уровня коммуникации (вербальный/невербальный).

Библиографический список

1. Барр М. Перечитывая мастера: заметки лингвиста на макинтоше. – М. : Зебра Е, 2009. – 288 с.
2. Булгаков М. А. Полное собрание редакций и вариантов романа «Мастер и Маргарита». – М. : Вагриус, 2006. – 1006 с.
3. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. – Благовещенск, 1998. – С. 44–87.
4. Вейнберг И. Введение в Танах. URL: <http://jhistory.nfurman.com/traditions/tanah.htm> (дата обращения: 25.01.12).
5. Глушак В. М. Стратегии речевого поведения, направленные на сближение с партнёром по коммуникации // Вестник ПГЛУ. – 2008. – № 4. – С. 69–73.
6. Голев Н. Д. Суггестивное функционирование внутренней формы слова в аспекте её взаимоотношения с языковым сознанием // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. – Вып. 2. – Новосибирск, 1998. – С. 18–30.
7. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – Б. : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
8. Ермаков Ю. А. Манипуляция личностью: смысл, приёмы, последствия. – Екатеринбург, 1995. – 136 с.
9. Фаррар Ф. В. Жизнь Иисуса Христа. – М. : Советский писатель, 1991. – 588 с.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М. : Прогресс, 1990. – 366 с.

ЧИСЛОВЫЕ ЭПИТЕТЫ КАК ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА В ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Г. Е. Саввинова

Якутская государственная сельскохозяйственная
академия, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия

Summary. Yakut classical writers expressed the national mentality in their arsenal pictorial means. As the source of writers tradition of folklore is served in the figurative and representational system. Numeric epithets can be seen in these lyrics.

Key words: numeric epithets; folklore; mythology; epic; chthonic images.

Якутские писатели-классики начала XX века, как художники слова, в богатом арсенале своих изобразительных средств, выразили национальную ментальность. В образно-изобразительной системе у якутских писателей А. Кулаковского, П. Ойунского, А. Софронова, Н. Неустроева основным источником послужили традиции устного народного творчества. Прежде всего, в их творчество органически вошли мифологические мотивы [1]. В соответствии с поэтикой фольклорных произведений строится пространственно-временной континуум пейзажной лирики якутских писателей. В частности, в их лирике постоянно встречаются эпитеты, как «ус дойду» («троемирие»), «орто дойду» («средний мир»), «аламай манан кун» («белое солнце»), «манан халлаан» («белое небо»), отражающие мифологическое сознание народа о существовании трёх миров.

В повести «Кудангса Великий» П. Ойунского мир обустроен, изображён в соответствии с народным видением о трёх мирах: «Высоко в трёхъярусном небе, обитает, мол, породивший народа саха старец, ...оставляющий след, подобный не покрывающемуся пеной молочному озеру – Юрюнг Аар Тойон, Пресветлый господин – так думал каждый саха...» (Пер. А. Борисовой). Якут верит, что такое положение вещей вечно. Но Великий Кудангса хочет изменить мир. Он даже замахивается на переустройство Верхнего мира, стараясь уменьшить разросшуюся звезду Венеру. А звезда Венера для якутов считается звездой Холода.

«Троемирие» («ус дойду») – у якутов три является не только магическим числом, но и рационально логическим понятием мировой гармонии. При мифологическом, философском подходе «три» и «один» могут выражать один обобщённый смысл. Три начала космогонического мироздания не всегда якутами высказываются членораздельно как три мира (ус аан дойду), а просто

излагаются как «аан дойду» с пропуском «ус» (три). Однако в сознании и психике людей они воспринимаются как неразрывно связанное триединство. Или есть такое понятие «ус кырыылаах кии» (человек трёхгранный), характеризующий свойства, проявляемые этим человеком. Грани, спектр его таланта воспринимаются окружающей средой как три грани, как три ипостаси, заключённые в психофизических возможностях человека.

...Владыка верхних небес,
Всевышний Юрюнг Аар Тойон...
...Создавший белое солнце,
Вселенную всю...
А. Кулаковский «Наступление лета»
(пер. Е. Сидорова)

«Белое солнце» («аламай манан кун»), «манан халлаан» («белое небо») – в якутском языке различаются оттенки белого: манан, урун, туртагар. «Хаар манан» («белый как снег»), «урун кемус ене» («цвет серебра»), «туос курдук туртагар» («белесый как берёзовая кора»). Употребление оттенков белого для обозначения цвета предметов и явлений строго определено. Не допускается смешивания оттенков. Например, неправильно говорить «урун хаар» (в данном случае – «снег цвета серебра») [2].

Якутские писатели как знатоки эпической мифологии применяли в своих произведениях образы, мотивы мифологий и индоевропейских народов, где популярным сюжетом является мотив борьбы небесных и хтонических сил. В якутском эпосе мифические птицы и звери обычно олицетворяют две противоборствующие силы. При этом небесные пернатые персонажи, как правило, выступают на стороне добрых сил айыы. Таковое положение сохраняется и в литературе. К примеру, орёл передает слова Священной Горы о несчастье человечества, жалуется небесным божествам в поэме «Разговор священных гор» А. Софронова. Противниками пернатых персонажей выступают хтонические существа – змеи. Однако образ змеи у Софронова терпит метаморфозу: его восьмиглавая змея является помощником творения добрых дел, но всё же связана с нижним миром. Образ змеи П. Ойунского в поэме «Красный Шаман» имеет двойную функцию. С одной стороны, она как провозвестница великого предназначения шамана пробуждает его, и она свисает через плечо Духа мудрости вселенной. С другой стороны, она – змея-дракон, кровожадно пьющий кровь народа. Писатель привлекает и образы птиц. В поэме шаман выступает

в образе орла. Птицы являются неотъемлемой атрибутикой шаманской силы, сопровождая его во всех деяниях.

Огромную роль в создании образа играют эпитеты. «Эпитет, – по словам А. Н. Веселовского, – одностороннее определение слова, либо подновляющееся его нарицательное значение, либо усиливающее, подчёркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета» [3]. Эпитеты первых якутских поэтов в основном всегда восходят к фольклорным истокам. Например, писатели в описании небесных тел употребляют числовые эпитеты, имеющие сакральное значение и постоянно сопутствующие эти слова: «*восьмикрайняя, восьмиободная изначальная мать-страна*», «*трёхъярусное приподнятое светлое небо*», «*жгуче-белое солнце с восемью лучами*» и др.

Числовые эпитеты исключительно популярны в народной поэзии и эпосе. Исследователи якутского эпоса отличают «качественно-гиперболизирующий, а не количественно-определятельный» [4] характер подобных эпитетов. Например, у Кулаковского произведение «Сновидение шамана» начинается с повествования сотворения неба и земли:

Восьмилучистое
Ласковое белое солнце...
На восьмикрайнюю, о восьми ободах,
... Мать землю...

(Пер. Е. Сидорова)

У якутских писателей так же, как и в эпосе, наиболее частотными являются числа 9, 8, 7, 3. Объяснением этому может служить мнение исследователя Л. Л. Габышевой об использовании чисел в эпосе: «Говоря об излюбленных числах в эпосе и вообще в фольклоре, необходимо отметить, что число 9 (3) связано ...с представлением о высоком совершенстве и пределе» [5].

В повести-легенде «Кээрэкээн» Ойунского писатель использует число *три*, которое также имеет сакральное значение, где лирический герой завещает перед смертью появиться на свет вновь: «На месте, где похоронен я, вырастут *три* ели: первая – с головы, вторая – с живота, третья – с ног. Когда станут солидными те *три* ели, пусть организуют ысыах (ысыах – национальный, обрядовый праздник) и под теми *тремя* елями пусть готовят суорат (национальное блюдо – кисломолочный продукт) в *трёх* больших сосудах, пусть под *третьей* елью постелят большую шкуру и на той шкуре восседает молодая невестка... Тогда я мог бы от неё родиться вновь...» («Кээрэкээн»). Древний якут неосознанно как бы становится

современником космогонии, то есть он убеждён, что время постоянно повторяет Творение. Также число *три* связано с хозяйственной жизнью якутов, то есть цикл хозяйства скотоводов диктовался природно-климатическими условиями. Например, массовый переезд на летнее жилище завершался обычно к *третьему* июня. И к этой дате приурочивалось проведение семейного праздника [6].

Таким образом, можно прийти к выводу, что в произведениях якутских писателей-классиков числовые эпитеты применяются, как «священные» излюбленные числа якутов: *три*, *восемь*, *девять* исключительно в «качественно-гиперболизирующем плане при формульных конструкциях, определяющих фольклорно-мифологические понятия [7].

Библиографический список

1. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – М., 1976. – С. 296.
2. Дьячковский К. Д. Этносемиотика культуры и образования: постановка проблем, методология. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 2000. – С. 16.
3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – Л. : ГИХЛ, 1940. – С. 83.
4. Аханиянова Н. А. К вопросу о мифологической основе солярно-лунарной символики в эпической традиции якутов // Язык-миф-культура народов Сибири : сб. науч. тр. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1994. – С. 194–208.
5. Габышева Л. Л. Функции числительных в мифопоэтическом тексте на материале олонхо // Язык-миф-культура народов Сибири. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1988. – С. 8–11.
6. Гоголев А. И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов : науч.-популярное изд. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 2002. – С. 72.
7. Дьячковский К. Д. Этносемиотика. Культуры и образования: постановка проблем, методология. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 2000. – С. 48.

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС В КОНЦЕПЦИЯХ УКРАИНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

А. П. Романченко

Одесский национальный университет
имени И. И. Мечникова, Одесса, Украина

Summary. The questions associated with scientific discourse as a communicative phenomenon are considered in this article. The proceedings with research of structure, features, categories and genre problems are analyzed. Also linguistic aspects in Ukrainian scientists' research are characterized.

Key words: scientific discourse; communicative behavior; scientific communication; genre; typology of discourses.

Современная лингвистика ориентируется на изучение коммуникативных особенностей языка, коммуникативного поведения

ния говорящего в разных сферах. Цель этой статьи – обобщить существующие подходы украинских исследователей, изучающих коммуникативное поведение в научной среде.

Дискурс как коммуникативное явление начали исследовать с середины XX в. Вопрос типологии дискурсов не решён до сих пор. Это объясняется тем, что существует несколько критериев, по которым выделяют типы дискурсов: коммуникативно-социальный, социально-демографический, способ общения, канал общения и другие. В украинском языкознании известна классификация Г. Почепцова, согласно которой дифференцируют теле- и радиодискурс, газетный, театральный, литературный, кинодискурс, рекламный, политический, религиозный дискурсы, дискурс в сфере публичной сферы [8]. Другие исследователи добавляют ещё некоторые типы: педагогический, дипломатический, юридический, виртуальный, авиационный, международно-правовой, дискурс программного обеспечения. Много украинских лингвистов, изучая тот или иной дискурс, обращается к типологии дискурсов российского учёного В. Карасика, который различает социолингвистические и прагмалингвистические типы, каждый из которых имеет свои разновидности. С позиций социолингвистики он выделяет бытийный и институциональный дискурсы. В рамках последнего учёный дифференцирует педагогический, религиозный, политический, научный, медицинский дискурсы [5].

Мы солидарны с теми лингвистами, которые считают, что для выделения какого-либо дискурса необходимо учитывать статусно-ролевые характеристики участников общения, цель и прототипное место общения [7, с. 24–25]. Участниками общения в научном дискурсе являются исследователи, которые действуют в нескольких ипостасях: учёные-исследователи, учёные-педагоги, учёные-эксперты, учёные-популяризаторы. Цель научного дискурса – получение и передача знаний, освещение определённой научной проблемы, а его хронотопом является научная среда. Для устного диалога хронотоп – это кафедра, зал заседаний, аудитория и др., для письменного – научные издания [9, с. 179–180].

Кроме вопроса выделения научного дискурса в украинском языкознании разрабатывают различные проблемы, связанные с ним. В зависимости от того, как понимают термин *дискурс* лингвисты, они изучают его признаки, категории, структуру, жанры. Этими аспектами научного дискурса занимаются

Г. Кицак, И. Колесникова, С. Шепитько и другие. Так, Г. Кицак характеризует экстралингвистические факторы научного дискурса, которые выделяют также различные российские учёные. И. Колесникова называет такие признаки научного дискурса, как креативность, истинность, профессиональная ценность, диалогичность, антропоцентризм, мультидисциплинарность, непропорциональность отдельных его частей, дидактизм, селективность, нецикличность, замкнутость, динамизм, языковая нормативность, стилистическое разнообразие [6, с. 7]. В работах С. Шепитько обобщаются существующие положения, касающиеся структуры научного дискурса, характеризуются его компоненты, предложены разные аспекты его изучения [10; 11]. Исследованы некоторые категории научного дискурса: категория личности (О. Гниздечко, И. Сеница), этикетизация (О. Ильченко), модальность (В. Коваленко), эмотивность (О. Попова). Отдельные научные жанры изучены Н. Доронкиной, О. Ерченко, Т. Яхонтовой (статьи), С. Елисеевой (интернет-конференции), И. Левчук (рецензии). Основные особенности жанровой организации современного научного дискурса в целом стали предметом исследования Т. Яхонтовой [12].

Украинских исследователей интересуют также другие аспекты научного дискурса: лингвокоммуникативные, лингвокогнитивные, функциональные, риторические, прагматические (Е. Галицкая, Г. Дедюра, Е. Жук, Н. Зелинская, О. Ильченко, И. Колесникова, С. Мойсеенко, О. Петровская, С. Соколовская и др.). Следует отметить, что анализ этих особенностей отдельных жанров или разновидностей научного дискурса осуществлялся на немецко- или англоязычном материале. Одной из задач, решённых Е. Галицкой, было определение структуры языковой репрезентации научного дискурса и его фреймовой организации [1]. Н. Зелинская считает, что наука обязательно использует риторические средства для влияния на коллег и оппонентов. Кроме этого, она настаивает на особенной роли эстетических параметров устных форм научной коммуникации, что отображается на языковых средствах, используемых в докладах, сообщениях, лекциях [3]. О. Ильченко выявила коммуникативную национально-культурную специфику этикетизации, определила основные стратегии и тактики, а также языковые средства реализации этикета в англо-американской научной прозе [4]. О. Гниздечко исследовала коммуникативно-прагматические особенности научного лингвистического дискурса [2].

Однако, не смотря на множество работ, посвящённых проблемам научной коммуникации, считаем перспективным такое исследование, которое учитывало бы все параметры коммуникативного поведения в научном дискурсе на материале одного языка с учётом его национально-культурных особенностей.

Библіографічний список

1. Галицька О. Б. Сучасний німецькомовний науковий дискурс з лінгвістичної проблематики: основні характеристики та фреймова організація : автореф. канд. ... дис. канд. філол. наук. – Київ, 2008. – 20 с.
2. Гнізdechko О. М. Авторизація наукового дискурсу: комунікативно-прагматичний аспект (на матеріалі англомовних статей сучасних європейських та американських лінгвістів) : автореф. ...дис. канд. філол. наук. – Київ, 2005. – 20 с.
3. Зелінська Н. Нова модель наукової комунікації і дискурс. URL : <http://journlib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=1071> (дата обращения: 15.11.2013).
4. Личенко О. М. Етикетизація англо-американського наукового дискурсу : автореф. дис. ... д-ра філол. наук. – Київ, 2002. – 37 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : моногр. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
6. Колеснікова І. А. Лінгвокогнітивні та комунікативно-прагматичні параметри професійного дискурсу : автореф. дис. ... д-ра філол. наук. – Київ, 2009. – 33 с.
7. Кравченко Н. К. Интерактивное, жанровое и концептуальное моделирование международно-правового дискурса. – Київ : Реферат, 2006. – 320 с.
8. Почепцов Г. Г. Теорія комунікації. – Київ : Київський університет, 1999. – 308 с.
9. Семенюк О. А., Паращук В. Ю. Основи теорії мовної комунікації : навч. посіб. – Київ : ІнЮре, 2009. – 276 с.
10. Шепітько С. Компоненти наукового дискурсу // Наукові записки Кіровоградського педагогічного університету. – Вип. 89 (5). – С. 164–167. – (Сер. «Філологічні науки»). URL : http://archive.nbul.gov.ua/porta/soc_gum/Nz/89_5/statti/39.pdf (дата обращения: 18.10.2013).
11. Шепітько С. Науковий дискурс: історичний, соціолінгвістичний та лінгвокогнітивний аспекти // Вісник Маріупольського державного гуманітарного університету. – 2010. – № 3. – С. 75–80. – (Сер. «Філологія»). URL: <http://archive.nbul.gov.ua> (дата обращения: 18.10.2013).
12. Яхонтова Т. В. Лінгвістична генологія наукової комунікації : моногр. – Львів : Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2009. – 420 с.

MANIPULATIVE DISCOURSE TACTICS BASED ON VERBAL PERCEPTION MECHANISMS MISUSE: PECULIARITIES OF THE REALIZATION WITHIN THE ENGLISH POLITICAL DEBATE

Ie. V. Bogatyrova

Pryazovskyi State Technical University, Mariupol, Ukraine

Summary. The article deals with the peculiarities of manipulative discourse tactics realization within the English political debate discourse. The article focuses on the manipulative tactics that operate on the basis of human's verbal information perception misuse. The types of the respective manipulative tactics are described; the issue of their interrelation with discourse strategies is covered.

Key words: discourse tactics; discourse strategy; political discourse; political debate; speech manipulation.

Having analyzed various theoretical sources on the issue, as well as the corpus of the English election political debate, we have come to the conclusion that positive self-presentation and negative presentation of the opponent operate as the basic discourse strategies of the English political debate. The strategies are realized through a number of discourse tactics, which can be divided into two major groups: the argumentative and the manipulative ones. Using the former, the speaker addresses the rational perception mechanisms of the audience, i. e. their ability to «understand logical evidence and reasoning» [7, p. 65] (hereinafter translated by the author). Using the latter, the speaker deals with the irrational perception mechanisms, as manipulation is «controlling people through the influence of irrational instruments» [2, p. 7].

Manipulative discourse tactics can further be divided into those operating on the last stage of communication – the stage of the derived verbal information interpretation, and those taking place on the next-to-last stage – the one of verbal information perception. The process of verbal perception depends on personal memory and attention characteristics, and it is their imperfection that is misused by the speaker.

The manipulative discourse tactics based on verbal perception mechanisms may be broken down into two groups: the tactics based on particular ways of information block delivery and the ones based on the manipulative misuse of context.

The manipulative discourse tactics based on particular ways of information block delivery are as follows:

- Conveying a large amount of information in an unsystematized way.

Conveying a large amount of information in an unsystematized way leads to informational overload when «the mental process of sorting out that usually facilitates the understanding is unable to perform its function» [9, p. 633]. In the context of an oral discourse, to which political debate belongs, the effect is enhanced by the fact that «the quality of oral speech perception is closely related to the auditory span of an addressee, which is limited» [8, p. 82]. Conveying a large amount of information in an unsystematized way as a means of verbal (speech / discourse) manipulation is mentioned in such works as [1; 4; 8].

The tactics proves to be the most popular means of manipulation based on particular ways of information block delivery within the English political debate. The corpus analysis also shows that it is mostly used in order to avoid answering the question or reacting in any way to opponent's preceding provocative utterances.

- The accumulation of numeric data.

Describing this means of manipulation, V. Sheynov mentions «an anti-number barrier» that prevents an addressee from memorizing more than 2–3 numerical units» [8, p. 82]. The tactics is not widely used within the English political debate (8% of the tactics of the group realization cases).

- The accumulation of terms.

The accumulation of terms is another way of «hiding information instead of making it more univocal and precise» [5, p. 158]. The realization of the tactics is not characteristic for the corpus analyzed (only 2% of the tactics of the group realization cases).

The corpus analysis and theoretical materials study have shown that within the group of tactics based on the manipulative misuse of context three means of speech manipulation can be named:

- The ostentatious acknowledgement of speaker's small errors in order to make the audience believe in his or her objectivity.

The tactics, which is also mentioned by V. Sheynov as a means of manipulation [8], is uncommon within the discourse of the English political debate (6% of the tactics of the group realization cases).

- The mixing of facts and opinions.

The mixing of facts and opinions can be carried out in two ways.

An opinion may be embedded in a series of facts in order to be mingled in them. In this case recipients «who are prepared to hearing facts find it difficult to protect themselves from the opinions on the facts that are conveyed simultaneously» [6, p. 183].

The mixing of opinions and facts may also be accomplished while rendering what has been said by an opponent. The words of an opponent in this case stand for a fact; and speaker's distorted rendering rather reflects his or her opinion than communicate opponent's idea. Describing the use of this tactics in political communication, G. Kopnina notes that the ironic interpretation of opponent's words is one of most common ways of its implementation [4, p. 62].

– «Argumentum ad nauseam».

T. Golubeva, who analyzed the use of this long-known rhetorical device as a manipulation means in the English election discourse, defines «argumentum ad nauseam» as a «repeated conveyance of a certain idea that facilitates its acceptance with the audience» [3, c. 15].

Both the mixing of facts and opinions and «argumentum ad nauseam» are widely used within the English political debate, accounting for 39 and 56 per cent of the tactics of the group realization cases respectively.

Bibliography

1. Балахонская Л. В., Сергеева Е. В. Языковая манипуляция и защита от нее : учебное пособие. – СПб., 2001. – 12 с.
2. Бессонов Б. Н. Идеология духовного подавления / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра марксистско-ленинской философии. – М. : Мысль, 1971. – 295 с.
3. Голубева Т. М. Языковая манипуляция в предвыборном дискурсе: на материале американского варианта английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. – Нижний Новгород, 2009. – 174 с.
4. Копнина Г. А. Речевое манипулирование : учеб. пособие. – 2-е издание. – М. : Флинта, 2008. – 176 с.
5. Техника дезинформации и обмана / под ред. Я. Н. Засурского. – М. : Мысль, 1978. – 248 с.
6. Урдаева Ю. В. Речевое манипулирование сознанием читателя в «Новой газете» // Речевое общение: Специализированный вестник Краснояр. гос. ун-та. Вып. 5–6 (13–14). Красноярск, 2004. – С. 183–189.
7. Чеберяк А. М. Лінгвостилістичні та комунікативно-прагматичні особливості реалізації стратегії персуазивності у текстах відкритих листів. Вісник ЖДУ імені Івана Франка (58). – 2011. – С. 65–72.
8. Шейнов В. П. Манипулирование сознанием. – СПб. : Харвест, 2010. – 768 с.
9. Шиллер Г. Манипуляция и запрограммированное сознание... // Реклама: внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход : учеб. пособие / ред.-сост. Д. Я. Райгородский, Самара, 2001. – С. 610–636.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЮДЕЙ В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Т. В. Валисова

Кубанский государственный университет, филиал
в г. Славянске-на-Кубани, Краснодарский край, Россия

Summary. In this article is a comparison of intellectual characteristics of people in English and Russian Proverbs and sayings. Discusses what lexemes are indicated by the intelligence and stupidity. It turns out the similarities and differences of cultures and relations to smart and stupid.

Key words: proverb; mind; stupidity; comparison; token.

В настоящее время активно развивается международное сотрудничество, происходит постепенное взаимопроникновение культур через обмен информацией в различных сферах человеческой деятельности. Человеческие сообщества, принадлежащие разным нациям, странам и континентам, перестают быть изолированными. В частности, это происходит при сравнении различных языковых элементов, в том числе и пословиц.

Сравнение пословиц и поговорок разных народов показывает, как много общего имеют эти народы, что, в свою очередь, способствует их лучшему взаимопониманию и сближению. В пословицах и поговорках отражён богатый исторический опыт народа, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей [3, с. 80].

Познавательное значение пословиц состоит в том, что они типизируют явления, выделяют среди них наиболее показательные и отмечают в них самые существенные черты.

Пословица в обобщённом виде констатирует свойства людей и явлений, даёт им оценку или предписывает образ действий.

Пословицы не только отображают действительность и выражают отношение носителей определённого языка к тем или иным фрагментам мира, но и воспроизводят из поколения в поколение культурно-национальные установки и традиции народа-носителя языка [1, с. 60].

Наиболее распространённым человеческим недостатком, отражённым во фразеологии, является глупость. Дурак как социальный тип есть по своей сущности антигерой, его поведение расценивается как смешное и неподобающее. Дураков часто сравнивают с детьми (Children and fools must not play with edged tools). Глупость неискоренима (He who is born a fool is never cured), но

заразительна (One fool makes many), глупцом бывает каждый (Every man is a fool sometimes, and none at all times). Но дурак может оказаться советчиком и пророком: A fool may give a wise man counsel. С другой стороны, этот фразеологизм показывает сложное отношение к мудрости и глупости, их неоднозначность. Основные характеристики глупцов в английском языке таковы:

- любят во всё вмешиваться (Fools will be meddling);
- не умеют хранить деньги (A fool and his money are soon parted);
- упрямы (A wise man changes his mind, a fool never will),
- доставляют большие хлопоты (A fool may throw a stone into a well which a hundred men cannot pull out.) [2, с. 98].

Но умные люди используют глупых (Fools make feasts and wise men eat them). Кроме того, глупость не скроешь (More people know Tom Fool than Tom Fool knows).

Умный обозначается следующими лексемами: умного, умному, умник. Значение – коннотация, оттенок значения, у слова умник – немного пренебрежительная.

Глупый обозначается следующими лексемами: дурак, дуракам.

В английских пословицах ум представлен словами: wise man (умный человек), wise men (умные люди), wise (умник).

Интересно отметить, что wise по-английски означает «мудрый». Умный – Clever. Умный – тот, кто знает, а мудрый – тот, кто своими знаниями умеет воспользоваться, причём без вреда для других. Недаром в русском языке есть поговорка: «Если ты такой умный, тогда почему ты такой бедный?».

Глупый: fool (дурак).

В англоговорящих культурах отношение к «fools» мало чем отличается от нашего. Над ними потешаются в многочисленных поговорках и устойчивых выражениях, которые не всегда имеют аналоги в русском языке.

Fools rush where angels fear to tread (досл. «Дураки бросаются туда, где боятся ступить ангелы»). Эта пословица говорит о особенном энтузиазме дураков, ведь только глупые люди безрассудно возьмутся за дело, в котором даже самые осторожные и опытные побоятся рисковать. Nobody's fool (досл. «ничейный дурак»). Если кто-то вам похвастался, что вошёл в этот новый «социальный статус», не стоит понимать его буквально и спешить выражать сочувствие его одиночеству и интеллектуальной несостоятельности. Это выражение имеет совсем иное, если не сказать противоположное значение. Ведь так говорят об умных людях, которые могут сами о себе позаботиться [3, с. 59].

Например:

I consider myself a smart fool. Don't be anxious about my future. (Я считаю себя способным о себе позаботиться. Не беспокойтесь о моём будущем).

Англичане считают человека дураком потому, что:

- бедный A fool and his money are soon parted. Дурак легко расстаётся с деньгами.

- мало думающий A fool's tongue runs before his wit. Дурак сперва говорит, а потом думает.

- наивный As the fool thinks, so the bell clinks. Дурак думает, что стоит ему захотеть, и колокол зазвонит.

- недовольный Fools never know when they are well. Дураки никогда не знают, когда им хорошо.

Русские же считают дураками тех людей, которые:

- не имеют материальных благ;

- всегда выигрывают (дуракам везёт);

- наивны;

- рождены с отклонениями He who is born a fool is never cured.

Дураком рождённый – от дурости не излечится [1, с. 36].

Отсутствие ума в русской языковой картине мира связывается, как правило, с отсутствием материальных благ.

Таким образом, мы видим, что у русского народа отношение к дуракам положительное. У англичан скорее отрицательное.

Что общего в отношении к дуракам и умным у обоих народов?

Оба народа относятся несколько неуважительно к бедным людям. Но русские бедных-дураков жалеют, а англичане – презируют. К наивным относятся более снисходительно, терпимо, часто не воспринимают их всерьёз.

В национальных пословицах могут быть отражены особенности ментальности народа, его история, сведения о хозяйственной деятельности, традиции и обычаи. Вместе с тем пословицы англичан и русских имеют много общего, поскольку представления о высоких идеалах везде одинаковые, независимо от места проживания и принадлежности к той или иной нации.

Библиографический список

1. Бодрова Ю. В. Русские пословицы и поговорки и их английские аналогии. – М. : АСТ, Сова, 2007. – 160 с.
2. Дубровин М. И. Английские и русские пословицы и поговорки в картинках. – М. : Просвещение, 1993. – 349 с.
3. Ларина Т. В. Англичане и русские: язык, культура, коммуникация // Языки славянских культур. – 2013.

К ВОПРОСУ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Т. А. Корчмит

Лапшихинская средняя общеобразовательная школа,
с. Лапшиха, Ачинский район,
Красноярский край, Россия

Summary. This article observes communicative behavior at foreign language lesson. Complex of publications discuss this problem. Therefore I would like to join the polemics.

Key words: communicative behavior; speech etiquette; verbal communication; nonverbal communication; gestures; mimics.

Овладение иностранным языком неразрывно связано с овладением национальной культурой, которая предполагает не только усвоение культурологических знаний, но и формирование способности и готовности понимать ментальность носителей изучаемого языка, а так же особенности коммуникативного поведения народа этой страны.

Термин «коммуникативное поведение» был введён И. А. Стернинным в 1989 году. Вместе с Ю. Е. Прохоровым он рассматривает коммуникативное поведение как один из аспектов обучения иностранному языку и овладения иностранным языком наряду с такими аспектами, как говорение, чтение, письмо, аудирование и перевод.

Речевой этикет, как один из составляющих компонента национальной культуры, практически не включён в УМК по иностранному языку в средней школе, поэтому учителю необходимо уделять особое внимание и разработать свои направления преподавания речевого этикета, так как он имеет свои национальные особенности и обладает рядом универсальных черт, общих для различных народов. Сюда относятся сами принципы этикетного общения: сдержанность, вежливость, использование стандартных речевых формул в стандартных ситуациях общения.

Общекультурные нормы общения обладают определённой национальной спецификой. Так, у немцев и американцев при приветствии обязательна улыбка, а у русских – нет. При приветствии коллег у немцев принято рукопожатие, а у русских оно не обязательно и т. д.

В немецком коммуникативном поведении по сравнению с русским отмечается большая частотность использования единиц речевого этикета, а также больший набор нормативной этикетной

лексики. К примеру, универсальная формула «Guten Tag!», употребляемая в официальной и нейтральной обстановке общения, имеет следующие разговорные варианты: «Tag!», «Tagt!» а также используемые на севере Германии её варианты, как «Tagchen!», «Tach!», «Tachchen!», которые употребляются преимущественно среди молодёжи и в непринуждённой обстановке. Данные варианты не употребляются по отношению к незнакомым, а также в официальной обстановке общения.

Большое многообразие разговорных вариантов имеет также приветствие «Hallo!»: «Hallochen!», «Hallschen!», «Hi!», «Heу!», которым соответствуют русская формула «Привет!» с уменьшительно-ласкательной формой «Приветик» и «Салют» с вариантом «Салюттик», употребляемых в отличие от немецких формул и при прощании.

В этой связи ученикам предлагается информация о правилах приветствия в Германии и о доминирующих зонах общения во время упражнения-игры «Приветствие», которая заключается в том, чтобы учащиеся смогли поприветствовать друг друга на немецком языке с 10 оттенками: страха, удовольствия, дисциплинированности, удивления, упрёка, радости, неудовольствия, достоинства, иронии, безразличия. Отмечается также, что вокруг каждого из нас существует пространство, которое мы стремимся держать в неприкосновенности. Возникающее напряжение в процессе общения может быть индикатором нарушения пространства. Необходимо знать, что 0–0,5 м – интимное расстояние, на котором общаются близкие люди; 0,5–1,2 м – межличностное расстояние для разговора друзей; а 1,2–3,7 м – зона деловых отношений (руководитель-подчинённый).

Русской нейтральной формуле прощания «До свидания» соответствует несколько вариантов в немецком языке: нейтральная формула «Auf Wiedersehen!» с редуцированной формой «Wiedersehen!», синонимичная единица «Auf Wiederschauen!» с вариантом «Wiederschauen!». Причём «Auf Wiederschauen!» является диалектным вариантом, типичным для Баварии. Разговорная формула прощания «Tschis» («Пока!»), употребляемая прежде всего в неофициальной обстановке общения, в последнее время стала употребляться и в официальной сфере (в учреждениях, бюро, по телевидению). Она имеет такие варианты, как «Tschüß!» (северогерманский вариант написания), «Tschüss!» (новое правописание: ß = ss) «Tschühüs!», «Tschür!» (рейнландский региональный вариант), «Tschoho!», «Schoho!», «Dschis!»,

«Sehls!», «Adschis!», «Tschissie!», «Tschisschen!». Известны даже варианты «Tschüssikowski!», «Tschissinski!», которые используются в молодёжной среде.

Во время упражнения-игры «Прощание» все ученики встают в круг и друг за другом начинают прощаться. Целью этого упражнения является обучение учащихся прощаться «по-немецки» (как это принято в Германии).

Более или менее эквивалентными немецким формулам «Entschuldigung!» и «Verzeihung!» могут считаться русские «Извини/те!» и «Прости/те!», предполагающие обращение к собеседнику на «ты» или на «Вы», а также «Прошу прощения!». В немецком же языке «Entschuldigung!» и «Verzeihung!» не отражают оппозицию местоименного дейксиса «ты/Вы»; при этом распространяется, как правило, единица «Verzeihung» в отличие от «Entschuldigung».

Представляет интерес тот факт, что у немецкой интеллигенции обязательны извинения за ошибки в речи, а у русских это не принято. С точки зрения русских, ошибка, вызванная незнанием, а не моральной виной, не служит поводом для извинения. Таким образом, чувство вины является основным условием употребления формул извинения в русской культуре.

Некоторые немецкие этикетные единицы в отличие от русских способны распространяться большим набором «степенных определителей». Так, если русская формула благодарности «Спасибо!» может сочетаться, как правило, лишь со словами большой и огромный или с сочетанием на добром слове: «Большое спасибо!», «Огромное спасибо!», «Спасибо на добром слове!», то немецкое «Danke!» распространяется следующим образом: «Danke sehr!», «Danke schön!», «Dankeschön!», «Danke vielmals!», «Danke bestens!», «Vielen Dank!», «Schönen Dank!», «Herzlichen Dank!», «Besten Dank!». Причём прилагательные «schön», «viel», «herzlich» часто усиливаются наречием «recht» («Recht herzlichen Dank!»).

Немецкая формула прощания «Auf Wiedersehen!» может распространяться такими определениями, как bald, glücklich. «Auf ein baldiges Wiedersehen!», «Auf ein glückliches Wiedersehen!». Напротив, русское «До свидания!» распространяется, как правило, лишь одной лексемой «скорый»: «До скорого свидания!».

Немецкая пунктуальность и приверженность к «жизни по расписанию» стали причиной появления таких формул прощания, как «Bis gleich!», «Bis dann!», «Bis dahin!», «Bis nachher!»,

«Bis später!», «Bis bald!», «Bis morgen!». В данном случае русские обходятся формулами «Пока!», «До встречи!», «До скорого!»:

В немецком языке вышеназванные формулы имеют принципиальное значение при прощании. Так, «Bis gleich!» употребляется в том случае, если партнёры попрощались лишь на короткое время, «Bis bald!» в отличие от «Bis gleich!» предполагает более длительное расставание. «Bis später!» и «Bis nachher!» означают ещё более длительный период «разлуки». Если же партнёры оговаривают время следующей встречи, то при прощании они могут употребить «Bis dahin!», «Bis dann!».

Сопоставительные исследования невербальных компонентов общения в коммуникативном поведении двух народов позволяют выявить ко всему прочему национально-культурные особенности общения.

Так, в этикетной ситуации «Приветствие» распространённым жестом у немцев, встречающихся в местах общепита, является постукивание костяшками пальцев по столу в знак приветствия знакомых (преимущественно мужчин), сидящих за этим столом. Данный жест означает «Guten Tag allerseits!» («Всем добрый день!») или «Guten Abend allerseits!» («Всем добрый вечер!»). В большинстве случаев приветствующему отвечают тем же. У русских нет аналогичного жеста. Этим жестом также приветствуют немецкие студенты своих профессоров и преподавателей в университетах.

В случае, когда партнёров по коммуникации разделяет определённое расстояние, немцы приветствуют друг друга поднятием руки (чаще всего правой). При этом рука согнута в локте, ладонь повёрнута к приветствуемому, а кисть производит лёгкие движения из стороны в сторону. Русские же приветствуют партнёра лишь лёгким поднятием руки. Широко распространены помимо прочего кивки. Если сидящий за рулём автомобиля водитель проезжает мимо своего знакомого, то он приветствует его поднятием указательного пальца правой руки ко лбу или к краю шляпы. У русских водителей нет аналогичного жеста приветствия. Они либо поднимают руку, либо приветствуют своих знакомых сигналом автомобиля. К тому же касаться козырька (края) кепки (шляпы) в знак приветствия могут также и не водители.

Различия обнаруживаются также в этикетной ситуации «Пожелание». Например: немецкое пожелание удачи «Hals- und Beinbruch!» и синонимичное пожелание «Ich drucke Ihnen/dir den/die Daumen!» (дословно – «я зажимаю большой палец») могут сопровождаться или замещаться следующим жестом: боль-

шой палец зажимают остальными пальцами той же руки в кулак, рука приподнимается до уровня груди. Иногда этот жест выполняется обеими руками. У русских нет аналогичного жеста.

Среди жестов одобрения, совпадающих в немецкой и русской культурах в ситуации «Комплимент», выделяются следующие: кивать, хлопать в ладоши (аплодировать), похлопать по плечу. Национально специфичны жесты одобрения у немецких студентов: если студентам особенно понравилась лекция профессора, то они в знак благодарности и одобрения начинают стучать костяшками пальцев по столу. Для выражения одобрения, а также приветствия актёров в цирке и варьете (но не на концерте и в театре) необходимо потопать ногами. Что касается мимики, то «похвала и одобрение» подчёркиваются улыбкой, приветливое выражение лица варьируется в зависимости от ситуации.

При общении мы слушаем не только словесную информацию, но и смотрим в глаза друг другу, воспринимаем тембр голоса, интонацию, мимику, жесты. Слова передают нам логическую информацию, а жесты, мимика, голос эту информацию дополняют.

Альберт Мейерабиан установил, что передача информации происходит за счёт вербальных средств (только слов) на 7%, за счёт звуковых средств (включая тон голоса, интонацию звука) на 38% и за счёт невербальных средств на 55%. Профессор Бердвиссл установил, что в среднем человек говорит словами только в течение 10–11 минут в день, и что каждое предложение в среднем звучит не более 2,5 секунд.

Овладевая чужой невербальной коммуникацией через сопоставление с родной, учащийся глубже проникает в собственную национальную культуру, что играет немаловажную роль в воспитании всесторонне развитой личности.

По своей функции соматический язык (греч. soma «тело», «корпус») или язык тела подобен вербальному языку. Коммуникативные движения включают в себя так называемые кинемы, или автоматизированные движения, которые отличаются прямой связью с речевым сообщением. Дополняют и заменяют речевые действия. По моему мнению, особого внимания учителя заслуживают кинемы, не совпадающие в исполнении при совпадающих смыслах в коммуникативном поведении носителей русского и немецкого языков. (При счёте на немецком языке согнутые пальцы левой руки, начиная с большого пальца, разгибаются пальцами правой руки; в русском жесте, пальцы, начиная с мизинца, сгибают).

Выше перечисленные коммуникативные движения в той или иной мере я использую на уроке немецкого языка, например, упражнение-игру «Испорченный видеомаягнитофон», в которой сидящим в кругу участникам даётся задание – передать эмоциональное состояние, используя только невербальные средства. Состояние передаёт один участник следующему по кругу. Остальные сидят с закрытыми глазами. Когда каждый из группы получил и передал состояние, первый передающий сопоставляет то, что получил, с тем, что передавал. После игры у участников должно возникнуть желание понять, что такое невербальное общение, как расшифровать и понимать других по позе, жестам, выражению лица. Ведущий предоставляет такую информацию, перечисляет элементы невербальной коммуникации (тембр голоса и интонация, ширина зрачка; пространство, разделяющее говорящих, частота дыхания; жесты, телодвижения; осанка; одежда; выражение лица; символ статуса; контакт глазами и т. д.)

Следующие виды упражнений помогут учащимся более подробно рассмотреть средства невербальной коммуникации, определить их роль и научиться применять средства невербальной коммуникации.

1. Упражнение «Впечатление».

Перечислите, какое впечатление о вас может сложиться у иностранцев, если вы проявляете нетерпение, говорите повышенным или раздраженным тоном.

Варианты ответов:

- вам всё надоело;
- вам неинтересен ваш круг общения;
- вы не доброжелательны;
- вы не уважаете других.
- вы боитесь.

Далее ученикам предоставляется информация о значении некоторых жестов (скрещенные руки на груди, поза «льва» и т. д.).

2. Упражнение «Взгляд».

Продемонстрируйте ваш взгляд на собеседника: с укоризной, с настойчивым запретом, с безмерным удивлением, с гневом, с ожиданием дальнейших действий.

Обсуждается значение взгляда в технике общения. Дается рекомендация: как следует вести себя в беседе с представителем немецкой культуры. Данная информация позволит чувствовать себя увереннее и позволит сосредоточиться.

К упражнениям на использование жестов, представляющих определённую культуру, мы отнесли следующие упражнения:

1. Упражнение «А как у вас?».

Покажите, как с помощью жестов «сказать» следующее: «Kommen Sie!»; «Da drüben!»; «Geradeaus!»; «Das weiß ich nicht!» и т. д.

2. Упражнение «Имитационная игра» – войти в образ немца, австрийца или швейцарца. Изменились ли ваши жесты? Изменилось ли ваше эмоциональное состояние?

Целью всех данных упражнений является следующее: научить учащихся невербальному общению в коллективе и познакомиться с традициями и обычаями общения в разных странах. В результате чего ученики должны раскованнее общаться в коллективе, понимать настроения и чувства людей по жестам, мимике, позам, уметь вести переговоры с разными возрастными группами, независимо от их положения в обществе. Данные упражнения рассчитаны на снятие барьеров в ходе общения.

Обучение невербальным средствам коммуникации позволяет приблизить учащихся к полноценному коммуникативному акту.

Таким образом, овладение культурой невербального общения на уроке иностранного языка предполагает то, что преподаватель будет следить за своей жестикуляцией и внешним проявлением эмоций и правильно выполнять и добиваться чёткого выполнения студентами коммуникативных и некоммуникативных движений, характерных для традиций страны изучаемого языка. Тогда не будет вопросов, типа: зачем они, немцы, всё время улыбаются; уходя из гостей, так часто жмут руку; почему на вопрос «как дела» всегда говорят «прекрасно»; почему они не хотят слушать подробностей нашей жизни и не хотят произносить тосты; почему они в поезде не разговаривают с попутчиками и т. д.

Библиографический список

1. Баженова И. С. Культура невербального общения на уроке немецкого языка // ИЯШ. – 1996. – № 6.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : методич. руководство. – 3-е изд., переработ. и доп. – М. : Русский язык, 1983.
3. Городникова М. Д., Добровольский Д. О. Немецко-русский словарь речевого общения. – 2-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1999. – 140 с.
4. Пиз А. Язык телодвижений. – Нижний Новгород, 1992. – 40 с.
5. Стернин И. Л. О понятии коммуникативного поведения // Kommunikativ – funktionale Sprachbetrachtung. Halle, 1989. – S. 279–282.

ВЛИЯНИЕ ЗНАНИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА НА ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО

Л. Р. Гараева

Оренбургский государственный педагогический
университет, г. Оренбург, Россия

Summary. The article considers the problem of the influence of the knowledge of the Tatar language to study the Russian language. The author reveals the features of the by pupils of Russian and Tatar language, allocates specific errors in your students.

Key words: the Russian language; the Tatar language; peculiarities of the Russian language; speech errors.

Социально-культурное развитие ребёнка – процесс вхождения в культуру, в социальную среду, процесс идентификации и интеграции в ней [2]. Село, в котором проводилось наше исследование, мусульманское, 95 % населения составляют татары. Отсюда средством общения жителей является татарский язык. Отсутствие русской языковой среды сказывается на процессе овладения навыками речи на русском языке. Мы поставили перед собой цель: **изучить** факторы, влияющие на изучение русского языка учениками татарами, выяснить типичные ошибки в освоении русского языка учащимися школы. Нами были выявлены следующие особенности. И в русском, и в татарском языке написание 33-х букв одинаковое. В татарском языке все новые слова образуются путём присоединения к корню различных аффиксов. В татарском языке нет приставок. В связи с этим у детей татар часто возникают трудности при употреблении глаголов, имеющих приставки. Несовпадение лексических значений отдельных слов в русском и татарском языках приводит к речевым ошибкам. Часто нескольким глаголам или прилагательным в татарском языке соответствует лишь одно слово русского языка, и наоборот, одному татарскому – несколько русских слов. Например, движение от исходного до конечного пункта в татарском языке звучит как «бару», а в русском языке означает: идти, ехать. Отсюда в речи учащихся татар присутствуют ошибки такого рода: вместо «Он поехал в Москву», могут сказать: «Он пошёл в Москву». Одна из наиболее часто встречающихся ошибок – это неправильное употребление предлогов. Наибольшую трудность при обучении русскому языку у учащихся представляет грамматическая категория рода и связанные с ней формы согласования. Объясняется это, как известно, отсутствием грамматической категории рода

в татарском языке. Особую сложность представляет категория одушевлённости/неодушевлённости. В татарском языке вопрос кто? задаётся только к человеку. Эти знания учащиеся переносят на русский язык и допускают ошибки, задавая вопрос что? к животным. В простом повествовательном предложении основным законом является постановка сказуемого на самый конец предложения. Эти знания учащиеся используют при составлении предложения в русском языке и стремятся сказуемое употребить в конце предложения. Однако отмечаются и положительные стороны двуязычия: способность выразить одну мысль на разных языках, что даёт возможность увидеть свой язык, как одну определённую систему среди многих других.

Библиографический список

1. Ахметгалиева Я. С. Ошибки учащихся татар в русском произношении. – Казань, 1975.
2. Зебзеева В. А. Экологическая субкультура детства: уровни идентификации // Социальная психология детства: ребёнок в семье, институтах образования и группах сверстников : матер. междунар. науч.-практ. конф. – Пенза – Витебск – М. : Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – С. 69–73.

О ПРОБЛЕМАХ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО (ПЕДАГОГИЧЕСКОГО) ОБРАЗОВАНИЯ

Ф. Б. Гайнуллина

**Стерлитамакский филиал Башкирского
государственного университета, г. Стерлитамак,
Республика Башкортостан, Россия**

Summary. The article focuses on topical issues related to the preparation of teachers for the school of education. Addresses training in three areas: training of specialists of education in universities and professional development of teachers and retraining of pedagogical staff.

Key words: philological education; training; teacher training; retraining of pedagogical staff.

Реализация новых стандартов на всех ступенях общего и профессионального образования *требует соответствующей подготовки руководящих и педагогических кадров*, как в системе высшего профессионального образования, так и в системе дополнительного профессионального педагогического образования.

Подготовка кадров для школьного филологического образования ведётся по трём направлениям: подготовка специалистов

филологического образования в вузах; повышение квалификации учителей в ИПК, ФПК и переподготовка педагогических кадров.

Первое направление. Проблема подготовки учителей русского языка и литературы особенно актуализировалась с введением многоуровневой системы педагогического образования, которая обусловлена международными интеграционными процессами в области образования на основе идей Лиссабонской конвенции (1997), Болонской декларации (1999). На Всероссийском совещании руководителей органов управления образованием (г. Москва, январь 1992 г.) была принята концепция личностно-ориентированной системы образования, которая так же легла в основу введения многоуровневой подготовки кадров в целом, педагогической в частности.

В 1994 году Правительство России утвердило Федеральную программу развития образования, в соответствии с которой определены главные задачи для системы высшего и среднего профессионального образования:

- создание надёжных гарантий реализации государственной политики в области профессионального образования;
- обеспечение широкого доступа к профессиональному образованию, повышение его качества и конкурентоспособности;
- сбалансированное развитие системы профессионального образования;
- его высокая социальная и экономическая результативность.

Подготовка учителя русского языка и литературы в российских вузах осуществляется двумя уровнями: учитель-бакалавр, организующий учебную работу по обучению русскому языку и литературе школьников среднего звена общеобразовательной школы (5–8 кл.) и учитель-магистр, организующий учебную работу по русскому языку и литературе школьников старшего звена общеобразовательной школы (9–11 кл.). В его функцию входит организация научно-исследовательской деятельности учащихся.

Требования к обязательному минимуму содержания основной образовательной программы подготовки учителя русского языка и литературы, к условиям её реализации и срокам её освоения определяются настоящим Государственным образовательным стандартом.

Основная образовательная программа подготовки учителя русского языка и литературы состоит из дисциплин федерального компонента, дисциплин национально-регионального (вузовского) компонента, дисциплин по выбору студента, а также факультативных дисциплин. Дисциплины и курсы по выбору

студента в каждом цикле должны содержательно дополнять дисциплины, указанные в федеральном компоненте цикла.

Основная образовательная программа подготовки учителя русского языка и литературы должна предусматривать изучение студентом следующих циклов дисциплин и итоговую государственную аттестацию:

- цикл ГСЭ – общие гуманитарные и социально-экономические дисциплины;

- цикл ЕН – общие математические и естественнонаучные дисциплины;

- цикл ОПД – общепрофессиональные дисциплины;

- цикл ДПП – дисциплины предметной подготовки;

- ФТД – факультативные дисциплины.

Филологический факультет БашГУ ведёт подготовку по целому ряду специализаций в рамках единой специальности «Филология»:

- Русский язык и литература;

- Русский язык и литература в межнациональной коммуникации;

- Языки и литературы народов РФ (башкирский язык и литература, татарский язык и литература, русский язык и литература);

- Теория и история художественной культуры.

Дополнительные специализации (обучение на внебюджетной основе):

- Филологическое обеспечение информационно-издательской деятельности;

- Филологическое обеспечение связей с общественностью;

- Переводоведение и практика перевода;

- Филологическое обеспечение рекламы.

Образовательную деятельность на факультете башкирской филологии Стерлитамакского филиала БГУ ведут следующие кафедры:

- Башкирского языка;

- Башкирской литературы.

Филологическое образование на факультете можно получить по профилям: родной (башкирский) язык и литература с дополнительной специальностью русский язык, родной (башкирский) язык и литература с дополнительной специальностью иностранный (английский) язык, родной (башкирский) язык и литература с дополнительной специальностью история.

Второе направление связано с послевузовской подготовкой кадров в аспирантуре и докторантуре.

Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22.08.96 г., приказ Минобразования

России «Об утверждении Положения о подготовке научно-педагогических и научных кадров в системе послевузовского профессионального образования Российской Федерации», решения Учёного совета вузов предоставляют возможность повышения уровня научной и научно-педагогической квалификации в докторантуре и аспирантуре.

В соответствии со ст. 21 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (Собрание законодательства Российской Федерации. 1996, № 15, ст. 4135) докторантура и аспирантура являются основными формами подготовки научно-педагогических кадров в системе послевузовского профессионального образования, научной и педагогической квалификации. Соискательство является формой выполнения диссертаций специалистами, прикреплёнными к кафедрам вузов для подготовки кандидатских и докторских работ.

В аспирантуру на конкурсной основе принимаются граждане РФ, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста и творческие достижения в научной работе.

В докторантуру принимаются граждане РФ, кандидаты филологических наук, имеющие научные достижения в области филологии и способные на высоком уровне проводить фундаментальные, поисковые и прикладные научные исследования.

Подготовка молодых специалистов в аспирантуре вузов осуществляется по индивидуальным планам и профессиональным государственным образовательным стандартам послевузовского профессионального образования по актуальным темам филологии.

Диссертационные исследования аспирантов, докторантов и соискателей проходят в рамках основного направления соответствующих научных школ по выбранной специальности. Научное руководство осуществляют высококвалифицированные специалисты – доктора наук, профессора. Обучение аспирантов и соискателей проводят известные педагоги и учёные.

В. Л. Мамаева и А. И. Терехова в своей статье «Анализ тенденций формирования и проблем воспроизводства кадрового потенциала науки» приводят данные о числе специалистов, утверждённых ВАК России в учёной степени кандидата и доктора наук по отраслям за 1991 и 1993 гг. По филологии это представлено в следующих цифрах:

1991 год: канд. филолог. наук – 519, докт. филолог. наук – 104;

1993 год: канд. филолог. наук – 461, докт. филолог. наук – 108.

В Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина только за 2006 год были защищены 75 кандидатских диссертаций. По данным сайта с 2009 по 2012 гг. по филологии защищены 12546 диссертаций [1]. Из общего количества защищённых диссертаций по специальности «Филология» по русскому языку и литературе приходится из 1000 работ 1/6 часть. Это говорит о том, что в России с каждым годом сокращается число специалистов высшей категории в области русского языка и литературы.

Третье направление подготовки предметников-филологов – это повышение квалификации учителей русского языка и литературы и переподготовка педагогических кадров.

Коллективы институтов повышения квалификации проводят большую работу по созданию и реализации программ повышения квалификации для различных категорий работников образования, обеспечивающих их готовность к работе в условиях введения федеральных государственных образовательных стандартов. Программы разрабатываются в соответствии с Концепцией федерального государственного образовательного стандарта, федеральными государственными стандартами по ступеням общего и профессионального образования, на основе Квалификационных характеристик должностей работников образования.

В структуре программ выделены инвариантные и вариативные модули, отражающие сущность и отдельные направления внедрения стандартов в образовательном учреждении. Обязательными для всех категорий слушателей является изучение Концепции федерального государственного образовательного стандарта, стандарта соответствующего уровня (или федеральных государственных требований), практическое овладение основами разработки основной образовательной программы и программ по профилю работы слушателей, освоение технологий реализации ФГОС, формирования современной информационной образовательной среды специалистами конкретного направления. Вариативные модули ориентированы на конкретные вопросы реализации ФГОС по различным аспектам деятельности работников образовательных учреждений. Технологии реализации программ повышения квалификации и переподготовки работников образования предполагают возможность использования очной, очно-дистанционной, дистанционной форм организации обучения.

В качестве примера приведём краткое содержание программы, которая реализуется на курсах повышения квалификации

и переподготовки работников образования «ФГОС и актуальные проблемы преподавания русского языка и литературы».

Содержание программы составляют пять основных разделов: два из них посвящены повышению квалификации в области предмета «Русский язык», три раздела – в области предмета «Литература». Каждый из разделов организован модульным образом и включает в себя от 3 до 7 модулей. Это нормативно-правовой модуль, психолого-педагогический модуль, модуль предметной области, модуль современных технологий, контрольно-оценочный модуль, практический модуль, итоговая аттестация.

Таким образом, реализация подготовки педагогических кадров по филологическому образованию ведётся в нескольких направлениях. Первое направление подготовки осуществляется как базовое филологическое образование в университетах, педагогических вузах на двух уровнях – в бакалавриате и в магистратуре. Второе направление связано с послевузовской подготовкой в аспирантуре и докторантуре. Третье направление включает повышение квалификации учителей по русскому языку и литературе и переподготовку педагогических кадров.

Библиографический список

1. Электронный ресурс. URL : http://www.dissforall.com/_catalog/t13/_science/76/_page/54/_order.

ВРЕМЯ КАК КРИТЕРИЙ КЛАССИФИКАЦИИ КУЛЬТУР

Г. Г. Лашук, И. В. Рутковский
Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь

Summary. Time is seen in a different light by different cultures. Each culture has its own notion of nature and essence of time. In his book «When Cultures Collide» Richard D. Lewis classifies cultural norms into Linear-Active, Multi-Active and Re-Active.

Key words: multi-active cultures; linear-active people; cyclic time.

Сегодня опубликовано достаточно много литературы на тему столкновения культур. В современной сравнительной культурологии существуют большие разногласия относительно критериев для сопоставления культур. Предлагаются такие критерии, как например, индивидуализм-коллективизм, дистанция власти, мужественность-женственность, мировоззрение, отношение

к природе и другие. В своей книге «Деловые культуры в международном бизнесе» Р. Льюис вводит новый критерий – время.

В разных культурах время воспринимается по-разному. Отношение ко времени может отличаться даже в рамках одной культуры. Согласно классификации Льюиса, например, Германия, Швеция, Англия, Швейцария относятся к моноактивным культурам. Для этих культур характерна пунктуальность. Они систематически планируют будущее, подчиняются графикам и расписанию, строго придерживаются планов. Германские, скандинавские народы в основном используют линейную модель времени и действия и не могут заниматься несколькими делами параллельно. Они предпочитают делать одно дело в одно определённое время, сосредотачиваются на нём и выполняют в заранее запланированные сроки.

Полиактивные культуры, например, Россия, Италия, Франция, страны Латинской Америки планируют только в общих чертах, делают несколько дел одновременно, работают в любое время. Они отличаются непунктуальностью, часто меняют свои планы. Для представителей полиактивных культур реальность важнее распорядка, устанавливаемого человеком. Они ценят, прежде всего, относительную эмоциональность или значимость каждой встречи. Если в странах с моноактивным населением время привязано к часам и календарю, то в полиактивных культурах время – это субъективная величина, с которой можно обращаться независимо от того, что показывают часы.

К реактивной культуре Льюис относит Японию, Китай, Тайвань, Сингапур, Корею, Турцию и Финляндию. Представители этой культуры пунктуальны, реагируют по ситуации, работают по гибкому графику.

В некоторых восточных культурах единственно возможным отношением ко времени является адаптация людей к нему. Представители этих культур считают, что время не линейно, но и не привязано к людям или событиям, оно циклично. В буддистской культуре, например, не только время, но и сама жизнь идёт по кругу. Малагасийцы, таитяне, японцы, испанцы и многие другие народы пользуются представлением о времени, которое приводит их к конфликту с линейно ориентированными культурами в социальной и деловой сферах. Этот конфликт оказывается наиболее острым в области экономики, коммерции и производства.

Библиографический список

1. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. – М. : Дело, 1991.

**План международных конференций,
проводимых вузами России, Азербайджана, Армении,
Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши,
Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2014 году**

Все сборники будут изданы в чешском издательстве
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Прага)

15–16 января 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты»** (К-01.15.14)

17–18 января 2014 г.

II Международная научно-практическая конференция **«Развитие творческого потенциала личности и общества»** (К-01.17.14)

20–21 января 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Социальная психология детства: ребенок в семье, институтах образования и группах сверстников»** (К-01.20.14)

25–26 января 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Региональные социогуманитарные исследования. История и современность»** (К-01.25.14)

27–28 января 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Идентичность личности и группы: психолого-педагогические и социокультурные аспекты»** (К-01.27.14)

1–2 февраля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Формирование добрососедских этноконфессиональных отношений как одна из важнейших задач современной цивилизации»** (К-02.01.14)

10–11 февраля 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Профессионализация личности в образовательных институтах и практической деятельности: теоретические и прикладные проблемы социологии и психологии труда и профессионального образования»** (К-02.10.14)

15–16 февраля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Психология XXI века: теория, практика, перспектива»** (К-02.15.14)

16–17 февраля 2014 г.

Очная конференция в г. Санкт-Петербурге.

IV международная научно-практическая конференция **«Общество, культура, личность. Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания»** (К-02.05.14)

20–21 февраля 2014 г.

Очная конференция в г. Киеве.

IV международная научно-практическая конференция **«Инновации и современные технологии в системе образования»** (К-02.20.14)

25–26 февраля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Экологическое образование и экологическая культура населения»** (К-02.25.14)

1–2 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Партнерство социальных институтов воспитания в интересах детства»** (К-03.01.14)

5–6 марта 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях»** (К-03.05.14)

10–11 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Национальные культуры в социальном пространстве и времени»** (К-03.10.14)

13–14 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты»** (К-03.13.14)

15–16 марта 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность»** (К-03.15.14)

20–21 марта 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика»** (К-03.20.14)

25–26 марта 2014 г.

Очная конференция в г. Москве.

IV международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований»** (К-03.25.14)

27–28 марта 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Современные инфокоммуникационные и дистанционные технологии в образовательном пространстве школы и вуза»** (К-03.27.14)

29–30 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Личность и социальное развитие»** (К-03.28.14)

1–2 апреля 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Игра и игрушки в истории и культуре, развитии и образовании»** (К-04.01.14)

5–6 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия»** (К-04.05.14)

7–8 апреля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские вопросы современной психологии, нейрофизиологии, нейроморфологии и психолингвистики»** (К-04.07.14)

10–11 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития образования в XXI веке: профессиональное становление личности (философские и психолого-педагогические аспекты)»** (К-04.10.14)

15–16 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Информационно-коммуникационное пространство и человек»** (К-04.15.14)

18–19 апреля 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Преемственность между начальным общим и основным общим образованием: содержание, управление, мониторинг»** (К-04.18.14)

20–21 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социальные науки и общественное здоровье: теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения»** (К-04.20.14)

22–23 апреля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Деятельность социально-культурных институтов в современной социокультурной ситуации: проблемы теории и практики»** (К-04.22.14)

25–26 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания: материалы международной научно-практической конференции»** (К-04.25.14)

28–29 апреля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Самореализация потенциала личности в современном обществе»** (К-04.28.14)

2–3 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования»** (К-05.02.14)

5–6 мая 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»** (К-05.05.14)

10–11 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире»** (К-05.10.14)

13–14 мая 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы»** (К-05.13.14)

15–16 мая 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия»** (К-05.15.14)

20–21 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Текст. Произведение. Читатель»** (К-05.20.14)

22–23 мая 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Реклама в современном мире: история, теория и практика»** (К-05.22.14)

25–26 мая 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»** (К-05.25.14)

1–2 июня 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»** (К-06.01.14)

3–4 июня 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Теоретические и прикладные вопросы специальной педагогики и психологии»** (К-06.03.14)

5–6 июня 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-06.05.14)

7–8 июня 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи»** (К-06.07.14)

10–11 сентября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-09.10.14)

15–16 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-09.15.14)

20–21 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-09.20.14)

25–26 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Проблемы становления профессионала»** (К-09. 25.14)

28–29 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации»** (К-09.28.14)

1–2 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-10.01.14)

5–6 октября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-10.05.14)

10–11 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы связей с общественностью»** (К-10.10.14)

12–13 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития»** (К-10.12.14)

13–14 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях»** (К-10.13.14)

15–16 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-10.15.14)

20–21 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Трансформация духовно-нравственных процессов в современном обществе»** (К-10.20.14)

25–26 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-10.25.14)

28–29 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии»** (К-10.28.14)

1–2 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-11.01.14)

3–4 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования»** (К-11.03.14)

5–6 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы»** (К-11.05.14)

10–11 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Доподшкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы»** (К-11.10.14)

15–16 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Проблемы развития личности»** (К-11.15.14)

20–21 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-11.20.14)

25–26 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к будущему»** (К-11.25.14)

1–2 декабря 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-12.01.14)

3–4 декабря 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития экономики и управления»** (К-12.03.14)

5–6 декабря 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-12.05.14)

7–8 декабря 2014 г. Международная научно-практическая конференция **«Безопасность человека и общества»** (К-12.07.14)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям. Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера». Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (Париж), ему присвоен номер ISSN 2078-7081; а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования. **Индекс цитирования** – принятая в научном мире мера «значимости» трудов какого-либо ученого. Величина индекса определяется количеством ссылок на этот труд (или фамилию) в других источниках. В мировой практике индекс цитирования является не только желательным, но и необходимым критерием оценки профессионального уровня профессорско-преподавательского состава.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука
- В помощь преподавателю
- В помощь учителю
- В помощь соискателю
- Объем журнала – 100–300 страниц.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Б. А. Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Н., доктор экономики, профессор (София, Болгария), Большакова А. Ю., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия), Берберян А. С., доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Волков С. Н., доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия),

Голандам А. К., преподаватель кафедры русского языка Гилянского государственного университета (Решт, Иран), Кашпарова Е., доктор философии (Прага, Чехия), Насимов М. О., кандидат политических наук, проректор по воспитательной работе и международным связям университета «Болашак», директор Кызылординского филиала Ассоциации политических исследований (г. Кызылорда, Казахстан), Сапик М., доктор философии, доцент (Колин, Чехия), Хрусталькова Н. А., доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphaera@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravchnikudc/; www.jscc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210×297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 2–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Имя файла, отправляемого по e-mail, соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ** квитанция или **German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003, тщательно выверены и отредактированы. Допускается их архивация стандартным архиватором RAR или ZIP.

Выпуски журнала располагаются на сайте НИЦ «Социосфера» по адресу <http://sociosphaera.com> в PDF-формате.

УДК 94(470)»17/18»

**ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XVIII–XIX ВВ. В ОСВЕЩЕНИИ
МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

И. И. Иванов

**Семиреченский институт экономики и права, г. Семиреченск,
N-ский край, Россия**

**QUESTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF SEMIRECHENSK IN XVIII–XIX IN VIEW
OF LOCAL PERIODICAL PRESS**

I. I. Ivanov

**Semirechensk Institute of Economics and Law,
Semirechensk, N-sk region, Russia**

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Key words: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике.

Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. — 1911. — № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. — М. : Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki> (дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров — СПб. : Новая энциклопедия, 1991. — Т. 3. — С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. — New York.: H-Studies, 2001. — 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

Оплата публикации

Стоимость публикации составляет **200 рублей за 1 страницу**. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 200 руб. за один экземпляр.

Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации!

Тел. (8412) 21-68-14, e-mail: sociosphere@yandex.ru
Главный редактор – Дорошин Борис Анатольевич.
Генеральный директор НИЦ «Социосфера» –
Дорошина Илона Геннадьевна.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» – VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFĚRA-CZ»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии

(в выходных данных издания будет значиться –

Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

или в России

(в выходных данных издания будет значиться –

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу *.
- Изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу.
- Дизайн обложки – 500 рублей.
- Печать тиража в типографии – по договоренности.
- Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «Премииум» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* Формат страницы А4 (210×297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

Научно-издательский центр «Социосфера»
Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Пензенский государственный технологический университет

ПРАКТИКА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Материалы IV международной научно-практической
конференции 1–2 декабря 2013 года

Редактор В. А. Дорошина
Корректор Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет Г. А. Кулаковой
Дизайн обложки Ю. Н. Банниковой

Подписано в печать 30.12.2013. Формат 60×84/16.
Бумага писчая белая. Учет.-изд. л. 8,4 п. л.
Усл.-печ. л. 7,18 п. л.
Тираж 100 экз.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky.
Tel. + 420608343967,
web site: <http://sociosphaera.com>,
e-mail: sociosphaera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412) 56-25-09